

Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Записки книжников, людей, причастных к книге, к книжному делу—издателей, типографов, книгопродавцев, библиофилов,— относятся к мемуарам особого рода. Своеобразие этих записок в том, что главным их героем, живым, самоценным, подлинным, является КНИГА, любовь к которой, работа с которой нередко составляет, заполняет всю жизнь и автора воспоминаний, и его персонажей. Книга в воспоминаниях книжников нередко персонифицируется, даже обожествляется. Она, дающая духовную пищу, делающая человека Человеком, предстает здесь как нечто святое. Любовь к ней определяет судьбу человека.

Писатель В. А. Каверин вспоминал в своих «Заметках о чтении» об одном интересном разговоре: «В двадцатых годах, часто бывая в букинистических лавках, соединявшихся одна с другой вдоль Литейного проспекта, я разговорился однажды с Ф. Г. Шиловым, известным знатоком старой книги. Речь шла о книжных собраниях, и он, к моему удивлению, заметил, что подлинных коллекционеров в Ленинграде давно уже нет. В ответ я немедленно назвал профессора Л., обладателя может быть самой большой в Советском Союзе библиотеки.

— Нет,— сказал Шилов,— Л. не коллекционер. Он дорожит книгой, но для него на первом месте не книга, а то, сколько она вследствие своей редкости стоит. Он, надо думать, не раз и не два с карандашом в руке подсчитал стоимость своей библиотеки. Она для него — капитал. Значит, это не книжник. Я назвал Т., известного романиста, собравшего бесценную, хотя и не очень большую библиотеку, в особенности редкую потому, что в ней с большой полнотой был представлен XVIII век.

Нет,— сказал Шилов,— и Т. не собиратель, книги нужны ему для работы, не сами по себе, а для того, чтобы написать новые книги.

Я спросил его, кто же тогда, по его мнению, собиратель, и он назвал две или три незнакомые фамилии. Что значит книголюб?— спросил он.— Это человек, для которого ничего нет на свете, кроме этой любви. Ни жены, ни детей, ни друзей. Книга для него — вся жизнь. А жены у него, между прочим, даже не может быть, потому что женщина книгу не любит» (цит. по кн.: Вечные спутники. Советские писатели о книгах, чтении, библиофильстве (Сост. А. В. Блюм. М., 1983. С. 71—72).

Конечно, Шилов, сам выдающийся букинист и собиратель, создает идеальный, редкостный, даже несколько гипертрофированный образ книжника, но такие подвижники книги были в жизни, и это удивительно.

Воспоминаний книжников в нашей стране издано сравнительно мало, хотя первым известным мемуарным свидетельством такого рода можно считать послесловие Ивана Федорова к Апостолу, напечатанному во Львове в 1574 году. Здесь основатель книгопечатания на Руси и Украине поведал историю своей жизни и скитаний, начиная с отъезда из Москвы в 1565 году и кончая появлением во Львове в 1572 году. Жаль, что не оставил воспоминаний замечательный издатель и книгопродавец XVIII века Н. И. Новиков. Собирался написать «Записки книгопродавца» знаменитый А. Ф. Смирдин, да так и не собрался. В 1879 году вышла в количестве 99 экземпляров небольшая книжка «Материалы для истории книжной торговли» с воспоминаниями петербургских книгопродавцев и издателей И. Т. Лисенкова и Н. Г. Овсянникова. Затем появились записки Н. И. Свешникова, Д. В. Ульянинского, А. А. Астапова, С. Ф. Либровича, А. П. Бахрушина, Л. Ф. Пантелеева, В. Я. Адарюкова... В начале 30-х годов начал писать свои мемуары крупнейший русский антиквар-букинист П. П. Шибанов. Его воспоминания, которые он не успел завершить, напечатаны, хотя и не полностью, в начале 70-х годов. В известной мере к мемуарным книгам можно отнести и «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, вышедшие первым изданием в 1959 году. Следом вышли воспоминания Ф. Г. Шилова, И. Д. Сытина (написаны еще в 20-е годы), В. Г. Лидина, П.

Н. Мартынова, Л. И. Борисова, С. Е. Поливановского, М. В. Сабашникова, Е. Д. Петряева, Н. В. Кузьмина, В. В. Лазурского, Н. Н. Покровского и др. Отрадно отметить, что в последние годы нашими издательствами выпускается все больше и больше мемуаров книжников.

В настоящий том вошли воспоминания двух известных ленинградских антикваров-букинистов—Федора Григорьевича Шилова (1879—1962) и Петра Николаевича Мартынова (1902—1969). Каждый из них полвека своей жизни отдал работе со старой книгой, держал в руках сотни тысяч книг, зачастую редчайших, а то и уникальных, а также рукописей, автографов, встречался с интереснейшими людьми своего времени. О многих замечательных современниках и книгах рассказали они в своих записках, которые как бы хронологически продолжают друг друга: Ф. Г. Шилов в основном вспоминает о событиях дореволюционных лет и сравнительно немного о советском периоде, а П. Н. Мартынов пишет исключительно о советском времени, начиная с 1920 года. В то же время оба книжника—современники, более сорока лет их деятельности прошли в одно время, в одном городе, они были свидетелями одних и тех же событий, встречались примерно с одним и тем же кругом людей. Поэтому их воспоминания не только дополняют друг друга, но и органично сливаются как бы в единую книгу. Первое издание «Записок старого книжника» Шилова вышло в 1959 году. Одним из самых внимательных и придирчивых читателей их был П. Н. Мартынов. В своей книге, вышедшей спустя десять лет, он часто рассказывает о тех же людях и событиях, при этом нередко дополняя или уточняя сведения Шилова. То же и с рассказами о конкретных книгах. Воспоминания Мартынова содержат в себе как бы «комментарий» ко многим страницам шиловских записок. И этот «комментарий» не случаен. Свою книгу Шилов писал на склоне лет, полуслепой, очевидно, лишенный возможности проверить написанное по литературным источникам, полагаясь исключительно на свою память. И хотя В. Г. Лидин подчеркивает в предисловии к изданию, что «...в своих воспоминаниях, написанных в ту позднюю пору жизни, когда обычно память изменяет человеку, Ф. Г. Шилов обнаружил, однако, такую ясность внутреннего зрения, что дивишься ее свежести» (наст. изд., с. 12), даже исключительная память не может сохранить всех подробностей и мелочей. Несомненно, Мартынов в своих воспоминаниях поправлял Шилова в том, что ему было хорошо известно, например в передаче эпизода с приобретением Демьяном Бедным у Шилова писем из архива великого князя Константина Константиновича или истории о приобретении Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина древней Супрасльской рукописи. Представляется, однако, что существовавшее мнение о немалом числе натяжек и уклонений от истины в записках Шилова (см.: Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров, 1978. С. 162) преувеличено. Очевидно, их не больше, чем во множестве других мемуаров. Недаром такой строгий, педантичный исследователь, как П. Н. Берков, в своих историко-библиофильских книгах часто цитирует и упоминает записки Шилова, в общем-то доверяя его сведениям. Выборочная проверка фактического материала в воспоминаниях Шилова при подготовке настоящего издания убедила в достоверности многих сообщаемых им фактов. Ф. Г. Шилов—много знающий, наблюдательный, талантливый даже литературно рассказчик, и его запискам, несомненно, суждена долгая жизнь.

В настоящем издании непосредственно в текст записок внесено свыше 50 поправок — уточнено написание фамилий, инициалов, названий книг, дат. Многие неточности оговариваются в примечаниях, в указателе имен приведены инициалы при фамилиях, упоминаемых Шиловым без инициалов.

В отличие от записок Шилова, воспоминания Мартынова были уже в первом издании очень хорошо подготовлены и самим автором, и, несомненно, П. Н. Берковым, ответственным редактором книги: материал выверен по литературным источникам, точно документирован, уточнен в беседах с другими букинистами и библиофилами. Поэтому

при подготовке их для настоящего издания потребовались лишь небольшие уточнения и примечания.

Воспоминания Шилова и Мартынова необыкновенно ценны богатейшим фактическим материалом. Здесь и рассказы о букинистической торговле Петербурга — Петрограда—Ленинграда более чем за 70 лет, начиная с 90-х годов прошлого века, и удивительные портреты букинистов, знаменитых и забытых, и целая галерея библиофилов, людей, безмерно влюбленных в книги, страстных собирателей; и, наконец, рассказы о прекрасных, редких и ценных книгах, одно упоминание которых будоражит воображение знающего книжника.

Мемуары Ф. Г. Шилова и П. Н. Мартынова сочетают огромный фактический материал, зачастую

уникальный, с охватом большого исторического периода. Это делает их бесценным источником сведений по истории антикварно-букинистической торговли.

И ко всему этому воспоминания — увлекательнейшее чтение, которое так много дает душе истинного друга книги.

«ЗАПИСКИ СТАРОГО КНИЖНИКА»

Федору Григорьевичу Шилову выпало за свою долгую и несомненно интересную жизнь познать немало поучительного. Свыше семидесяти лет общался он с высшим созданием человеческого разума—книгой. Сотни тысяч книг, зачастую замечательных, единственных, неповторимых, прошли через его руки. Тысячи и тысячи рукописей и автографов великих людей, начиная с Ломоносова и Пушкина, Петра I и Суворова и кончая нашими современниками, держал он в своих руках, и не только держал, но изучал и прославлял.

Удивительный дар дан этим самоучкам из народа, учившимся на медные пятаки, прошедшим тяжелое детство в мальчиках на побегушках,— русским книжникам-букинистам. Сами, своим путем познавали они величие Слова, полюбили его, стали его приверженцами и пропагандистами. Помогали знаменитым ученым и писателям собирать их библиотеки. Ездили по городам и весям огромной полуграмотной России, находя сокровища у невежественных потомков вельмож и отпрысков государственных людей прошлого, внимая поступи истории в указах Петра I, письмах Екатерины II, донесениях Суворова и Кутузова, горьких и пламенных призывах Радищева, в поэзии Пушкина и стихах декабристов,— и так вплоть до нашего века, до Менделеева и Сеченова, Горького и Куприна, Блока и Маяковского...

Все прошло через их руки, и, хотя люди эти были в большинстве своем малограмотные, глубоким национальным чувством ощущали они величие русской

культуры, и немалый их труд положен во славу полноты книжного собрания и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и библиотек Академии наук СССР и Пушкинского дома...

Федор Григорьевич Шилов принадлежал к этому славному племени. По возрасту он один из последних представителей того поколения книжников, которое начинало свою деятельность в конце прошлого века, в глухую пору императорской России.

Добрым словом и дружбой дарили Шилова и профессор И.А. Шляпкин, и библиограф П.А. Ефремов, и академики С.И. Вавилов и И.Ю. Крачковский, и А. М. Горький, и Демьян Бедный...

В своих воспоминаниях, написанных в ту позднюю пору жизни, когда обычно память изменяет человеку, Ф. Г. Шилов обнаружил, однако, такую ясность внутреннего зрения, что дивишься ее свежести. Он живет в своем мире, полном воспоминаний о людях, с которыми дружил, о прекрасных книгах, которые держал в руках. Это воспоминания человека, страстно влюбленного в книгу, осуществившего немало изданий

во славу ее, начиная со сборника «Похвала книге», в котором собраны мысли и изречения людей всех времен о книге и ее значении для человека.

Несомненно, не только люди старшего поколения, но и молодые читатели с интересом прочтут воспоминания старого книжника. По ним можно учиться, как нужно любить книгу. По ним можно лишний раз убедиться, как богат наш народ самородками во всех областях жизни, людьми с природным талантом,— а для того, чтобы быть книжником в истинном значении этого слова, нужны не только знания, но и талант, артистическое ощущение книги, этого тончайшего инструмента человеческой мысли.

Слово «букинист» в словарном толковании означает лишь торговца подержанными и старинными книгами. Но оно гораздо шире по своему истинному смыслу: огромна роль этих собирателей культурного наследия прошлого, которым не только книголюбы, но и книжные хранилища во многом обязаны полнотой своих собраний.

Старый книжник передает молодым завет своей любви к книге, и в этом главное значение интересных воспоминаний Федора Григорьевича Шилова.

Федору Григорьевичу Шилову выпала на закате своей жизни одна из величайших для него радостей: он держал первое издание этой книги в руках, книга заинтересовала читателей, ему писали письма, он делал на книге авторские дарственные надписи ... Правда, лишь на ощупь мог делать он эти надписи: Федор Григорьевич был почти слеп.

- Проел свои глаза на книгах,- сказал он мне раз грустно и иронически.- Ведь сколько я перечитал на своем веку всяческой мелкописи, да и рукописей перечитал порядком.

Книга эта скрасила для старого книжника горькие дни вынужденного бездействия; но все же оставаться совсем бездейственным он не мог. В один из своих приездов в Ленинград я встретил Шилова в Книжной лавке писателей. Все было позади для него: он не видел книг, не видел и людей, и, пожимая ему руку, нужно было назвать свое имя.

- Вот как хорошо, что вы приехали, - сказал он мне.- Я как раз думал о вас. Продается одна библиотека, я давно ее знаю, в ней есть кое-что интересное.

И он предложил мне сразу же посмотреть эти книги.

Мы вышли с ним на Невский, поехали на Петроградскую сторону, но владельца библиотеки не застали дома и нам пришлось возвращаться ни с чем. Я хотел довести Шилова до его дома.

- Не нужно,- сказал он.- Высадите меня где-нибудь на Невском. Сегодня день, когда я хожу по книжным магазинам ... правда, маловато осталось старых книжников, но все-таки встретишь того или другого и поговоришь с ним.

Я с опасением смотрел ему вслед, как он шел, почти ничего не видя, только память вела его, но он знал Ленин град, как свои комнаты, он прожил в нем всю жизнь, помнил и газовые фонари, и торцы мостовой на улицах чиновного и сановного Санкт-Петербурга, помнил и Петроград времен первой мировой войны, но истинным его домом стал великий город революции Ленинград, именно в нем он и написал свою книгу, приобщившись к тем, слову которых всегда служил.

Образ старого книжника, бредущего по улицам Ленинграда, чтобы лишь вдохнуть запах книг, побыть возле них хоть несколько минут,- образ этот глубоко остался в моей памяти, и я радуюсь, что первое издание этой книги, ныне выходящей вторым изданием, не запоздало в свое время, что автор успел подержать его в руках.

Август 1964.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В мальчиках. Покупатели. Продажа библиотеки Лескова. Первая дешевая покупка. Коллекция Рукавишников. Ефремов как собиратель книг. Потоцкий. Библиотека Синицына. Письма Аракчеева.

Мне было восемь лет, когда меня отдали учиться грамоте к местному грамотею нашей деревни, строгому старику, дяде Никифору.

Дядя Никифор работать почти не мог и, для того чтобы чем-нибудь зарабатывать на хлеб, набрал около восьми учеников из нашей деревни. Сам он грамоте научился в Питере, где работал пекарем.

Учение было нехитрое. Собрав учеников, дядя Никифор усадил нас за стол, вручил по азбуке, и ученики, не знавшие хорошо букв, должны были читать молитву: «Боже, в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие», ведя указкой по неведомым им словам и буквам. После азбуки мы перешли на Псалтырь, которым и закончилось мое образование.

Родители, по обычаю всех ярославцев, отправили меня в Петербург. Делалось это так: предприниматели набирали десять-двадцать мальчиков и так называемые извозчики везли их в Петербург, где распределяли по мастерским и торговым заведениям. Все расходы за провоз мальчиков и кормление их по дороге они взыскивали с будущих хозяев. Мальчиков более зажиточных родителей извозчик старался определить куда-нибудь на лучшие места, а дети бедняков буквально продавались в мастерские и мелочные лавки, где мальчиков ожидала тяжелая жизнь.

Я помню первое впечатление от Питера: был вечер, на Невском и на Садовой горели газовые фонари и светились витрины магазинов. На меня после сельской темноты и тишины это произвело волшебное впечатление.

Я был счастливее других мальчиков, которые не имели в Питере близких: мой отец служил приказчиком в свечной мастерской и, как старший, имел отдельную комнату. Остальные двадцать мастеров жили в одной комнате.

У отца на свечном заводе я прожил около двух недель. Отец приискивал мне работу — ему хотелось отдать меня в учение к торговцам платьем или краснорядцам, но подходящих мест не нашлось, и он устроил меня в книжники к Максиму Павловичу Мельникову, нашему земляку и даже родственнику. Мельников не был знатоком книги, но дело вел хорошо.

Вечером, после работы отец привел меня в магазин. Я оглядел полки с книгами и почувствовал себя, как в лесу. Приказчиком у Максима Павловича был его брат, Иван Павлович, сильно выпивавший.

Поставили меня за прилавок, а я стою ни жив ни мертв, не смею даже пошевелиться. Иван Павлович показал мне какую-то книжку и спросил:

— Это какая книжка?

Я прошептал: — Немецкая.

Он очень удивился: как я узнал? Книжка была действительно немецкая. Он показал мне другую книжку. Я смело сказал, что это тоже немецкая книжка. На этот раз книжка оказалась английской. Все кругом засмеялись, а мне стало стыдно, от смущения я не знал куда деваться.

Первое время, я должен был подметать пол и отворять двери покупателям. Однажды я услышал какой-то странно придушенный голос: «Отворите дверь». Я подошел к двери — за ней никого не оказалось. Несколько минут спустя тот же голос, но уже настойчивее сказал: «Отворите дверь». Я снова подошел к двери, и опять за ней никого не оказалось. Тогда покупатель, стоявший у прилавка, рассмеялся и сказал, что это он подражал чревовещателю. Покупатель был знаменитый композитор Иоганн Штраус, дирижировавший в то время в Павловске оркестром. Я на всю жизнь запомнил его шутку.

Работал я уборщиком в книжной лавке недолго. Как-то на меня обратил внимание один из постоянных покупателей, Иван Яковлевич Дункан, главный врач петербургской полиции. Он лечил всю семью Мельникова бесплатно и был в магазине своим человеком. Дункан был большим оригиналом. Однажды он сказал Мельникову:

- Уступите мне этого молодца месяца на два.

- Да на что он вам?— удивился Мельников.

- Нужен.

Подумав, Максим Павлович согласился. Дункан сказал мне:

—Пересмотри все журналы (в книжной лавке были комплекты большинства толстых журналов), в одном из них есть стихотворение Виктора Гюго в переводе Надежды Давыдовой. Подписано оно «Н. Д-ва»: «По улице я шел, передо мной дитя, Ему не более шести лет, и в этом возрасте игрушек и конфет...» Ищи только не по оглавлению, в оглавлении его может и не быть, а перелистывай страницы.

Я начал искать, а Дункан, появляясь почти каждый день, спрашивал:

— Стихи нашел?

— Нет, еще не нашел.

— Ищи, ищи.

Так я искал несколько месяцев. Я просмотрел комплекты «Русского вестника», «Исторического вестника», «Отечественных записок», «Вестника Европы», «Русской мысли», «Северного вестника»— словом, все журналы за все годы, но стихов не нашел. Мне думается, что таких стихов там и не было. Просто Дункан хотел, чтобы я понемножку учился, и, вспоминая это теперь, думаю, что эти поиски были для меня небесполезными. Я чуть ли не с мальчишеских лет приучился к тщательной работе, впоследствии мне это очень пригодилось при разборе архивных бумаг.

Магазин Мельникова был забит книгами, а полуподвал и две верхние комнаты над магазином заполнены были остатками изданий, малоходкими книгами и, главным образом, журналами. В подвале стояли в полном порядке отдельные книжки журналов и отдельные тома собраний сочинений. Все это было записано в книгу в алфавитном порядке. Если нужен был какой-либо номер журнала, Максим Павлович мог моментально ответить, есть он или нет, и я немедленно приносил нужный номер. Номера журнала стоили на круг по 20 копеек, а отдельные тома из собраний сочинений до одного рубля. Следует сказать, что журналы доставались хозяину даром, потому что отдельно их не покупали, а брали в придачу.

В числе постоянных покупателей у Мельникова было много известных людей: страстный собиратель книг литературовед П. А. Ефремов, писатель Н. С. Лесков, знаменитый бас Ф. И. Стравинский, критик А. И. Введенский. Среди постоянных посетителей были два друга — Л. А. Леонидов и П. Д. Кедров, личности в своем роде интересные. Так, Кедров служил в управлении казачьих войск, был небогат, но тянулся за богатыми, собирая французские книги XVIII столетия и романтиков 40-х годов. Думается, однако, что он частично ими поторговывал. Леонидов где-то служил и прирабатывал у издателя В. И. Губинского, а также у других издателей. Он составил под двойным псевдонимом «Юрьев и Владимирский» книгу «Правила светской жизни и этикета. Хороший тон» и занимался компиляциями. Не зная английского языка, он перевел роман В. Скотта «Пертская красавица». У Максима Павловича он тоже иногда прирабатывал. Мельников был не очень силен в грамоте, и, если ему было нужно написать «дипломатическое» письмо, он обращался к Леонидову, за это Леонидов получал либо книгу, либо гравюру.

Однажды Мельников попросил его написать письмо некоему Новосельскому, богатому, но разорившемуся барину. Новосельский порядочно задолжал Мельникову, и тот хотел составить такое письмо, чтобы и деньги получить и знакомого покупателя не обидеть. Леонидов почему-то заупрямился и не захотел писать письмо. Наконец после долгих упрашиваний он сказал:

— Дайте вот эту книгу, тогда напишу.

— Ладно, дам, только напишите. Леонидов написал письмо и потребовал обещанную книгу.

Мельников рассмеялся:

— Шутник,— сказал он,— да эта книга стоит, по крайней мере, четвертной билет.

Но в спор вмешался Кедров и пристыдил Мельникова. Мельников не знал настоящей цены книги, видел ее впервые и обратил внимание только на то, что это том

первый (больше и не выходило). Это была книга Бекетова «Собрание портретов россиян знаменитых...», экземпляр в красном марокене. Через два дня она оказалась в соседнем книжном магазине В. И. Ключкова, расцененная в 100 рублей. Мельников долго не мог простить эту свою промашку Леонидову.

Часто заходил к нам Н. С. Лесков, очень тучный, страдавший ожирением сердца. Каждый раз он просил Мельникова послать меня за сельтерской водой. Лесков чрезвычайно любил книгу. По всем каталогам, которые выпускал Мельников, он отмечал много книг и очень расстраивался, если книги оказывались проданными. Николай Семенович зачастую просил послать в соседний книжный магазин Ключкова за отмеченными книгами, говоря, что видел их там, но не переносит приказчика Потапыча.

—Я его терпеть не могу,—говорил Лесков.—Потапыч, если книги нет, отвечает прямо-таки со злорадством: «Нет-с!» Как будто подразнить хочет: тебе, мол, надо, а у меня нет-с, накось выкуси!

Между тем Потапыч был безобидным существом. Всю жизнь он работал у Ключкова, еще на Аничковом мосту, когда у Ключкова-отца там был ларь. После смерти старика Ключкова Потапыч заменил сыну Ключкова отца и, можно сказать, дал ему образование: Ключков-младший окончил какой-то частный пансион и стал человеком начитанным и образованным. Он одним из первых в 1885 году открыл на Литейном проспекте обширный для того времени книжный магазин под фирмой «Букинист В. И. Ключков».

Дела у Ключкова в новом помещении пошли блестяще. Он сумел привлечь к себе лучших покупателей. Позади магазина была небольшая комната, ставшая клубом библиофилов. Все библиофилы считали большой честью быть принятыми в этот кружок, где велись волнующие разговоры на книжные темы. Потапыч в эти разговоры не вмешивался, но был доволен своим питомцем, так поставившим дело, и оттого, может быть, немного даже и важничал.

Важный вид Потапыча и раздражал Лескова.

У Лескова в квартире во всех комнатах были книги, но главным образом в кабинете, в котором, между прочим, висело нечто вроде объявления: «Всё, кроме книги! Ни книг, ни жены не даю — зачитают!» Ценность своей библиотеки он сильно преувеличивал. Очень многие книги у него имели надпись: «Величайшая редкость», хотя книги были весьма обычные.

После смерти Лескова его библиотека была продана лавке Соколова. Продажа библиотеки Лескова была, конечно, крупным событием в книжном мире. Больше всего книг из библиотеки Лескова купил некто Тюменев, большой любитель книг, родом из рыбинских купцов; кое-что и сам пописывал, и даже выпустил исторический роман под псевдонимом «И. Привольев» «Халдей: повесть из Новгородского быта XV века». Он так увлекся библиотекой Лескова, что решил купить всю лавку; это давало ему возможность первым просматривать все покупки и отбирать для себя самое интересное. Однако из библиотеки Лескова он купил хотя и много, но очень многое и упустил.

Книжная торговля у Тюменева все же не пошла. Любители не посещали его магазин, так как знали, что лучшие книги он отбирает для себя и в продажу не пускает. Лавку он вскоре закрыл, но страсти к книгам остался верен и собирал их до самой смерти.

Обычно покупать книгу ходил по адресам сам Максим Павлович Мельников. Покупали книги задешево, ценили обычно только лучшие, а остальные шли в придачу. Но метили все же каждую книгу, причем метилась себестоимость и продажная цена. Продажная цена не была обязательной, пометка ставилась только для ориентировки, но когда видели, что покупателю книга очень нужна, то не стеснялись надбавить, запрашивать в три-пять раз больше, чем помечена. И сейчас еще попадаются книги с пометками не только моими, но еще Мельникова, то есть сделанными в пору моего раннего детства. Поражаешься, какой брали с покупателей хищнический процент:

себестоимость помечена в 30 копеек, а продажная стоимость 1 рубль 50 копеек (метилось все, конечно, условными знаками).

Однажды Мельников послал меня в дом церковного ведомства к заведующему хозяйственной частью синода Ильинскому. Мне открыла жена Ильинского, молодая красивая женщина, и повела через всю обширную квартиру. Книги лежали навалом, почти все они были религиозного содержания, много было синодальных изданий на лучшей бумаге и в прекрасных переплетах. Я пересмотрел все книги и спросил, сколько я должен заплатить. Женщина сказала:

- Тридцать рублей.

- Я так и замер.

—За все или за часть? — и, низко наклонив от смущения голову, я начал говорить нечто неопределенное, пораженный этой дешевизной.

Женщина ответила:

—Да вы посмотрите, сколько книг, ведь в четырех комнатах!

Тогда я понял, что это цена за все книги, заплатил тридцать рублей и начал связывать пачки. Их получилось около ста, от пуда до полутора каждая. Мне пришлось нанять семь извозчиков, чтобы привезти книги в магазин. Максим Павлович был недоволен, что я нанял не ломового извозчика, а семь легковых, но, хотя мне было всего двенадцать лет, я сообразил, что купил книги за 30 рублей, а хозяин продаст их, пожалуй, не менее чем за 3 тысячи рублей, и поразился хозяйской хищнической жадности.

Жилось у Мельникова мне, однако, неплохо, он не был ласков, но не был и жесток. Одевали меня прилично—курточка и брючки всегда были чистенькие и крепкие. Кормили сытно, почти так же, как ели сами, то есть обед состоял из трех блюд.

Нашим постоянным покупателем был, как я уже говорил, критик Арсений Иванович Введенский. Большого роста, длинноволосый, семинарского облика, он мне казался образцовым типом настоящего писателя. Введенский не был библиофилом и собирал книги главным образом для работы. Должал он Мельникову постоянно, и, так как надежды получить с него деньги не было, Мельников издал две его книги по литературе, и автор причитающимся ему гонораром покрыл задолженность. Введенский редактировал у книгоиздателя А. Ф. Маркса произведения Лермонтова, Козлова, Полежаева и др. Кстати, в то время Введенского упрекали в том, что к сочинениям Полежаева он приложил не портрет поэта, а портрет какого-то его современника, молодого офицера: Полежаев был солдатом, офицерский чин ему присвоен уже после смерти. Арсений Иванович невозмутимо говорил, что отвечает за текст, а в отношении портретов он не специалист. У Максима Павловича Мельникова я проработал восемь лет: четыре года мальчиком и четыре—продавцом, в ученичестве. Я считал, что пришло время получать жалованье. Мне хотелось первые заработанные деньги послать в виде подарка матери, сестренке, и я ждал два-три месяца, пока хозяин назначит мне жалованье. Так и не дождавшись, я решился наконец сказать об этом Максиму Павловичу. Сделал я это запинаясь и очень смущаясь:

- Назначьте мне жалованье...

- Жалованье? Сколько же вам угодно жалованья?—спросил он с издевкой.

Я был уже не рад, что попросил, но он не отстал от меня:

—Так сколько же вам жалованья? Может быть, вы захотите столько, что мне это будет непосильно, и я должен буду отказаться от ваших услуг.

Наконец я сказал, что мне все равно—12 или 15 рублей в месяц. Он долго еще меня мучил и в конце концов заявил, что будет платить 12 рублей.

Первая моя школа закончилась. Настало время делать самостоятельные шаги.

В 1899 году я перешел на работу к антиквару-книжнику Евдокиму Акимовичу Иванову. Это был добрейший человек, которого все любили. Но излишняя доброта, как известно, может принести и вред. В течение ряда лет он управлял крупной мебельной фирмой своего дяди Шагаева в Москве, а потом получил в наследство крупное антикварное дело Салищева в Апраксином дворе. В роскошном магазине, который он

открыл, распродавались остатки салищевских антикварных предметов и много картин, большинство которых было им, закуплено по пьяному делу и на векселя, причем многие картины были весьма сомнительные. В картинах я в то время ничего не понимал; единственное, что я помню из действительно ценного,—это коллекция гравюр из собрания Ф. И. Буслаева, знаменитого филолога. Коллекция эта привлекла много любителей, но картины все же шли плохо, и мы решили ликвидировать магазин.

У Иванова я работал недолго, но если восемь лет работы у Мельникова были для меня средней школой, то четыре года службы у Иванова были университетом. Я узнал здесь многих собирателей и коллекционеров, и так как мы держались в общем-то независимо и разбирались в искусстве, то посетители относились к нам с уважением и доверием.

Одним из частых посетителей антикварного магазина Иванова был Н. И. Рукавишников.

Рукавишников был крупным дельцом. Он занимался подрядами, строил Волховский цементный завод, позднее стал его директором; строил он также трапезную Александро-Невской лавры. Вспоминая о строительстве этой трапезной, он рассказывал нам многое из бытовой жизни монахов. Трапезную строили день и ночь, и монахи, пользуясь ходом для строительных рабочих, водили по ночам женщин и приходили за полночь в нетрезвом виде.

Рукавишников владел магазином на Казанской улице под названием «Золото и серебро», где покупали золото, не гнушаясь и краденым. Однажды, когда Рукавишникова привлекли к суду за покупку краденого золота, он в суде прямо заявил, что и не отрицает покупки краденого золота.

- По моему мнению, и у вас цепь краденая,— сказал он судье. Судья возмутился.

- Ну, а как же,— продолжал Рукавишников,— ведь официально золота ювелирам отпускается примерно на один миллион рублей, а золотых вещей магазинами продается за год на пять миллионов! Откуда же четыре миллиона?

На этот раз его оправдали.

Рукавишников собирал все на свете. Квартира его была расположена позади магазина: в очень высоких, неудобных комнатах было развешано по стенам старинное оружие; у него было большое собрание вещей из слоновой кости и коллекция китайских фигур Будды — от самых миниатюрных до крупных, в человеческий рост; была у него и огромная коллекция по эротике, состоящая из различных предметов искусства. Рукавишников приобрел библиотеку знаменитого архитектора, строителя Исаакиевского собора Монферрана, которой он очень долго владел, и коллекцию гравюр и рисунков, состоявшую примерно из шести тысяч листов. Среди них было много превосходнейших акварелей архитектора Тома де Томона, строителя здания Биржи и фонтанов в Царском Селе, Кваренги и др. Прекрасное собрание рисунков было у него и по Петербургу.

Рукавишников с большим юмором рассказывал, что к нему приехал как-то великий князь Николай Михайлович и просил показать ему коллекцию гравюр. Великий князь долго рассматривал гравюры и кое-что откладывал; после просмотра он обратился к Рукавишникову с вопросом, сколько будут стоить отобранные листы. Рукавишников ответил, что своих гравюр не продает.

- Но почему же вы мне их показывали? — спросил недовольно великий князь.

- Потому что вы просили их показать,— ответил Рукавишников невозмутимо.

Купить же все это замечательное собрание привелось впоследствии, после смерти Рукавишникова, мне. Эта коллекция дала мне очень много с точки зрения изучения гравюры; я перевез коллекцию к себе на квартиру и с полгода изучал и разбирал ее, прежде чем пустить в продажу.

Мой первый хозяин, Максим Павлович Мельников, не был ни антикваром, ни знатоком книг. Занятие книжной торговлей было для него только доходной статьей. Все же когда в 1891 году он перевел свой магазин в новое помещение на Литейном проспекте,

соперничавшее с отличным магазином Ключкова, то купил обширную библиотеку некоего Заешникова. Библиотека была в прекрасном состоянии, в ней было большое собрание гравюр, литографий и даже рисунков. Цен на них Мельников не знал, расценивал наобум, любителям это было на руку.

Главными собирателями в то время, запомнившимися мне на всю жизнь, были известный библиограф П. А. Ефремов, П. Я. Дашков и Д. А. Ровинский, составитель «Словаря русских гравюров», собрания «Русские народные картинки» и др.

Позднее Ефремов переехал в Москву, в Питере бывал только наездом, но умирать приехал все же в Петербург. Его домик от крыльца до чердака был завален книгами и папками. Заболев и решив, наверное, что больше ему уже не собирать, он расстался со своим собранием и продал все гравюры, лубки и литографии антиквару Фельтену, так как букинистам такая крупная покупка была не под силу. Фельтен, хотя гравюрами и не занимался, все же коллекцию Ефремова купил, заплатив за нее небывалую по тому времени сумму — 75 тысяч рублей; нажил он на ней вдвое, если не втрое.

Ефремов, однако, поправился, страсть к собирательству пробудилась в нем с прежней силой, и он снова начал собирать, особенно в последние годы своей жизни. Но если раньше он покупал гравюры по гривеннику, то теперь приходилось платить уже по 10—15 рублей за листик: цены изменились, появились новые знатоки и собиратели. Коллекцию, какую он продал за 75 тысяч, теперь он не собрал бы и за миллион. Пора, когда Ефремов собирал, была порой дворянского разорения, помещики продавали свои усадьбы большей частью деревенским кулакам и купцам. Книги, гравюры, а тем более лубки, фарфор, мебель не были им нужны. Все это скупалось разъезжими антикварами. Почти в каждом городе были скупщики, которые скупали мебель, бронзу, фарфор, а гравюры шли за гроши или в придачу. С гравюрами Ефремов, как мы видим, все же расстался, но книги он не продал. Его собрание книг было особенным. К книгам у него был необычный подход, и об ефремовских экземплярах стоит особо сказать. Ефремов варварски относился к книгам с точки зрения их сбережения. Началось это с редактирования им русских классиков. Для того чтобы иметь необходимые тексты, он брал наиболее совершенное по тексту издание, скажем, Пушкина, и выдирал из него то, что было ему нужно, остальное уничтожал. Все необходимые для нового издания иллюстрации и портреты он собирал из прежних изданий в единую брошюру и переплетал в одну книгу, иногда по 10, 20 и даже 30 брошюр вместе. Так он поступал с изданиями Ломоносова, Лермонтова и других классиков. Таким образом, в ефремовских экземплярах всегда нужно искать сюрпризов, и до сих пор по полноте всего собранного о том или ином писателе экземпляры из его библиотеки могут считаться исключительными. Так, у профессора И. Н. Розанова есть экземпляр Сочинений Кольцова, в который вплетено все, начиная от редчайшего первого издания до неизвестных статей и брошюр о Кольцове. Есть и в библиотеке писателя В. Г. Лидина подобный же ефремовский экземпляр Сочинений И. А. Крылова, где собраны все совершенно неизвестные первые публикации басен. Таков же экземпляр Сочинений А. Н. Радищева, находящийся у Н. П. Смирнова-Сокольского.

Друзьями Ефремова были историк С. Н. Шубинский, редактировавший «Исторический вестник», библиограф Г. Геннади, знаменитый бас Ф. И. Стравинский. Многие подражали Ефремову, заимствуя его приемы собирательства. Ефремов всегда печатал какие-нибудь особенные экземпляры под своей редакцией: так, в библиотеке Стравинского был томик Жуковского на зеленой бумаге, посылая который Ефремов писал в письме: «Посылаю „Зеленого змия“, которого напечатано лишь два экземпляра—для тебя и для меня». Был Пушкин под редакцией Ефремова — экземпляр на розовой бумаге, позднее поступивший в Литературный музей. Был Лермонтов— два больших тома на особой бумаге, с особым портретом; находятся ныне в частном собрании.

Геннади, Шубинский и Ефремов издали специальную книжку под названием «Приключения пошехонцев», где Шубинский назван Шутинским, Геннади — Григорием

Книжником. После Шубинского остался альбом, в котором Ефремов, Григорий Книжник и сам Шубинский изоцрялись в стихах и анекдотах. Этот альбом мне показывала дочь Шубинского.

Обширнейшая и замечательная по своему составу библиотека Ефремова после его смерти разошлась по рукам.

Позднейшие собиратели делились на собирателей ефремовского и геннадиевского толка. Ефремов признавал редкость книги, лишь исходя из оценки ее содержания, Геннадий же считал, что редкостью может считаться любая книга, напечатанная в малом количестве экземпляров. Это, разумеется, совершенно неверно. Так, например, С.Р. Минцлов выпустил два издания под названием «Редчайшие книги моего собрания», но после революции все эти редкости появились на рынке и определение степени редкости стало совершенно иным.

П. А. Ефремов похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря в Ленинграде. Его имя как собирателя может поистине считаться непревзойденным.

В 1891—1893 годах в Петербурге появился собиратель, военный в чине капитана, некто П. П. Потоцкий. Он усерднейше собирал литографии и гравюры, особенно на военные сюжеты, а также виды Петербурга и Украины. Это был еще совсем молодой, очень красивый человек, средства у него, видимо, были, и он собрал своего рода музей. Особенно хорошо было подобрано все, что касалось не только любимой, но попросту обожаемой им Украины. Он собирал также фарфоровые чашки с военными украинскими сюжетами, виды Петербурга в гравюре, фарфоре и живописи. Впоследствии, уже пожилым человеком, он стал работать в Артиллерийском музее. Средств для личных приобретений он уже не имел и собирал только для музея.

В трудном 1919 году я был как-то на квартире у Потоцкого. Жил он плохо и голодно. Я сказал ему:

— Павел Платоныч, ведь это же никуда не годится, продавайте гравюры или книги.

— Не могу,— ответил он,— умру, а не продам.

Только после долгих уговоров он стал отбирать дублеты и продавать в музеи города.

Вскоре Потоцкий получил предложение из Украины передать Киеву все его собрание с тем, что будет создан из его вещей музей, а его назначат пожизненным директором этого музея. Это предложение соответствовало его самым заветным мечтам, и все его вещи были перевезены в Киев. Это было огромное собрание, занявшее тринадцать вагонов. На полученный аванс он очень удачно успел приобрести часть книг прекрасной библиотеки великого князя Константина Павловича, попавшей на Александровский рынок. Этой покупкой Павел Платонович очень пополнил свое замечательное собрание.

Под собрание Потоцкого в Киеве был отведен особый дом в Лавре и назван Музеем имени П. П. Потоцкого. Директором был сам Потоцкий. Мне не удалось побывать в Киеве, но Павел Платонович нередко писал мне, выражая полное удовлетворение тем, что его собрание стало народным достоянием. По специальности Потоцкий был военным историком, им написаны «История гвардейской артиллерии», «500 лет русской артиллерии» и другие книги.

В 1892 году появился новый собиратель — М. Сеницын. Приобретал он очень скромно, вначале даже стеснялся заходить к крупным букинистам. Но затем купил как-то в Пскове на базаре связку книг старинных сказок и с тех пор сделался библиофилом. Человек он был совершенно необразованный, очень стеснялся этого, и все же собирательство стало целью его жизни. Впоследствии я его лучше узнал, дружил с ним почти до самой его смерти и по полной справедливости считаю, что Сеницын был настоящим самородком. До сих пор, если попадется книга с экслибрисом Сеницына, можешь быть уверен, что это в своем роде редкая, особая книга.

Сеницын был родом из города Режицы Витебской губернии, родился в старообрядческой семье. Его отец был печником, печником стал и сын, едва ему минуло

четырнадцать лет. Он оказался трудолюбивым и способным и вскоре по чертежам какой-то новой печи сложил печь лучше, чем сделали это все другие мастера.

Впоследствии, в 90-х годах, став уже крупным подрядчиком, преимущественно на железных дорогах, Сеницын перенес свою деятельность в Царское Село, а позднее — в Петербург и Москву. В Москве он построил почтамт на Мясницкой, в Петербурге, на Невском, — дом Купеческого банка, на Садовой — Музей министерства путей сообщения.

Сеницын богател, росло и его собрание. Он уже не довольствовался переплетами для своих книг работы известных в то время переплетчиков Ариничева и Ляндреса, а стал заказывать только роскошные переплеты у знаменитых и дорогих переплетчиков Ро и Шнеля. Нередко он платил по 100 и даже по 200 рублей за один переплет. Книги он приобретал и у Мельникова, и у Клочкова, особенно же много книг и рисунков купил у Фельтена из ефремовской библиотеки и чуть ли не всю жизнь жалел, что не купил всего собрания Ефремова, обвиняя в этом Клочкова.

Клочков умел привлекать к себе таких крупных клиентов в области антикварно-книжной торговли, как Сеницын, Синягин, Александров, Соловьев. Он их ловко общипывал, хотя и казался человеком благодущным. Когда Фельтен распродал библиотеку Ефремова, Сеницын строил Фельтену дом на Васильевском острове. Фельтен был так много должен Сеницыну, что сам предложил в счет долга взять у него все ефремовское собрание. Сеницын решил посоветоваться с опытным человеком и обратился к Клочкову. Клочков всячески стал его отговаривать, убеждая, что лучше он, Клочков, купит ефремовское собрание и отдаст Сеницыну самые ценные, отборные вещи: тогда, мол, Сеницыну не придется сбывать ненужные ему экземпляры.

Тот внял совету, решив кое-что еще отобрать для себя у Фельтена.

Но Клочков поступил совсем не так, как обещал: купив библиотеку Ефремова, он многие ценные издания распределил между другими клиентами, чтобы не потерять их. Правда, и Фельтен был не очень-то расположен именно книгами расплатиться с Сеницыным, потому что был так много должен за постройку, что пришлось бы отдать все ефремовское собрание. Но все-таки собрание могло достаться Сеницыну, и он долго не мог простить себе, что послушался чужого совета. И все же у Сеницына было очень много вещей из ефремовского собрания. К нему попало, между прочим, все собрание сказок, представлявшее огромную ценность, и другие редкости. Отчасти было хорошо, что Сеницын не купил всего собрания Ефремова: утратило бы свой облик его, сеницынское, собрание, а Сеницын имел своей целью собирать все, что относится к нашей родине. В его собрании были книги всех русских классиков, при этом в первоизданиях, все русские альманахи, русские иллюстрированные издания, книги с описанием путешествий по России, книги по русской истории, мемуары, записки, дневники, журналы, комплекты «Русского архива», «Русской старины», «Исторического вестника», все русские сказки, собрание которых было единственным в России. Было и бесконечное собрание книжных курьезов, вроде брошюры Ф. В. Каржавина «Описание вши» и брошюрки Фишера «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека».

По виду Сеницын был настоящим русским богатырем. Человек сильный, горячий, не отступающий ни перед чем, если что-либо захотел.

Например, у себя на родине, в Режице, он владел участком земли близ вокзала. Построив дом, он решил устроить сад, в котором кроме фруктовых деревьев насадить также крупные лиственные и хвойные деревья. Обычно высаживают молодые деревья, а он захотел, чтобы у него сразу был густой, тенистый сад. И такой сад он действительно посадил, заказав для перевозки тридцати-, сорокалетних деревьев специальные большие дроги.

Сеницын, как я уже сказал, был старообрядец, у него была молельня с целым иконостасом древних икон новгородского письма, целая библиотека книг по старообрядчеству и большое собрание старопечатных книг. Он даже издал большую книгу в защиту старообрядчества.

Синицын пристрастился также к картинам русской школы и накопил, например, много картин художника Вещилова, ученика Репина, писавшего картины и этюды из жизни старообрядцев. По заказу Синицына Вещилов взялся написать огромную по размерам картину «Протопоп Аввакум на костре». Условились, что за эту работу Синицын уплатит 100 тысяч рублей. Он выплатил больше, но Вещилов картину так и не закончил.

Однажды зимой меня пригласил поехать в провинцию В. В. Алексеев, старый антиквар, торговавший на Апраксином рынке еще до пожара. Приглашение этого почтенного человека мне польстило, и я согласился, в частности, еще и потому, что сам любил поездить по старым усадьбам. К тому же Алексеев был необычайно интересный собеседник, с таким спутником путешествие было вдвойне приятно.

Мы поехали ко мне на родину, в Ярославский край. До станции Чебаково ехали поездом, а там наняли пару лошадей, чтобы поехать по захудалым усадьбам. Так мы побывали в усадьбе И. Н. Ельчанинова, в усадьбе помещика Воейкова и в других местах.

Ельчанинов, автор целого ряда книг по истории ярославского дворянства, был человеком хоть и не очень богатым, но большим книголюбом. Во время ярославского мятежа, в 1918 году, его архив и библиотека погибли от пожара; погиб, между прочим, и архив Аракчеевых, данный ему мной для обработки. Дело в том, что всеильный во времена Павла I и Александра I временщик А. А. Аракчеев был, как оказалось, ярославским помещиком; женившись на Хомутовой, он получил здесь в приданое имение, хотя родом Аракчеев был из новгородских дворян, а его детство прошло в Бежецком уезде Тверской губернии.

Архив Аракчеева попал ко мне случайно. Один из ходячих антикваров купил мебель в Бежецком уезде, в комодке оказался архив, а все мелкие антиквары знали мою слабость к рукописной старине. Так, не глядя, я и купил все бумаги, весом около пуда. В этом архиве оказались семейные бумаги, крепости на землю, на крестьян, жалованные грамоты на чины, ордена и разная семейная переписка. Подлинных писем самого Аракчеева было немного, но некоторые были весьма любопытны. Например, этот изверг пишет своей тетушке, бежецкой помещице Настасье Никитишне Жеребцовой, такое чувствительное письмо:

«Тетушка-матушка Настасья Никитишна, вот бог даст мы с Вами скоро свидемся, и первой к Вам придет мой друг Настенька. Примите ее ласково, она такая тихая, скромная и вдобавок всего боится, а я Вам расцелую ручки и пальчики».

В другом письме он пишет в том же духе:

«Тетенька-матушка Настасья Никитишна, Вы пишете выслать Вам шляпку за 30 рублей. Мы с Настенькой решили купить Вам шляпку по крайней мере за 100 рублей». Там было и письмо к одному из его друзей:

«Дорогой друг, я нахожусь в ужасном несчастье, не стало моего друга Настеньки, и виновник смерти ее любимый повар; более 40 человек моей дворни отдано под суд».

Следует напомнить, что речь идет о любовнице Аракчеева Настасье Минкиной, которая за жестокое обращение с крестьянами была убита дворовыми.

В одном весьма подробном письме Аракчеев пишет брату, управляющему водными коммуникациями Мариинской системы, который был отставлен и находился под судом. «Милый брат, не отчаивайся и не огорчайся, это не тебя обвиняют, а меня хотят уязвить. Ты, несомненно, не виноват, но нет моего благодетеля, и меня стараются уколоть и уязвить. А ты не огорчайся, что у тебя отбирают имущество. Приезжай ко мне и живи у меня, нам обоим хватит моего имущества, и будь у меня ты свой, как хозяин».

Кстати, у Аракчеева была великолепная библиотека, которая попала каким-то образом на рынок, и книги с его экслибрисом часто встречались. Экслибрис был гербовый, с девизом, звучавшим почти иронически: «Без лести предан».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Библиотека Помяловского. Оригинал Тиханов. Архив Дружинина. Библиограф Торопов. Антиквар Савостин. Аукционы. Переписка Екатерины II

О лавке Мельникова часто бывал известный в свое время филолог, профессор римской литературы Иван Васильевич Помяловский. Это был щедушный, очень тихий человек. Покупал он главным образом иностранные книги, древнегреческие и латинские. Жил Иван Васильевич в Гатчине, хотя у него была и городская квартира на Надеждинской улице.

Помяловский предпочитал рукописи, хотя платил за них сушие гроши. Да и книги-то в то время стоили недорого. Если теперь посмотришь сохранившиеся старые метки цен, то диву даешься. Когда Мельниковым была приобретена библиотека историка-византиста, профессора В. Г. Васильевского, Помяловский купил несколько рукописей из этого собрания, но те, которые стоили не дороже 25 рублей. Знаменитая же Супрасльская летопись—кирилловский памятник церковнославянского языка X—XI веков — была оценена в 100 рублей, но Помяловскому она показалась слишком дорогой, и он ее не взял. Думаю, что он всю жизнь помнил эту невероятную свою ошибку.

С Помяловским я познакомился, когда он был уже в преклонных годах и мало собирал. У него была громадная библиотека, большая часть которой находилась в Гатчине. После смерти Ивана Васильевича наследники решили продать его библиотеку и просили за нее 40 тысяч рублей. Покупателей сразу не нашлось, и они по неразумию стали распродавать «на выбор» учреждениям и частным лицам, совершенно тем самым обесценив библиотеку.

В 1905 году, когда я только что начал самостоятельно торговать, наследники предложили антикварам С. П. Трусову, Н. В. Соловьеву, а также и мне купить часть библиотеки. Я поехал сговариваться после Трусова, предложившего наследникам лишь 4 тысячи, и то в рассрочку. У меня денег не было, но, посмотрев библиотеку, я убедился, что она стоит много дороже. Я стал искать компаньона и обратился к букинисту Ф. Н. Корягину с предложением выплатить ему вдвое, если он даст мне в кредит 5 тысяч. Корягин обещал, и я поспешил предложить наследникам эту сумму. Но тут появился уже завоевавший известность антиквар Соловьев, уверил наследников, что я покупатель несерьезный—где ему взять, дескать, 5 тысяч, когда у него и товару-то всего на тысячу рублей. Это было почти верно, но я рассчитывал, что меня ссудит деньгами Корягин.

Библиотеку приобрел Соловьев. В ней было очень много инкунабул и книг XVI—XVII столетий, которые впоследствии закупил специально приехавший из Рима папский нунций. Соловьев же получил звание комиссионера Ватикана и комиссионера Публичной библиотеки. Рукописи и архивные документы, все сразу и без разбора, купил Н. К. Синягин. Собрание Синягина поступило позднее к антиквару П. В. Губару, большая часть собрания которого распродавалась уже мной как через магазин, так и непосредственно с квартиры Губара.

Постоянным посетителем, если и не покупателем, был Павел Никитич Тиханов, служивший в Публичной библиотеке и собиравший главным образом рукописи. Это был человек высокого роста, весьма представительный, с грубым голосом. Он неизменно обращался ко мне со словами:

— Книги есть?

— Есть.

— Печатные есть?

— Есть.

— А писанные есть?

— Нет.

— Ничего у вас нет,— говорил он презрительно и, поворачиваясь, уходил.

Посмотрев как-то Супрасльскую летопись, о которой я уже упоминал, и узнав, что она оценена в 100 рублей, Тиханов не предложил никакой цены.

— Дорого, она уже не ценна, по ней работали,—сказал он.

Думаю, что он, как и Помяловский, всю жизнь не мог простить себе этого промаха.

Несмотря на то, что покупателем Тиханов был плохим, он собрал все же огромное количество рукописей, которые потом поступили по завещанию в Публичную библиотеку.

Тиханов был большой оригинал, забавный человек. Между прочим, он выпустил в 1891 году брошюру «Криптогlossарий», где были собраны все вариации слов в значении «выпить» и их синонимы.

Одним из крупнейших покупателей Мельникова был В. Г. Дружинин, собиравший книги по русской истории, поморские рукописи и книги по поморскому старообрядчеству. Кроме того, он собирал русские запрещенные книги или издания, покаленные цензурой, но с тем, чтобы они были без вырезанных страниц.

Василий Григорьевич Дружинин был чрезвычайно скромный, тихий человек, походивший на замкнутого ученого, а между тем он был очень богат, владел на Урале железными рудниками, дававшими громадные доходы. Жил он на Сергиевской в собственном особняке, роскошно обставленном. Когда он приходил, спрашивая чего-нибудь новенького, Максим Павлович приказывал все купленные за последнее время книги выкладывать перед ним на стол.

Дружинин в течение многих лет собирал книги, но держась своего плана и не уклоняясь в сторону. У него образовалась библиотека, помещавшаяся в пятидесяти шкафах. Впоследствии особняк был продан, и Василий Григорьевич переехал на казенную квартиру при помещении Археографической комиссии, ученым секретарем которой он состоял в течение двадцати пяти лет. Заседания комиссии происходили у Дружинина на квартире, и библиотекой его пользовались все члены комиссии. Из журналов он имел комплекты «Русского архива», «Русской старины», «Исторического вестника» и целый ряд других периодических изданий, в том числе все собрания актов.

Впоследствии Дружинин покупал книг очень мало (у него было уже все, что входило в план его собирания), но всецело отдался собиранию поморских рукописей, заводил знакомства и дружбу с поморами. Собрание поморских рукописей у него было изумительное. Он обработал и издал немало поморских памятников и написал ряд книг по расколу и старообрядчеству.

Перед войной 1914 года Дружинин продал свои рудники, и, хотя оставался одним из директоров этих рудников, мало ими занимался. Дела его пошли хуже и хуже, и пришлось расстаться с частью книг.

При моем содействии он продал свое собрание запрещенных книг, а через некоторое время я узнал, что он продает старинную, можно сказать, музейную мебель. Торговал мебелью М. М. Савостин, о нем скажу ниже. Я купил эту коллекцию мебели, из которой голландский шкаф маркетри и шесть голландских стульев были представлены на выставке «Ломоносов и елизаветинское время».

Вскоре началась первая мировая война, я был призван в ряды армии и перед отъездом продал все эти вещи директору Сибирского банка за 25 тысяч рублей, а он перевез их в только что купленный особняк на Сергиевскую, угол Потемкинской.

Через некоторое время Археографическая комиссия переехала в свое помещение на Васильевский остров, где Дружинину предоставили квартиру; он был вице-президентом комиссии, а президентом был историк С. Ф. Платонов.

Все свои поморские рукописи Дружинин передал в библиотеку Академии наук СССР.

Василий Григорьевич Дружинин владел знаменитым архивом своего дяди, писателя А. В. Дружинина. В этом архиве было очень много неизданных писем Л. Н. Толстого, Тургенева, Гончарова, Фета и других писателей. Историк русской литературы, профессор И. А. Шляпкин приготовил к печати целый ряд этих писем, предполагая опубликовать их в «Русском библиофиле». Шляпкин, человек в своем роде

замечательный, страстный любитель книги, был другом детства Дружинина. После смерти Шляпкина Василий Григорьевич был его душеприказчиком, и благодаря хлопотам Дружинина библиотека Шляпкина поступила, согласно воле завещателя, в Саратовский университет и на Высшие женские курсы, а некоторые вещи были переданы Псковскому музею.

У Дружинина хранился «Дневник» Шляпкина, состоявший из двух книжек, никому не известный, нигде не опубликованный. В «Дневнике» было очень много сведений о профессорах и университетской жизни старого времени.

Из других собирателей стоит упомянуть имя Евдокимова.

Генерал Евдокимов не являлся боевым генералом, он был скромным преподавателем Инженерной академии.

Я приобрел у него замечательную вещь: журнал дежурных генерал-адъютантов. Существовал камер-фурьерский журнал, который печатался ежегодно в очень небольшом количестве экземпляров и в прежние времена очень высоко ценился, так как его получали лишь очень важные лица. Камер-фурьерский журнал ценился до 1000 рублей золотом за комплект. В нем была представлена вся официальная и повседневная жизнь царского двора. В отличие от него, журнал дежурных генерал-адъютантов не печатался, но был чрезвычайно интересен: там записывались все устные распоряжения царей и цариц; распоряжения скреплялись дежурными генерал-адъютантами. Вот этот-то журнал за сто лет я и приобрел у генерала Евдокимова.

Очень небольшую часть материалов из журнала генерал-адъютантов Евдокимов опубликовал в «Русской старине», остальное опубликовано не было.

Очень интересной фигурой был А. Д. Торопов.

С Андреем Дмитриевичем Тороповым я познакомился незадолго до первой мировой войны в Лейпциге, на выставке книги и графики, где Андрей Дмитриевич был помощником комиссара выставки.

В 1914 году, когда началась война, Торопов должен был спешно ликвидировать экспонаты выставки и, как он говорил, сдал все экспонаты на хранение в одно из учреждений. В 1919 году Центральный комитет государственных библиотек предполагал послать Торопова в Германию для получения этих экспонатов. Его командировке было посвящено специальное заседание, но, так как у комитета не было валюты, поездка не состоялась. Таким образом, нам не удалось вернуть чрезвычайно ценные экспонаты; какова их судьба теперь, трудно сказать.

На Лейпцигской выставке были экспонаты Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии наук, лучшие книги из собраний членов Кружка любителей русских изящных изданий— М. Синицына, П. Рейнбота, Е. Тевяшова и других. Было большое количество подлинных рисунков наших графиков А. Бенуа, Е. Лансере, М. Добужинского и др.; издания Экспедиции заготовления государственных бумаг, лучшие издания Голике и Вильборг, типографии «Сириус» и других издательств России.

А. Д. Торопов собирал всякие печатные мелочи, притом не только листовки, плакаты, но и конфетные обертки — словом, все, что было напечатано. Библиотека его была довольно хороша, но главным образом—по разделу библиографии и печатного дела. Он был необыкновенно трудолюбив и усидчив, о чем можно судить хотя бы по тому, что он составил указатель к большому атласу А. Ф. Маркса, указатели к журналу «Нива» за все годы, редактировал «Книжную летопись» с начала ее существования.

В советское время Торопов работал в Книжной палате. Книжная палата помещалась в доме № 20 на Фонтанке, на втором этаже, а на первом находился книжный фонд, где при разборке выбрасывались различные плакаты и листовки; за ними-то и гонялся Андрей Дмитриевич. Благодаря такой близости к источнику коллекция Торопова росла необычайно быстро, и, пожалуй, его собрание можно было считать единственным. После смерти Торопова его собрание поступило в Институт книговедения.

Нередко к Е. А. Иванову заходил М. М. Савостин, самый знаменитый антиквар того времени (1901 год). Это был человек небольшого роста, гладко выбритый, изысканно одетый. Позднее я узнал, что у него было не столько знаний, сколько апломба. В том же доме, где находилась его роскошная квартира, помещался в первом этаже магазин под вывеской «Antiquite», где в определенные часы он принимал своих клиентов. Следует, однако, сказать, что Савостин продавал главным образом то, что у него вызывало сомнение в ценности или позастоялось. Магазин Савостина посещали, в частности, многие высокопоставленные лица.

Антикваром Савостин сделался случайно. Он служил коммивояжером у московского фабриканта парфюмера Брокера. Брокер коллекционировал картины, гравюры и всякую всячину, причем был известен весьма оригинальным отношением к предметам своей коллекции: он содержал постоянного реставратора и почти каждую картину калечил: если ему не понравится, например, почему-либо рука на картине, он приказывал ее убрать; в групповых картинах убирал зачастую фигуры. В своих картинах он часто разочаровывался и продавал их. По существу, это была его вторая фабрика, но только не парфюмерии, а фабрика по изувечиванию картин. Отправляя Савостина в поездку, или, как говорили коммивояжеры, в вояж, Брокер велел ему собирать всякое старье по провинции. Савостин занимался этим очень усердно, вначале с ошибками, а потом наловчился, стал понемногу разбираться в старине и возомнил себя антикваром. Он ушел от Брокера и, переехав в Петербург, открыл магазин, ставший вскоре одним из известнейших антикварных магазинов в городе.

После смерти Брокера его дети решили очистить собрание от хлама, накопленного их отцом. Они этот хлам разобрали, и наследники продали все вещи оптом Савостину. Савостин был расположен ко мне и продал мне тысячи листов гравюр и литографий по очень дешевой цене. Старые масляные картины, испорченные реставрацией покойного Брокера, Савостин отдал мне крайне дешево, а любители и кладоискатели покупали их у меня. Меня это очень устраивало, так как я начал самостоятельно вести дело на Литейном, в подвале, а с оплатой Савостин меня не торопил. Многие потом хвастали, что по случаю приобрели картины знаменитых мастеров у «маленького букиниста и антиквара». Для себя я оставил несколько картин, в том числе картину «Спаситель», которую все признавали за подлинного Егорова*.

Однажды приходит ко мне в лавку старушка, одетая в черное, в черном платочке, и спрашивает:

— Покупаете ли вы древние книги? Осведомляюсь:

— Старопечатные?

— Нет, батюшка, старописьменные. Оказывается, что некоторые из ее книг были на выставке, и специалисты оценили их в 100 тысяч рублей. Публичная библиотека давала 35 тысяч, но владелица просила 50 тысяч. Я спросил, чье это собрание. Она ответила, что оно принадлежало ее покойному мужу Овчинникову, который проживал в селе Городец Нижегородской губернии.

— Покойный муж с вами переписывался, и ваши каталоги оказались у него на столе; вотря и обратилась к вам.

Такое ценное собрание было мне не по средствам. Тогда она предложила мне отдать собрание на комиссию, и мы договорились, что весной я приеду в Городец, где и решим все окончательно.

Я рассказал об этом случае Савостину, думая, что он, возможно, что-либо приобретет, и предложил ему поехать вместе.

С открытием навигации мы поехали поездом до Рыбинска, а дальше пароходом до Городца.

Дом Овчинникова мы сразу нашли. Это было двухэтажное здание. В первом этаже находились кладовые, одну половину второго этажа занимали жилые комнаты, другую— две комнаты совершенно без окон: моленная и библиотека. Закрывались они, помимо

обычных дверей, еще и герметическими железными дверями. По существу, это были два колоссальных несгораемых шкафа.

Хозяйка встретила нас очень любезно, показала некоторые старинные вещи, моленную, библиотеку. В моленной были прекрасные иконы строгановского и новгородского письма. Библиотека оказалась обширной, но большинство книг были копиями, все в отличных переплетах; впрочем, были книги и старинного письма с лицевыми изображениями. Основными ценностями библиотеки были два евангелия—XIII и XVI веков — в превосходных окладах. Особенно ценный оклад был на евангелии XVI века. По мнению Савостина, он стоил не менее пяти тысяч, а второе евангелие, хотя и в скромном окладе, было лицевым и таким ранним, что мы оценили его тоже в пять тысяч рублей.

Итак, мы с Савостиным решили, что десять тысяч стоят только эти две книги, остальные стоят тысяч сорок, значит, мы библиотеку покупаем. За чаем заговорили о цене. Хозяйка заявила, что она хочет восемьдесят тысяч рублей. Мы поразились:

— Ведь вы же назначали 50 тысяч, а Публичная библиотека предлагала только 35, и вы почти согласились.

Так-то оно так, батюшка. Но ведь в Публичной библиотеке поставили бы книги в отдельную комнату и имечко покойного написали бы, а ведь вам на барыши. Мне все книги оценили в сто тысяч, а 20 тысяч я вам скидываю на барыши.

Мы поразмыслили, но решили, что 80 тысяч очень дорого, тем более, что деньги должен был платить Савостин, а он в книгах ничего не понимал, да и я тогда не мог считать себя большим специалистом. Все эти книги поступили в дальнейшем в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина.

Когда вспоминаешь людей, связанных с книгами, невольно всплывают в памяти и фигуры второстепенные, но характерные для такого сложного дела, как антикварная книжная торговля. Таким совершенно оригинальным человеком был Федор Никифорович Корягин. Когда я с ним познакомился, ему было уже лет тридцать пять, но он успел прожить два приличных состояния, полученных им по наследству.

Он был на аукционах первым покупателем, рисковал отчаянно, в книгах ничего не понимал, но, если с аукциона продавалась библиотека, он ее никому не уступал. К книгам он испытывал какое-то болезненное пристрастие, хотя почти всегда имел от них убытки.

Прокутив и проиграв последнее наследство, Корягин остался лишь в роскошном костюме и цилиндре, но не пал духом. Он пошел в «племянники» * на аукционы, где его прозвали «барин»; однако этот «барин» не стеснялся за полтинник тащить на голове какой-нибудь стол или диван, держа в левой руке свой элегантный цилиндр. За этот цилиндр и внешний вид ему, как «племяннику», давали не полтинник или рубль, как другим, а три и пять рублей. В «племянниках» Корягин пробыл недолго. Благодаря своей энергии и ловкости он вскоре стал полноправным членом корпорации аукционистов. Он не брезговал ничем, покупал все, что придется, и не пропускал ни одного аукциона. Но главной его страстью все же оставались книги.

Как-то продавалась с аукциона библиотека известного юриста С. Д. Пергамента. Все книжники принимали участие в аукционе, но маклак Корягин никому не уступил ни одной книги и набил цену на библиотеку Пергамента до 40 тысяч рублей. Правда, библиотека была замечательная, но в то время сумма в 40 тысяч была непомерной. Букинисты таких цен не платили, покупали книги за гроши, лишь Фельтен за библиотеку Ефремова заплатил 150 тысяч, да и то в два приема. Такие же библиотеки, как Пергамента, шли обычно за 5—6 тысяч. Но Корягин библиотеку все-таки купил и немало заработал на ней.

Когда Корягин вновь разбогател, он стал покупать в общем-то все, но специализировался все же на картинах и винах. Он завел подвал, скупал вина, продававшиеся в таможене бочками, и делал обороты в сотни тысяч рублей.

Корягин считался знатоком картин и был в свое время в картинном деле монополистом. Полагали, что у него на квартире картин не меньше, чем на миллион рублей, причем картин преимущественно русской школы. Все магазины Петербурга торговали большей частью картинами Корягина.

С годами и доходами увеличилась страсть Корягина к картежной игре. Очень часто он играл с художником Ю. Клевером. Клевер проигрывал Корягину десятки тысяч рублей, причем художник играл на будущие картины. Случалось, Клевер задалживал чуть ли не сотни тысяч, тогда Корягин сажал его у себя на квартире, где художник иногда целый месяц жил и писал или подписывал разные картины. За последние годы у Клевера редко были картины, целиком написанные им: обычно работала группа менее талантливых художников (Розен, Оболенский и другие). Они готовили картину, Клевер же подправлял и подписывал, а в редких случаях проходил по ней кистью, и такая картина становилась прекрасной. Вот почему ранние картины Клевера, написанные им самим, очень ценны. Большая часть картин написана Оболенским и только подправлена Клевером. Подлинный Клевер — большая редкость.

Однажды я купил у тряпичников небольшую связку бумаг. В ней оказались донесения и переписка шефа жандармов, начальника III Отделения Бенкендорфа и адъютанта шефа жандармов Озерецковского.

Эта чрезвычайно интересная по своему содержанию переписка, как и многие другие документы, перешла в свое время к известному собирателю А. Е. Бурцеву.

В числе материалов исторических у меня было семь писем императрицы Екатерины II к одному из генералов шведской службы. В этих письмах Екатерина давала ряд указаний и в конце прибавляла, что прилагает 500 (или 1000) червонцев. В некоторых письмах она писала, что желает породниться со шведским королем путем женитьбы шведского королевича на русской принцессе.

Все письма были подлинными, писаны собственной рукой, но без подписи. Письма эти не опубликованы.

Как-то я похвастался перед А. М. Горьким, что у меня есть эти письма. Горький сказал: «Хотя я очень плохо разбираюсь во французском языке, но все же любопытно». Я ему отдал письма, но вышло так, что я долго потом не встречал Алексея Максимовича, затем он уехал за границу, и я его больше не видел. Когда Горький вернулся из-за границы, он жил уже не в Ленинграде, а в Москве. Так письма и остались у Горького, а вероятнее всего, он их передал в какое-либо хранилище.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Библиотека Шляпкина. «Россика» Дашикова. Букинистическая коммерция. Соловьев и его библиотека. Типография Собко. Книголюбы и дилетанты. Собрание Бурцева. «Пушкиниана» Онегина. Знаменитые подделки. Библиофилы. Дневник Теляковского. Бахрушины. Архивы Висковатова и Булгаковых

Как я уже говорил, особенно страстным собирателем книг был И. А. Шляпкин, человек особенной судьбы. Крестьянин по происхождению, Илья Александрович родился в деревне на берегу реки Сестры. Его родители были из крепостных, принадлежавших дворянам Благово. Отец занимался извозом, мать работала кухаркой. Чтобы дать племяннику образование, его дядя записался в павловские купцы и учредил частный пансион Юргенса. Директором пансиона был немец, который очень дивился званию «купеческий племянник». Вначале мальчики издевались над маленьким Шляпкиным, но он был настолько физически силен, что его вскоре стали уважать. По окончании пансиона Шляпкин поступил в университет, куда попасть было далеко не просто. Но Шляпкин давал уроки в богатых домах, в частности у князя Голицына, и ему помогли поступить в университет.

По окончании университета Шляпкин стал инспектором народных училищ. Кафедру ему долго не давали, поэтому он даже заявил начальству, что откроет сенную

лавку напротив университета и назовет ее лавкой профессора Шляпкина. Мне рассказывали, что лекции Шляпкина по истории русской литературы студенты слушали с увлечением.

Библиотека Шляпкина состояла из 30 тысяч томов, и каждая книга имела какую-нибудь особенность: либо она была с автографом, либо это был корректурный экземпляр, либо веленевый — словом, библиотека была уникальная. В 1917 году поклонники Шляпкина праздновали его 35-летний юбилей. В его доме близ станции Белоостров собрались ученики и почитатели. Был между ними и я, как личный поклонник и как представитель букинистов, которые просили меня поднести адрес от книжников Литейного проспекта. В этом адресе были такие строки:

«Дорогой и глубокоуважаемый
Илья Александрович!

...Нам, книжникам, Вы так же дороги, как науке и студенчеству. Профессор из народа, испытанный друг и знаток книги, тонкий ценитель наших, иногда скромных по виду сокровищ, Вы популярны в мире библиофилов и антикваров, как один из замечательнейших русских книговедов и книголюбов. Ваша богатая библиотека—зеркало Вашей души, ее святая святых, и мы счастливы и горды, что содействовали ее расцвету, помогая Вам в благородном труде собирания книжных редкостей.

По вашему любимому выражению — «Книги— друзья, которые никогда не изменят,— они неизменны и во времени, они — голос предков к потомкам».

В молодой, обновленной России ваше книгохранилище займет почетное место в ряду других и бережно донесет до грядущего поколения слова и мысли прошлых веков...» На юбилейном празднике были друзья Шляпкина, ученики и товарищи. Между ними известный профессор, историк литературы С. А. Венгеров и многие пушкинисты.

Надо сказать, что в собрании Шляпкина было много автографов и особенно ценное собрание автографов А. С. Пушкина, которые Шляпкин опубликовал отдельной книжкой.

Илья Александрович обладал не только книгами, но и многими ценнейшими предметами старины. Позже Шляпкин рассказывал мне о приобретении некоторых вещей:

— В молодые годы я был в одном скиту на Крайнем Севере. В скиту была ризница, в которой хранился целый ряд аксамитных оплечий риз XVI столетия. Я попросил монаха уступить мне некоторые, и он дал мне два оплечья итальянского петельчатого бархата. Аксамит удивительной красоты! Через несколько лет я посетил этот скит. Ризницу по приказу высшего начальства порешили, золото выжгли. Вообразите, как я жалел о своей скромности, а теперь эти ризы погублены.

Шляпкин неутомимо собирал всевозможные изречения о книге. Я предложил издать эти изречения, тем более что у меня была тряпичная бумага, и сборник мы напечатали под названием «Похвала книге». «Похвала книге» имела блестящий успех, издание быстро разошлось и сделалось библиографической редкостью. В него были включены изречения, афоризмы о книге и похвалы ей, от цитат из священного писания, мыслей книголюбов Древней Руси до изречений Чернышевского и Пирогова... На последней ее странице славянским шрифтом было напечатано, что книга издана «в годину войны с нечестивым германским и швабским родом трудами и тщанием дохтура слова Российского Илии Шляпкина, коштом книгокупца Федора Шилова...».

Павел Яковлевич Дашков был собирателем, который для удобства вырезал из книг гравюры. Несмотря на то, что это был культурнейший человек, он искалечил неимоверное количество книг. Дело в том, что Дашков собирал книги, посвященные России и русскому быту. У него была прекрасно подобрана «россика» на всех языках, и все, кто писал и печатал с иллюстрациями книги по истории России, тянулись к нему за справками. Нет почти ни одной, изданной Сувориным, иллюстрированной книги, в которой не было бы упоминания, что иллюстрации взяты из коллекции Дашкова. В числе таких книг были все книги историка Шильдера, все путешествия иностранцев по России, книги А. Брикнера,

автора трудов по истории Петра Великого и Екатерины II, и множество других. Дашков широко позволял пользоваться своей библиотекой. Но так как не все, бравшие у него книги, возвращали их, то он попросту стал вырезать из книг гравюры, систематизируя их и помещая в папки. Он проявлял удивительное варварство, портя ценнейшие издания, зато его папки были настоящим кладом для тех, кому нужно было подобрать те или другие иллюстрации для своей работы.

Дашков жил на Михайловской площади в своем доме, на втором этаже. У него было исключительное собрание не только гравюр и литографий, но и подлинных проектов и чертежей старинных зданий. Между прочим, у Дашкова хранился родовой золотой сервиз, подаренный Вашингтоном его деду, государственному деятелю, во время его посольства в Америке. Куда поступило его собрание, я, к сожалению, не знаю.

Знаю только, что через несколько лет после смерти Дашкова историк Божерянов продавал из его собрания виды Петербурга, цветные листы Патерсена, которые были репродуцированы в книге «Невский проспект». А начальник архива ведомства учреждений императрицы Марии Шумигорский похитил наиболее интересные письма из этого архива. Не остался в стороне и начальник архива министерства народного просвещения К. А. Военский, присвоивший наиболее ценные документы из этого архива. Лишь после его отъезда за границу, в начале революции, жена Военского продала при моем содействии все сохранившиеся документы и переписку Государственной публичной библиотеке.

Возвращаюсь к книгопродавцам и букинистам. Несомненно примечательной в своем роде фигурой был В. И. Губинский. Губинский торговал в Апраксином дворе и очень много книг издавал сам, решительно по всем вопросам. Продавал он больше провинциальным торговцам. Издания Губинского очень устраивали провинцию, особенно книготорговцев Привислинского края. Они закупали у него полный ассортимент книг по всем вопросам, начиная от детских книг, кончая поваренной книгой Елены Молоховец и книгой Жука «Мать и дитя».

Губинский продавал книги в кредит, и это помогло ему нажить в конце концов миллионное состояние. Деятельность его началась с продажи газет и брошюр. Случайно ему удалось купить остатки изданий книгоиздателя Федорова с правами на переиздание. Тут были и «Библейская история» Базарова, которая выдержала около сорока изданий, и сказки братьев Grimm, и ряд других книг. Поваренная книга Молоховец приносила ему ежегодно десятки тысяч. Поставщиками рукописей у него были всевозможные дельцы и литературные спекулянты.

Кроме произведений русских авторов, Губинский издавал много иностранных книг, очень плохо переведенных, в их числе был Вальтер Скотт.

Облик некоторых букинистов тоже был довольно примечательным.

М. П. Мельников часто посещал Александровский рынок, обходя всех тамошних книжников и по запискам подбирая те или иные заказы или недостающие тома; по своим знаниям он был поистине энциклопедист.

Среди букинистов встречались и серьезные книжники, например И. И. Иванов, выискивавший редкие и нужные книги, особенно учебники для высшей школы.

Был среди букинистов и один слепой книжник Щетинкин. Он настолько хорошо знал свое дело, что на ощупь определял, что это за книга. На всякий случай он держал при себе мальчика, который называл ему заголовки книг. Так слепой Щетинкин торговал более десятка лет.

Опишу нравы книгопродавцев того времени. При покупке книг или библиотек у частных лиц они цен не набивали, а если случалось, что по одному адресу приходило три-четыре человека, то трое отказывались от покупки, а четвертый покупал и после «вязали вязку». Допустим, библиотека куплена за 1000 рублей. Все четверо шли в трактир и там за чаем «вязали»: куплена за 1000, второй букинист дает 1200, третий—1500, четвертый—1800 и, наконец, первый дает 2000. Таким образом «навязали» 1000 рублей. Трое

получают по 250 рублей, а купившему библиотеку она обошлась уже не в 1000, а в 1750 рублей. 750 рублей он дал отступного. Особенно это практиковалось, когда большие библиотеки или целые магазины шли за долги на аукционах.

Приведу и другой пример. На аукционе книги оценены в 10—20 тысяч рублей. Книжники и маклаки набьются в помещение до отказа и кричат: «Дорого!», не давая постороннему посмотреть или поторговаться. Торги откладываются; во второй раз повторяется то же самое. В третий раз книги идут с предложенной цены и покупают их два-три человека, остальные изображают публику. Вместо 10—20 тысяч книги идут за 1—2 Тысячи рублей. Затем книжники идут в трактир и «нижут вязку», причем каждый получает по-разному. Вначале дают маломощным маклакам и «стрелкам», не имеющим ни гроша за душой, но на аукционах играющим роль публики и не попускающим посторонних покупателей. Если какой-нибудь посторонний покупатель прорвется и станет набавлять, то «стрелки» начинают торговаться, безмерно нагонят цену, а когда покупатель войдет в азарт, уступят ему и надолго отобьют у него охоту ходить на аукционы.

И трактире перед «вязкой» выдавали, как я сказал, вначале маломощным маклакам, «стрелкам» и «племянникам» от 50 копеек до 25 рублей на человека, смотря по покупке. Затем имеющие право на «вязку» усаживаются за столы и «вяжут»: куплено, допустим, за 2000 рублей, «племянникам» выдано 1000 рублей, другие расходы 500, товар стоит 3500 рублей. С этой суммы начинается «вязка». Дают 4000, дают 5000. Кто-то заявляет: «продал». Значит, он получает из «повышении» 1500 рублей, и если «вяжут» десять человек, то он получает 150 рублей и выходит из «вязки». Другой «вяжет» до 8000 и получает разницу уже из расчета 8000 не на десять человек, а на девять человек, и так далее. Наконец остаются только двое, которые, рассчитав всех восьмерых участников по разным расчетам, «вяжут на повышенку». Товар часто идет за 30 тысяч, и один берет его за эту сумму. Товар, может быть, 30 тысяч и не стоит, но купивший считает «вязку» в свою пользу. Фактически книги ему обойдутся в 15, а не в 30 тысяч, так как на его долю достанутся «вязка» и «повышенка». Такие торгашеские приемы в условиях частной книготорговли были вызваны как стремлением получить больше барышей, так и ослабить конкуренцию.

В конце XIX столетия только такие крупные букинисты, как В. И. Клочков или И. И. Иванов, имели магазины в центре города; большая же часть книжников ютилась на Александровском рынке. Поэт И. В. Омулевский даже написал послание к букинистам Александровского рынка:

О, подпившая муза моя, Поддержи мою лиру, чтоб я, Взав пример с летописцев-подвижников, Мог воспеть фарисеев и книжников, В Александровском рынке гурьбой Обступивших фасад лицевой... О, сияющий книжной красой, Александровский рынок ты мой!

Но более солидные книжники начали устраиваться на Литейном проспекте. Первым появился И. Г. Мартынов, потом В. И. Клочков, Л. Ф. Мелин, М. П. Мельников, Д. А. Наумов, И. И. Иванов; на Симеоновской улице торговал и своем доме сначала А. С. Семенов, а потом и его сын под фирмой «Семенов и сын»; на Владимирской улице—П. Б. Богданов, приказчиком у которого был вначале М. П. Мельников, а позднее П. П. Крылов, который тоже открыл свой магазин; Загрязские имели лавки на Александровском рынке. И. И. Базлов торговал на Забалканском проспекте; он первый выдумал продавать книги на вес, за что его прозвали «американцем». Позднее он переехал на Литейный, 32, и был главным участником книгопродавческой складчины. Кое-кто из книжников устроился в районе Литейного проспекта, или, как его стали некоторые называть, на Книжной улице.

Настоящих антикваров тогда почти не было. И. Г. Мартынова можно назвать первым антикваром. Подлинными, образованными антикварами были Клочков, Мелин и Соловьев.

Мой хозяин, М. П. Мельников, хотя и имел антикварные книги, но плохо в них разбирался, и любители часто выуживали у него за бесценок весьма редкие книги.

Расскажу об одном из таких случаев. Максим Павлович купил остатки библиотеки известного критика, издателя журнала «Телескоп» Н. И. Надеждина. Надеждин был автором редчайшего «Исследования о скопческой ереси», напечатанного в количестве 25 экземпляров не для продажи. В книге этой были собраны сведения о скопчестве, преимущественно из документов министерства внутренних дел, и цветные рисунки, изображающие принадлежности, обстановку скопческих радений и портреты главных сектантов. В библиотеке оказалось 7 экземпляров этой книги, и Мельников уступил Синецину все 7 экземпляров за 140 рублей, то есть по 20 рублей за экземпляр, а по тому времени каждый экземпляр стоил около полутора рубля!

Но если Мельников плохо разбирался в антикварных книгах, то Н. В. Соловьев считался среди книжников образованнейшим человеком.

Н. В. Соловьев был сыном известного ресторатора миллионера В. И. Соловьева. Он числился у отца управляющим Северной гостиницей, получал ежемесячно 500 рублей и, интересуясь книгами, стал покупать их и собрал в конце концов приличную библиотеку. Когда отец, рассердившись за что-то на сына, лишил его содержания, Соловьев, по совету своих друзей книгопродавцев-антикваров Синягина и Клочкова, решил открыть книжную лавку на Симеоновской улице, а для начала распродать свою библиотеку. Клочков порекомендовал взять в приказчики А. С. Молчанова, ставшего впоследствии большим знатоком книги. Это было в 1900 году. Затем Соловьев, человек несомненно инициативный, стал издавать журнал «Антиквар»; в журнале было много описаний частных библиотек, появились в нем и две статьи Н. В. Соловьева — о Максиме Горьком и Леониде Андрееве.

Отец, увидев, что сын умеет жить своим трудом, помирился с ним. Не желая, чтобы сын миллионера торговал в скромном помещении, он выселил Л. Ф. Мелина из дома Шереметьева на Литейном, 51, увеличил это помещение вдвое, отделал и открыл роскошный магазин. Я уже упомянул раньше, что Соловьев очень выгодно приобрел библиотеку И. В. Помяловского, за которую Соловьев-сын получил звание комиссионера Публичной библиотеки и библиотеки Ватикана. Помимо собрания Помяловского, он купил еще прекрасные библиотеки Н. И. Рукавишникова и архитектора А. А. Монферрана, а также ряд библиотек в провинции. Соловьев стал издавать хорошо аннотированные каталоги, а вскоре начал выпускать получивший известность журнал «Русский библиофил», выходящий на протяжении шести лет. До сих пор комплекты этого журнала, дававшего множество библиографических сведений, украшают библиотеку многих собирателей книг.

У жены Соловьева, балерины В. Трефиловой, было великолепное собрание книг по балету. Пользуясь ее коллекцией, Соловьев написал книгу «Мария Тальони» о знаменитой балерине пушкинских времен; книга эта весьма понравилась театралам.

Официальным редактором «Русского библиофила» считался Соловьев, но почти всю работу вел В. М. Андерсон, который хотя и являлся автором таких работ, как «Плюшар и его типография», «Аракчеев и его издания», но не был книжником. Поэтому «Русский библиофил» приобрел больше характер литературного журнала. Книжным делом Соловьев стал тоже мало заниматься, потому что отец пристроил его директором банка, кроме того, он сделался гласным городской думы, а в 1915 году заболел ангиной и умер от заражения крови. Перед смертью Соловьев оставил отцу письмо, в котором просил продать магазин А. С. Молчанову.

В. И. Соловьев исполнил просьбу сына. Он продал Молчанову магазин за невысокую цену, с рассрочкой на пять лет. Молчанов же расплатился с ним в один год. Соловьева это так рассердило, что он выселил Молчанова из своего дома, в котором тот бесплатно занимал квартиру из пяти комнат. Соловьев-отец был возмущен: при сыне магазин приносил все время убытки, Молчанов же, став хозяином, смог уплатить большой долг в один год.

Жена умершего Н. В. Соловьева Трефилова решила продолжать «Русский библиофил» и пригласила в качестве редактора проф. И. А. Шляпкина. Но в 1917 году это издание прекратилось. Позднее Трефилова уехала в Париж.

Я приобрел часть библиотеки Соловьева. Почти все книги были в изумительном виде, альманахи — в переплетах из цельной кожи работы знаменитого парижского переплетчика Паньяна; было много изданий Кружка любителей русских изящных изданий. Соловьев был членом этого кружка, неоднократно устраивавшего выставки книг. Я купил также из коллекции Соловьева около 20 писем Гончарова, преимущественно к писательнице О. А. Новиковой, несколько писем Тургенева и Толстого и весь собранный Соловьевым материал для книги «Бумаги А. А. Воейковой. История одной жизни. А. А. Воейкова — Светлана». Материал заключал около 300 автографов Жуковского, писем И. Козлова и других. Вся эта коллекция ныне находится в Пушкинском доме.

Еще в 1906 году умер Н. П. Собко, друг и сотрудник Д. А. Ровинского, составителя «Словаря русских гравюров». В типографии Собко на Морской улице были сложены остатки изданий Ровинского и лежали некоторые незаконченные издания. После смерти Собко его сын отказался от наследства, так как за типографией числились долги.

Некоторое время спустя типографию решили продать с торгов в уплату задолженности. Ее купил некто Табурно для социал-демократической партии, и типография стала печатать всякие брошюры и прокламации, пока не дознались власти. Типографию закрыли и хотели забрать для жандармского отделения. Но через некоторое время явились кредиторы и жандармское отделение пустило типографию с торгов. Продавались печатные машины и макулатура. Купил их один мелкий типограф. Когда он стал перевозить типографию и собрался вывезти также ее издания, метранпаж типографии Шевченко заявил, что куплены только машины и макулатура, а издания Ровинского и другие роскошные издания макулатурой не являются. «Я по смерти Собко расписался в приеме этого товара, все время хранил и потому этих книг не отдам», — сказал он с твердостью. Типограф, дешево купивший машины, отступился от книг и увез только машины и макулатуру.

Все имущество Ровинского, часть библиотеки Собко и каким-то образом попавшей к нему библиотеки Г. Геннади Шевченко перевез к себе и лишь через несколько лет начал через посредника продавать букинистам — С. Н. Котову и мне. После двух-трех покупок мы с Котовым решили, что покупать у неизвестного лица такие редкости, как неизданный IV том «Русских народных картинок» Ровинского и другие, небезопасно, и, узнав от посредника происхождение вещей, решили от покупок воздержаться.

После смерти Собко мы и обратились к опекуну за разъяснением. Он сказал, что имущества не принимал, но не советует его покупать, пока не выяснит законность этого в дворянской опеке. Мы с Котовым дали друг другу слово, что если будем покупать, то вместе. Однако Котов, нарушив слово, тайком купил эти издания, спрятал в свою кладовую и несколько лет не обнаруживал.

Котов купил около 50 экземпляров неизданного IV тома «Русских народных картинок», несколько полных экземпляров монографии о Рембрандте в трех томах, много разных отдельных книг и отпечатков репродукций с картин Ван Остаде и учеников Рембрандта. Затем у вдовы Ровинского Котов приобрел право на издание этих вещей. Историк Н. Д. Чечулин, автор книги «Русский социальный роман XVIII века», разобрал эти листы, написал текст, оглавление, и Котов, не усомнившись в неправоте своего поступка, напечатал на обложке: «Издание С. Н. Котова».

По Литейному проспекту, в доме 49, работал книгопродавец Александр Кузьмич Гомулин; продавал он преимущественно остатки изданий.

У Гомулина находили приют и поддержку многие молодые писатели. Мне попала, в частности, книжка Александра Грина с автографом: «Глубокоуважаемому Александру Кузьмичу Гомулину на память о хороших и плохих днях. А. Грин».

Следует упомянуть и о некоторых других книжниках, в частности о Сергее Петровиче Трусове, хорошо знавшем книгу. До открытия своего магазина он служил старшим приказчиком у Э. К. Гартье, книжника европейского типа, издававшего журнал «Российская библиография». Его магазин на Невском, 54, был самым роскошным в Петербурге.

Совершенной противоположностью сдержанному и вежливому С. П. Трусову был весьма «популярный» на Александровском рынке книжник А. И. Федоров. Букинисты называли его в шутку «князь владетельный». Федорову эта кличка нравилась, и когда он запивал, а это случалось два-три раза в год, то брал извозчика и с бутылкой в руке ездил по городу, крича: «Я - князь владетельный! Дави всех, только мужиков не тронь!»

На Александровском рынке Федоров имел магазин в три этажа, с большим запасом книг. Продавал он недорого, поощрял любителей книг, и его все любили. Тип Федорова был весьма характерен для Александровского рынка.

Говоря о старых книжниках, следует также упомянуть о М. В. Попове, который торговал под Пассажем до его перестройки. После перестройки Пассажа он переехал на Невский, 66. Попов не был букинистом, но у него можно было достать всякую старую книгу, так как Попов строго придерживался правила - любую заявку на книгу нужно удовлетворить. Выучку ученикам давал он хорошую, но обходился с ними сурово, даже жестоко. Он внушал им, чтобы слова «нет» не было в их лексиконе.

- Хоть ты и знаешь, что книги нет, но скажи, что мы достанем, а пока выложи перед покупателем груды книг по вопросу, которым он интересуется, и непременно что-нибудь продашь. А заказ на книгу прими, даже если нет надежды ее достать. Покупатель за заказанной книгой придет несколько раз и каждый раз что-нибудь купит.

Если Попов замечал какой-нибудь промах мальчика, он подзывал виновного к прилавку, приказывая подобрать с пола бумажки, а пока мальчик подбирал бумажки у его ног, он безжалостно, незаметно для публики колотил его.

М. В. Попов составил крупное состояние. После его смерти дело наследовал сын, продавший вскоре магазин некоему Ясному, который издал ряд книг и торговал до начала революции.

Очень часто к нам заходил начинающий в то время антиквар С. Тюнин.

Тюнин был совсем малограмотный человек, с трудом подписывал даже свою фамилию. Карьера его началась в одном плохоньком трактире на Охте, где он служил половым. Один ходячий антиквар обратил внимание на его расторопность и предложил работать вместе. Тюнин очень скоро вошел в курс случайных покупок и стал понемногу разбираться в картинах и мебели. Когда его учитель умер, Тюнин стал работать один, продавая случайные покупки в антикварные магазины, главным образом на Александровском рынке. Наиболее крупными из антикваров рынка были братья Смирновы, получившие известность как продавцы фальшивой бронзы, и Брайна Мильнер, которая подделками не занималась, за что ее очень уважали любители и знатоки вещей. Брайна продавала дорого, но и платила прилично, чем привлекала к себе ходячих антикваров вроде Тюнина.

Внутренний пассаж Александровского рынка, снаружи украшенного книжными магазинами и ларями, был полон старинных вещей. Здесь можно было купить все: от шишака Александра Невского до сабли Суворова, конечно, не имевших ничего общего с подлинными. Были торговцы, которые издевались над своими клиентами, искавшими в «навозной куче жемчужное зерно». Один такой торговец, старик Ваханский, с большим юмором рассказывал, как некий генерал купил у него бронзовые украшения от стола. Ваханский сказал генералу, что обещали принести еще три такие бляхи. Генерал приходил раз пять:

— Не принесли? А откуда хотели принести?

— Из Эрмитажа,— отвечал Ваханский доверительно,— уж совсем на липочке висят.

Но вернемся к Тюнину. Он начал торговать картинами крайне левых мастеров и футуристов. В эту же пору ему удалось купить картину школы Рембрандта, и он продал ее ювелиру Фаберже за 65 тысяч рублей. Может быть, это был и оригинал Рембрандта. Мало ли было в России необыкновенных находок! Ведь еще недавно в Нижнем Тагиле была найдена «Мадонна» Рафаэля, служившая, по сообщению художника И. Э. Грабаря, крышкой стула.

Многие художники писали портреты Тюнина. У меня был его портрет работы Судейкина, написанный, очевидно, во время увлечения Тюнина левыми художниками. По мнению многих, в том числе И. Э. Грабаря, Тюнин был очень талантливым самородком, с удивительно развитым художественным чутьем. Последние годы своей жизни Тюнин провел в Москве, где и умер.

Я особо остановился на Тюнине, потому что это был распространенный тип русского антиквара, обычно учившегося на медные пятаки и самостоятельно, благодаря природному таланту, сумевшего заслужить уважение людей науки и искусства.

Говоря о книжниках и антикварах, я не могу не вспомнить и некоторых из собирателей.

Одним из постоянных клиентов нашего магазина был действительный тайный советник П. В. Кухарский, занимавший должность чиновника особых поручений при министерстве путей сообщения. Собирал он гравюры, литографии и иностранные книги с гравюрами, но так как зарабатывал немного, то менял их, задалживал и всячески комбинировал дела с их покупкой.

Однажды он взял у нас том басен Лафонтена с гравюрами Одри. На другой день, вернув экземпляр, он утверждал, что некоторые гравюры выдраны и поэтому просит продать дешевле. Но я был уверен, что экземпляр полный, и решил не уступать. Торговался он неистово, но книгу все-таки взял. К такому способу прибегали зачастую и другие собиратели: уверяя, что экземпляр неполный, они старались снизить на него цену. Но настоящий собиратель неполного экземпляра не возьмет, и их уловки были по большей части шиты белыми нитками. Кухарский, однако, проявил прыть в одном случае.

У моего приятеля, художника М. В. Рундальцева, оказалось около десяти листов старинных гравюр Фрагонара, Буше и других художников, причем экземпляры были особенные—с легкомысленными сюжетами. Я гравюры купил, думая, что Рундальцев получил их от художницы Андреевой, вдовы художника академика М. А. Зичи. Часть листов я продал Синягину, часть Кухарскому, которому проговорился о предполагаемом происхождении гравюр. Он это учел и, не будучи даже знаком с Андреевой, заявился к ней и уговорил продать ему около 20 книг с гравюрами—изумительные экземпляры с двойными и тройными сюитами,—заплатив сущие гроши и совершенно ограбив Андрееву: каждая книжка стоила 500—1000 рублей. Забрав эти книги, он отвез их в Париж и устроил специальный аукцион. Каталог этого аукциона я позднее видел сам, распознав истинный облик действительного тайного советника.

Впоследствии выяснилось, что десять купленных мною у Рундальцева листов были получены не от Андреевой, а от некоего Шлотгауэра, служащего Эрмитажа. Шлотгауэр, в свою очередь, получил их от Лемана, помощника библиотекаря Зимнего дворца, который разбирали библиотеку, приобретенную Николаем II у князя Лобанова-Ростовского. Помимо десяти листов гравюр, которые через Рундальцева попали ко мне, Леман похитил много редких книг и продал их букинистам. Никто об этом не догадывался. Заподозрил Лемана второй помощник библиотекаря, нашедший в его служебном шкафу ломбардные квитанции. Оказалось, что, помимо гравюр, Леман похищал вещи из кабинета Александра II. Лемана арестовали, началось следствие. Леман во всем сознался. У Кухарского, несмотря на его положение и звание, произвели обыск и отобрали гравюры. Лемана присудили к году тюрьмы.

Леман оказался масоном, оккультистом, другом известного шарлатана Папюса. В его архиве обнаружили протоколы заседаний масонского общества, в котором Леман исполнял обязанности секретаря. Среди членов этого общества были и великие князья.

Но вот в 1900 году на букинистическом горизонте появился совершенно необычайный собиратель книг — Н. К. Синягин, о котором я уже упомянул выше.

Вначале цель и смысл его собирания были нам неясны. Синягин начал с эротики, покупал порнографические картинки. Вскоре он познакомился и близко сошелся с Ключковым и Соловьевым и резко изменил характер своего собирательства. Он стал собирать книги по истории войны 1812 года не только на русском, но и на французском языке.

Позднее он выработал целый план собирательства лишь русских книг по истории войны 1812 года и всего, что касается России.

Собирал Синягин столь энергично, что в течении десяти-пятнадцати лет создал такое собрание книг, брошюр, гравюр, литографий и рисунков, изображающих виды русских городов, монастырей и церквей и быт русского народа, какое никто до сих пор не мог собрать.

Кроме того, Синягин собирал всех классиков в первых изданиях, иллюстрированные издания, народные сказки, народные песни.

После смерти отца, крупного хлеботорговца, Синягин получил большое наследство. На полученный капитал он построил больницу при Институте экспериментальной медицины, оборудовал ее по последнему слову техники и прекратил торговые дела.

Весь свой досуг Синягин отдавал собиранию книг. Днем он посещал магазины, а вечерами до поздней ночи работал над разборкой своих приобретений.

Все дублеты и неподходящие книги он продавал мне. Помимо собрания по эротике, в котором были книги XVIII столетия с гравюрами и такие книги, как «Маркиз де Сад», «Жизнь 12 цесарей и императриц», «Заветные сказки», у него была интересная коллекция цветных литографий 40-х годов, очень много французских акварелей, а также акварелей Зичи, Богданова и других. Между прочим, у него была коллекция акварелей Зичи, изображившего русских царей и великих князей в непристойных позах.

Когда во время освящения церкви убили петербургского градоначальника фон дер Лауница, Синягин так перепугался, что все сомнительные вещи уничтожил, в том числе и акварели Зичи.

Однажды я взял на комиссию две карты, сделанные акварелью с прекрасными картушами.

Одна карта (размером 3х3 аршина, конца XVIII столетия) изображала путь от Москвы до китайской границы, другая представляла собой план Павловска. Павловским планом Синягин особенно заинтересовался.

Эти два плана были оценены в 1000 рублей, цена для того времени дорогая. Синягин, к которому я привез для показа эти карты, заколебался и обещал дать ответ вечером. Но вечером он не пришел, и я отвез карты их владельцу.

Утром приезжает Синягин и, узнав, что плана нет, страшно взволновался — вдруг карты владелец уже продал—и сидел в лавке все время, пока я за этим планом ездил.

Позднее Синягин воспроизвел в красках этот Павловский план в своем издании «Материалы к истории императора Александра I и его эпохи».

Синягин неоднократно ездил за границу и покупал в Берлине и Париже иллюстрированные издания, касающиеся России, отдельные гравюры и литографии.

Собирательство Синягина совсем не было похоже на собирательство большинства других. Он не был любителем-дилетантом, а собирал последовательно, целеустремленно.

Так, Синягин подготовил издание истории России в 12 томах, отредактированное Андерсоном. Из них второй том был посвящен Наполеону I и его сподвижникам. А

дальше предполагалось издать целый ряд томов, посвященных русской литературе, русскому искусству, описанию Сибири и т. д.

План собирательства Синягина приходил к концу, так как в соответствии с его планом им было собрано все, что возможно. Оставалось оформление. Все книги и брошюры были отлично переплетены по большей части Шнелем и его учеником Соколовым. Гравюры и рисунки были смонтированы на хорошей бумаге или наклеены на паспарту и помещались в превосходно сделанных папках. Синягин проделал колоссальную работу не только по собиранию, но и по оформлению своего собрания.

Неожиданно Синягин стал проявлять признаки психического расстройства. Болезнь быстро прогрессировала, и брат Синягина, наняв пароход, целое лето путешествовал с больным по Волге в сопровождении доктора, родственников и Андерсона; только беседуя о книгах, Синягин приходил в себя и рассуждал здраво. Осенью он поехал за границу. По приезде он в сопровождении врача заехал ко мне в лавку, рассказал, что был за границей, что очень много накопил книг, обстоятельно припоминая, какие именно.

Вспомнил он также, что не доплатил мне за три листа видов Санкт-Петербурга и за гравюры в красках Патерсена, и вдруг шепотом, озираясь, чтобы не подслушали, таинственно сказал:

— Знаете, из-за меня ведь чуть не началась война. Вильгельм не хотел выпустить меня из Германии и выпустил лишь тогда, когда наш император предъявил ультиматум.

Тут сопровождающий Синягина врач увел его. Больному становилось все хуже и в конце концов его отправили в психиатрическую больницу на Удельную.

После смерти Синягина библиотека досталась его брату. Брат все шкафы с книгами и стеллажи с гравюрами сдвинул в одну часть квартиры и запер, так как старые книги вызывали в нем отвращение. Покойный Синягин говорил не раз, что брат в руки не возьмет старой книги, а если возьмет, то сейчас же вымоет руки. Вот каков был наследник этого замечательного собрания, стоившего не менее полутора миллионов рублей золотом и, возможно, жизни его собирателя.

В 1917 году в Петрограде появился молодой библиофил П. В. Губар, весьма часто посещавший магазин Суворина. Ему предложили приобрести библиотеку Синягина. Губар согласился купить, правда, за совершенные гроши.

В квартире Синягина уже разместилась какая-то воинская часть, и из страха потерять библиотеку Синягин-брат согласился продать ее Губару за 250 тысяч.

Губар настолько спешно перевез книги к себе на квартиру, что даже не захватил картотеки, так прекрасно разработанной и подготовленной к печати. Отдельные листы видов городов, главным образом Петербурга, Губар продал Центральному комитету государственных библиотек. Помимо редчайших листов Патерсена, Махаева, Дамам Демартре и других, среди гравюр оказалось много оригиналов Галактионова.

Комиссия оценила собрание в 200 тысяч, эксперты нашли возможным довести цену до 300 тысяч. В конце концов собрание отдельных листов было куплено Комитетом за 250 тысяч рублей для Государственной публичной библиотеки. Затем Губар продал музею города описание монастырей и церквей. Очень много книг ушло совсем в другую сторону — Губар продал их в Вашингтонскую библиотеку.

Губар открыл книжный магазин «Антиквариат». На новоселье пришли выдающиеся библиофилы. Для себя лично Губар оставил все первые издания Пушкина, исключительную коллекцию альманахов, все иллюстрированные издания, все увражи, относящиеся к Петербургу, прекрасный подбор книг по истории Петербурга, увражи знаменитых зодчих: Кваренги, Тома де Томона—и целый ряд книг по истории нашего отечества. Между рисунками был подлинный рисунок Пушкина, рисунки Брюллова к новоселью Смирдина. Однако впоследствии он стал все это продавать, чем и занимался много лет.

Так расплылась замечательная библиотека Синягина. До сих пор время от времени попадают еще книги с синим и красным ярлыком-экслибрисом (кстати, довольно безвкусным) Синягина.

К нам, в магазин Е. А. Иванова, частенько заходил очень скромный, застенчивый человек. Впоследствии я познакомился с ним ближе. Это был Александр Евгеньевич Бурцев.

Бурцев служил в меняльной лавке своего дяди и еще молодым человеком стал покупать собрания сочинений и старинные книги. После смерти дяди меняльная лавка перешла к Бурцеву, который преобразовал дело и превратил его в банкирскую контору. Работая сам, он привлек и своих двух братьев; дело его расширилось. Увлечение книгами также росло. Бурцев поставил себе за правило ежедневно заходить к кому-нибудь из букинистов, и таким образом в неделю раз он был у всех своих поставщиков. Его все знали и откладывали «бурцевиану».

Бурцев недостаточно хорошо разбирался в том, что ему предлагали, и потому среди превосходных вещей набрал немало ненужного, но любовь к книге инстинктивно направляла его на правильный путь собирания. Собрав по возможности всех классиков, Бурцев начал собирать подлинные письма и автографы, старинные рукописи.

Он купил все собрание автографов известного переводчика и страстного собирателя Ф. Ф. Фидлера, купил у меня весь архив «Живописного обозрения»; кроме того, он приобрел у меня письма Толстого, Тургенева, Гончарова, приобрел, между прочим, грамоту императора Франца II на присвоение Суворову звания фельдмаршала.

Описание своих сокровищ Бурцев стал опубликовывать в печати, но, к сожалению, без особого разбора. Вначале он издал библиографическую опись «Редкие книги из собрания А. Е. Бурцева», потом издал пятитомное «Описание редких российских книг и рукописей» и семитомное «Дополнительное описание библиографически-редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей». Кроме того, Бурцев перепечатал немало редких книг целиком, воспроизвел много рукописей, издал «Сказки, рассказы и легенды крестьян Северного края», девять томов «Полного собрания этнографических трудов» и столько же—«Полного собрания библиографических трудов», издавал «Мой журнал», в котором перепечатывал рукописные материалы из своего собрания и снимки с рисунков и картин.

Картины и рисунки он тоже покупал «чохом». Художник С. Ю. Судейкин рассказывал, что Бурцев, покупая картины, выполнял, однако, тем самым и культурную роль, давая художникам возможность не продавать их основные картины на рынок, то есть в магазины, а только на выставки. Покупал Бурцев по-купечески: когда Судейкин вздумал поехать за границу, он обратился к Бурцеву с предложением продать ему все этюды и картины, которые у него накопились в мастерской, и Бурцев, не глядя, уплатил ему 2 тысячи рублей. На эти деньги художник уехал за границу.

Много покупал Бурцев у Рериха, Петрова-Водкина и других художников. Кое-кто из художников, узнав его пристрастие к русским сюжетам, стал злоупотреблять этой слабостью, то есть писать на русские сюжеты как будто специально для него, а по существу используя старые иллюстрации. Бурцев воспроизводил эти картины в своих изданиях, печатая их в 100—150 экземплярах, которые не продавал, а раздавал друзьям. Получая эти подарки, друзья нередко над ним же потешались.

Собрание Бурцева так разрослось, что он задумал организовать Музей русского искусства и литературы. На Бассейной, 10, он выстроил специальный дом с большими выставочными залами и стал устраивать периодические выставки картин и рисунков своего собрания.

Позже Бурцев пришел в разорение, и часть библиотеки была пущена через открытый им магазин в продажу. Продавал он дешево, и торговля у него пошла. Появились клиенты, многие очень уважали Бурцева за его аккуратность и порядочность. У него нередко бывали А. М. Горький, А. В. Луначарский, В. А. Десницкий, а также

крупные bibliофилы И. И. Рыбаков, З. И. Гржебин, издававший один из лучших сатирических журналов 1905 года «Жупел» и в первые годы Октябрьской революции основавший крупное издательство, которое печатало книги главным образом в Берлине. Вскоре, однако, Бурцев закрыл свою лавку и стал жить тем, что сдавал на комиссию по аукционам этюды и картины Рериха, Судейкина и других художников, а большую часть своего архива продал Пушкинскому дому и Публичной библиотеке. Сравнительно недавно литературоведом И. Л. Андрониковым была обнаружена в Актюбинске значительная часть архива Бурцева, включавшая рукописи, письма и автографы русских писателей от Ломоносова до наших современников. Все это бесценное собрание было приобретено у дочери Бурцева Ольги Александровны Государственным архивом литературы и искусства, где ныне и находится.

Оригинальным собирателем был Н. Ф. Бокачев, служащий Волжско-Камского банка.

Николай Федорович Бокачев собирал главным образом старинные карты и планы городов. В этой области он был почти единственным собирателем, а потому торговцы мало интересовались такого рода вещами и старинные карты были на рынке весьма редки. Кроме карт, Бокачев собирал описания и виды русских городов и описания библиотек. По этим разделам им был издан единственный в России каталог.

Коренастого, в своем неприменном английском покроя пальто, Бокачева можно было всегда встретить и в магазине крупного антиквара, и на развале Александровского рынка.

Он жил на Выборгской стороне одиноко, семьи у него не было. Как-то дворник обратил внимание, что Бокачева давно не видно. Квартира оказалась запертой изнутри. Взломали дверь и нашли его мертвым. Вскоре появились наследники. Вводить их в права наследства взялся известный коллекционер П. Е. Рейнбот. Но наследство заключалось лишь в книгах и картах, к которым наследники остались весьма равнодушны. Поэтому они были очень рады, когда Рейнбот рекомендовал им покупателя, своего друга, тоже коллекционера, М. А. Остроградского. Остроградский купил все собрание за 20 тысяч, перевез к себе, отобрал для себя все наиболее интересное, а остальное продал А. С. Молчанову, перепродавшему вскоре все собрание в Москву. Так распалась эта замечательная библиотека, от которой остались лишь три тома ее описания. Главная же часть, самая нужная и интересная, состоявшая из видов городов, отдельных листов и увражей, так и осталась не описанной.

Одним из известнейших библиофилов моего времени был П. Е. Рейнбот. Он не обладал таким обширным собранием, как Бурцев, Синягин, Синицын, но у него были исключительно редкие книги, находившиеся в отличном состоянии. Особенно редкие книги он переплетал в Париже.

Основным отделом библиотеки Рейнбота стала «Пушкиниана». Он собрал все первые издания Пушкина, все альманахи того времени, все журналы, в которых печатался Пушкин, и всю литературу о Пушкине. Кроме того, он собирал первые издания произведений иностранных, особенно французских, классиков. Немецких иллюстрированных изданий XVIII столетия было вообще тогда очень мало, у Рейнбота же эти иллюстрированные издания были подобраны с исчерпывающей полнотой. Он собирал также старинные книжные переплеты, и можно сказать, что у него был целый музей переплетов с суперэкслибрисами, великолепными тиснениями и всевозможными украшениями. Пожалуй, это была единственная по богатству коллекция переплетов в России. В советское время подобную коллекцию собрал В. А. Деснинский.

В Круге любителей русских изящных изданий Рейнбот был очень деятельным членом. Он часто ездил за границу и был хорошо знаком с А. Ф. Онегиным (Отто) — владельцем замечательного собрания пушкинских автографов.

Об Онегине следует сказать особо. Онегин, живший в Париже, в течение многих лет неумоимо собирал «Пушкиниану» повсюду, во всех странах. Нередко получал и я от

него письма с просьбой прислать то или другое издание. Собирая свою коллекцию, Онегин старался ознакомить с ней возможно большее число людей в России. Познакомившись с В. Н. Коковцовым, министром финансов, Онегин показал ему свое собрание. Коковцову сокровища Онегина очень понравились, и, приехав в Петербург, он обратился к своему однокашнику по лицу Рейнботу с вопросом, не следует ли приобрести собрание Онегина.

— Я горячо посоветовал приобрести собрание Онегина для Пушкинского дома,— рассказывал мне Рейнбот.

Министра финансов Коковцова интересовала только цена коллекции, а Онегин был русским патриотом и желал получить лишь небольшую ренту на жизнь и небольшую сумму на пополнение коллекции, с тем что после его смерти все собрание будет передано Пушкинскому дому.

Вскоре «Пушкиниана» Онегина была приобретена на следующих условиях: Онегин получает определенную сумму единовременно, а затем по 10 тысяч в год; после смерти Онегина собрание поступает в Пушкинский дом Академии наук, так же как и все имущество и капитал Онегина, находящийся в банке, с тем чтобы использовать их для дальнейшего пополнения коллекции.

После смерти Онегина, согласно договору, собрание его получил Пушкинский дом. Для получения коллекции в 1921 году в Париж ездил директор Пушкинского дома историк С. Ф. Платонов.

Рейнбот поступил на должность библиотекаря в Пушкинский дом—разбирать онегинское собрание. Он издал записки современницы Пушкина Смирновой-Россет, разоблачив подделку записок ее дочерью. Личная библиотека Рейнбота была постепенно распродана после его смерти, но и до сих пор, хотя и очень редко, попадаются чудесно переплетенные книги из собрания Рейнбота, неизменно восхищающие книголюбов.

Мне за мою жизнь пришлось встречаться со многими собирателями не только книг, но и картин. Расскажу о некоторых из них, и в первую очередь о Деларове.

Павел Викторович Деларов служил юрисконсультom министерства путей сообщения, а все свободное время отдавал собиранию картин. У него была исключительно ценная библиотека по искусству; он занимался изучением живописи и считался знатоком даже за границей. Директор Берлинского музея не раз присылал ему картины на экспертизу.

Однажды Деларов приобрел картину у кассира Общества поощрения художеств И. В. Васильева. Эту картину и еще шесть миниатюр Васильев купил у некоего Ковалькова, зятя графа Адлерберга, министра двора при Александре II. Картина была голландской школы, требовала большой реставрации. За всю покупку Васильев заплатил 1600 рублей.

Промыв картину, Васильев пришел в восхищение и показал ее Деларову. Продавая, как многие деляги-антиквары, каждую шпагу за шпагу Суворова, а каждую картину голландской школы за Рембрандта, Васильев заявил Деларову, что это настоящий Рембрандт, и продал ему картину за 6 тысяч рублей.

Через несколько дней Деларов пришел к Васильеву и заявил, что картина не Рембрандта, а либо копия, либо второстепенный голландец и 6 тысяч не стоит. Поэтому он решил картину вернуть и требует возврата денег.

Васильеву было жалко расставаться с 6 тысячами, и он обратился за юридическим советом к сенатору Мякинину, тоже коллекционеру картин. У Мякинина была прекрасная галерея, про которую он с гордостью говорил, что хотя ни одного Рембрандта или Рафаэля у него нет, что в его галерее картины второстепенных художников, но зато все подлинные.

Мякинин пояснил Васильеву, что он может не брать картину обратно, если не желает, потому что если это Рембрандт, то ему цена не 6 тысяч, а 100 и если Деларов даже и обратится в суд, то ему откажут.

Несколько лет спустя Деларов послал эту картину на экспертизу в Берлин к известному искусствоведу Вильгельму Боде. Ее признали подлинным Рембрандтом. Когда приезжал в Петербург американец Морган, Деларов продал ему эту картину за 140 тысяч рублей.

Среди антикварных вещей, а больше всего в живописи, всегда было много подделок. Некий Вечтомов был специалистом подделывать картины «под голландцев», он наплодил буквально тысячи подделок, причем многие из них были превосходны, не хуже оригиналов; тем не менее ни одной картины, подписанной именем Вечто-мова, я не видел. Он скупал старые дубовые доски и писал на них своих «голландцев» и «фламандцев». Под конец он покупал даже старые дубовые бочки, распиливал их на доски и на досках этих писал.

А. И. Циммерман, очень хороший реставратор, специализировался на подделках миниатюр и делал их превосходно.

Реставратор Солнцев подделывал картины русской школы и ухитрился однажды продать поддельного Айвазовского такому специалисту, как антиквар Корягин.

Подделки бывали и в других областях искусства.

Богатый коллекционер А. В. Звенигородский, собиравший византийские эмали, поручил описать их Н. Кондакову и немецкому ученому А. Шульцу. Эти описания были изданы на трех языках — русском, немецком и французском—с изумительной роскошью, особенно описание Кондакова. Рисунки были в красках с золотом, переплет целой кожи был сделан с инкрустацией в византийском стиле, с парчовой суперобложкой, закладка книги была выткана золотом и серебром. В Публичной библиотеке построили для этого издания киоск, о котором В. В. Стасов написал специальную книгу, тоже изданную роскошно. Книга «Византийские эмали» в продажу не поступала, все экземпляры были раздарены учреждениям, высокопоставленным лицам и выдающимся ученым. Случайно попавшие на рынок экземпляры продавались по 1000 рублей золотом.

Когда же Звенигородский разорился и принужден был продать свою коллекцию эмалей, оказалось, что две трети его собрания были подделкой; отсюда и сама книга потеряла ценность и значение.

Однажды я купил в складах художественных предметов при петергофских дворцах партию гравюр и этюдов маслом, написанных каким-то великим князем, кажется, Петром Николаевичем.

Этюды были сделаны недурно, писаны в районе Мурманской железной дороги. Реставратор Солнцев все их у меня купил, довольно нагло заявив, что они будут у него «Левитаны».

Случалось и так, что картина оказывалась подлинная, но антиквары не признавали за подлинник и картина шла за гроши.

Однажды два ходячих антиквара купили в Лесном у дворника какой-то дачи, принадлежавшей иностранцу, кажется, англичанину, две старинные картины.

С этими картинами, купленными за 15 рублей, антиквары пришли к реставратору Филатову и предложили ему купить их. Но Филатов купить отказался, считая, что картины не стоят его работы. Тогда картины были предложены довольно крупным антикварам Александровского рынка — братьям Смирновым и Брайне Мильнер, но и те не захотели купить.

Огорченные неудачей, владельцы картин рискнули предложить их Напсу, первоклассному реставратору и знатоку картин старой школы. К их удивлению, Напс предложил им привезти эти картины к нему домой. После тщательного осмотра Напс спросил цену, антиквары заломили 200 рублей, наивысшую цену, о которой они мечтали. Напс для виду поторговался, но заплатил. Одна из картин оказалась школы Рембрандта.

В тот же день Напса посетил известный коллекционер того времени камер-юнкер Данзас, который, увидев картины, предложил одну из них продать ему. Напс запросил 5 тысяч рублей. Поразмыслив, Данзас картину купил и оставил ее у Напса для реставрации.

Напс еще не начал реставрировать, как зашел к нему Деларов, который тоже заинтересовался картиной и стал просить ее продать. Напс ответил, что картина уже продана Данзасу за 5 тысяч рублей. Тогда Деларов предложил 10 тысяч.

Напс все же отказался продать, но тут вмешалась его жена, славившаяся своей жадностью.

— Я берусь уладить дело,—сказала она.— Я снесу деньги Данзасу, скажу, что картина оказалась краденой и полиция отобрала ее.

Данзас взял деньги обратно, для виду пожалел о картине, на самом же деле был даже рад, потому что не был уверен в ее действительной ценности.

Некоторое время спустя он рассказал кому-то, что купил картину, которая оказалась краденой, и полиция отобрала эту картину. Тот, кому он рассказал про этот случай, имел отношение к прессе, и утром в газете появилось сообщение о краденой картине и об участии в этом деле полиции.

В полиции сообщением заинтересовались. Начальником сыскного отделения в то время был Путилин, человек очень энергичный. Он приказал произвести расследование. Стали тянуть на допрос обоих ходячих антикваров, Напса, Данзаса, Деларова и владельца дачи. Вызвали экспертов, которые признали, что это Рембрандт или один из его учеников. Дело было передано в окружной суд для решения, кому же принадлежит картина. Все предъявляли свои права, в том числе и ходячие антиквары. Суд присудил картину хозяину дачи.

Стоит рассказать и о другом случае в этом же роде.

У некоего Сахарова, служившего в библиотеке Академии художеств, появилась папка цветных английских гравюр. Он предложил эти гравюры А. С. Молчанову. Тот решил, что это репродукции, и приобрести отказался. Тогда Сахаров предложил гравюры одному из братьев Берчанских — Аркадию. Берчанские не считались серьезными антикварами и были известны под прозвищем «племянников Левитана». По женской линии они действительно были племянниками Левитана, но, кроме того, они подделывали и сбывали очень много фальшивых «Левитанов».

Аркадий Берчанский купил у Сахарова эти гравюры, оказавшиеся подлинными. Выяснилось, что Сахаров выкрал их из библиотеки Академии художеств, куда в свое время поступило некое собрание гравюр и увражей польского короля Станислава-Августа Понятовского, и эта папка, хранившаяся с XVIII столетия, попала к Сахарову нечестным путем.

Берчанский вскоре уехал в Париж. Там он стал понемногу сдавать эти гравюры на аукционы, и они пошли по необычайно высокой цене. За все гравюры он получил колоссальную сумму, купил виллу под Парижем и стал жить как рантье.

В 1908 году ко мне зашел довольно скромный на вид покупатель и спросил, нет ли у меня недорогих книг.

— Какого содержания? — осведомился я.

— Он ответил:

— Все равно. Можно в переплетах и без переплетов.

— Для чего же вам?

— Да видите ли, у нас в театре ставят пьесу Леонида Андреева «Профессор Сторицын», и для бутафории мне нужны книги.

Я предложил выбрать из макулатуры. Он выбрал в сарае книг пудов на десять и заплатил мне за все около 15 рублей. Это был бутафор Александрийского театра И. Н. Шугай. Он был очень доволен покупкой, прислал мне на премьеру билет в ложу, и с тех пор мы с ним близко сошлись. Шугай покупал антикварные вещи, и поэтому его квартира была маленьким музеем. Вещи у него имелись действительно изумительные.

У директора императорских театров В. А. Теляковского было два сына: художник и инженер. После смерти отца инженер решил продать отцовский архив. Теляковский вел

подробный дневник всех театральные дел, записи его имели первостепенное значение; дневник состоял из 70 печатных листов.

Шугай познакомил меня с сыном Теляковского, и мы около десяти лет бесплодно торговались с ним из-за оценки этого дневника. Публичная библиотека предлагала ему за весь архив 100 тысяч рублей, он же хотел 125 тысяч. Когда библиотека соглашалась на эту сумму, Теляковский просил 150 тысяч. Так и не могли сговориться, о чем я тогда очень жалел, так как помимо дневника архив состоял из громадного количества писем артистов, писателей, художников и лиц высшей администрации николаевского времени. Теперь, несомненно, все это находится в наших хранилищах.

В 1904 году появился новый покупатель старинной книги Николай Яковлевич Колобов. В книгах он разбирался слабо, но всегда усердно торговался. Позднее выяснилось, что он очень богатый человек, крупный лесопромышленник.

Николай Яковлевич воспытал нежной любовью к книге, но так как семья Колобовых была типичной купеческой семьей, где книг не терпели, то Колобову приходилось приносить книги домой тайком, черным ходом.

Когда семья построила новый дом у Крестовского моста, где в первом этаже была кон-юра, а на третьем этаже квартира Николая Яковлевича, Колобов устроил книгохранилище на чердаке и по ночам тайком разбирал книги. Библиотека его росла не по дням, а по часам. Несмотря на свою отчаянную скупость, Колобов хотел иметь редкие и интересные книги.

У Колобова было немного времени для собирания книг, так как он вел обширное лесное дело, поэтому в книжные магазины Колобов забегал лишь попутно.

— Что есть интересного?

И вот ему предлагали, как тогда говорили, «колобовский товар». Что же это был за товар?

Колобов познакомился с историком Н. П. Лихачевым, автором исследований «Разрядные дьяки XVI века», «Бумажные водяные знаки» и других, и начал подражать ему в манере приобретать книги, то есть стал покупать все книги, изданные с начала книгопечатания до 1850 года, кроме медицины, техники, экономики и статистики. Вот это и называлось у нас «колобовским товаром».

Когда умерла его мать, Николай Яковлевич стал покупать книги на крупные суммы, но торговался при этом невыносимо. Торговался нудно, плаксиво гнусая:

- Ну уступи, ведь я вон сколько покупаю, ведь мне все уступают... Василий Иванович вчера даже целую пачку прибавил.

Запросят у Колобова, скажем, 500 рублей; так до тех пор, пока не уступят рублей за 300, он не перестанет торговаться.

Клочков пошел с ним на хитрость:

Николай Яковлевич, зачем нам так торговаться, терять время и портить нервы? Давай договоримся по-деловому. Сколько процентов скидываешь с каталога?

После долгих споров условились скидывать 40 процентов, но чтобы уже не торговаться. Для того, чтобы Колобову первому выбирать по каталогу, условились, что ему будут посылать корректуры, и Колобов по корректурным листам выбирал почти все книги. Но цены в корректуре Клочков ставил на 50 процентов выше обычных цен. Он действовал таким образом довольно долго, под конец даже посылал Колобову карточки, а не корректуры, чтобы сэкономить на наборе.

Клочков так сумел наладить торговлю с Колобовым, что специально посылал в Москву за старыми и старинными книгами. Названия книг переписывались на карточки, и карточки с завышенными ценами посылались Колобову для отметки желаемых книг.

Кто-то разъяснил Колобову, что Клочков его обманывает и назначает для него специальные цены. Тогда Колобов вооружился старыми каталогами, явился в магазин и попросил по каталогу одну книгу. Там быстро сообразили, в чем дело, и ответили — «продана», другую — «продана», и так все книги, какие он спрашивал, оказались

«проданными». Тогда Колобов сам направился к полкам и обнаружил на них книги, которые спрашивал. Он разругался с Ключковым и долго у него ничего не покупал.

После смерти матери и брата Колобову было трудно отлучаться из конторы и приходилось покупать книги у ходячих книжников и «стрелков». Некоторые мелкие букинисты так приспособились, что ежедневно до открытия конторы, от 8 до 10 утра, человек десять-пятнадцать ожидали выхода Колобова, и он ежедневно покупал множество пачек. Разумеется, среди хлама попадались и ценные книги, но все же больше всего было именно хлама. Колобов так увлекался массовыми покупками, что после смерти букиниста Нарышкина купил всю его лавку, в которой, разумеется, было немало завали, набравшейся за десять лет. Наконец он завел библиотекаря, но тоже совершенно неопытного человека, по профессии почтальона. Но тот ему понравился; представитель Колобова стал ходить по магазинам и покупать книги, ничего в них не понимая. Увидев это, я заявил Колобову, что его представителю книг продавать не буду. Но многие продавали, даже входили в сделку с ним, опутывая Колобова, несмотря на всю его скупость.

Колобов построил специальное здание для библиотеки, очень хороший особнячок в два этажа, оборудовал отличными полками и мечтал привести книги в порядок. Но это так и не осуществилось.

Из московских библиофилов чаще всего посещал меня Алексей Петрович Бахрушин. Это был очень тучный, но довольно живой, жизнерадостный человек. Он, несмотря на свое большое состояние, очень любил поторговаться. Как-то он захотел приобрести у нас колоссальную и курьезную акварель в золотой раме, размером сажень на сажень, не помню ее содержания (кажется, изображалась русская история в миниатюрах, с многочисленными фигурами). Акварель эта производила впечатление колоссальной иконы. Мы оценили ее в 600 рублей. Бахрушин начал с 400, дошел до 500, каждый день заходил и торговался. Наконец он сказал:

— Да ты бы запросил и уступил, потешил бы покупателя, а то как в аптеке,— и наконец купил за 550 рублей.

Бахрушин собрал исключительную библиотеку. Книгу он любил искренне, написал даже книжку-дневник под названием «Кто что собирает», в которой дал очень меткие и остроумные характеристики наиболее известных московских собирателей. Книгу издал библиограф и книголюб Л. Э. Бухгейм очень хорошо, с портретами. Кроме написанной им книги Бахрушин издал в четырех частях каталог своих книг со снимками библиотеки и кабинета.

Бахрушин очень уважал книжников, в его собрании было более 300 портретов букинистов и собирателей книг, на многих photographиях была биографическая справка.

Умер Бахрушин в 1904 году. Его библиотека по завещанию поступила в Исторический музей.

Зачастую посещал наш книжный магазин и родственник А. П. Бахрушина Алексей Александрович Бахрушин, собиравший книги исключительно по театру. В этой области он был почти единственным собирателем с таким широким размахом. Кроме книг, А. А. Бахрушин собирал и все материалы, относящиеся к театру, вплоть до афиш, костюмов, скульптуры и живописи. Еще при жизни он передал свой музей государству, продолжая пополнять его все время. После смерти А. А. Бахрушина в бывший отцовский музей поступил на службу его сын и немало поработал, продолжая дело отца и пополняя музей экспонатами.

В Москве много собирателей передали государству свои библиотеки и музеи: Третьяков, Солодовников, Бахрушин, Солдатенков, Цветков и, наконец, два брата Щукиных—имена достаточно известные.

Петр Иванович Щукин, с которым я больше всего имел дела, хотя лично с ним ни разу не встречался, собирал рукописи и автографы, миниатюры и предметы персидского

искусства. Говорили, что его коллекция персидских вещей не уступала коллекции Вильгельма II.

Я продавал Шукину только письма, автографы и рукописи. Заглазно продавать рукописи было весьма трудно. Обычно я писал ему:

«Предлагаю к приобретению,— называю 5— 10 наименований,— цена такая-то». Шукин отвечал почти всегда телеграфом: «Высылайте». И в течение десятка лет наших деловых отношений не бывало недоразумений. Может быть, и не всегда он был доволен покупкой, но зато к нему попадали такие редкости, которые покрывали все случайно попавшие малоценные вещи.

Как-то я приобрел архив военного историка А. В. Висковатова, известного автора и издателя исследования «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с древних времен». Архив был скучный, но в нем оказался один том формата писчей бумаги. В этом томе было переплетено около 500 листов архива, содержавшего различные государственные документы. Мне запомнилась одна тетрадь — инструкция генералу Суворову, отправляющемуся на Урал для ревизии горных заводов. Императрица Екатерина испещрила почти все страницы инструкции своими поправками, многое вычеркнула, указывая, что сделано это ею собственноручно.

Другой интересный архив, который я приобрел, принадлежал братьям Булгаковым. Булгаковы были почтдиректорами, один московским, другой петербургским, и славились как перлюстраторы.

Например, Александр I пишет Кутузову:

«Михаил Илларионович, на место Беннигсена следовало бы назначить генерала Чичагова, мною весьма уважаемого, но, по-моему, он не подходит, поэтому назначьте Чичагова к себе. Дайте ему лестное назначение, а командиром на место Беннигсена назначьте такого-то, а это письмо уничтожьте».

Булгаков переписал в свою тетрадь это письмо, которое Кутузов, вероятно, уничтожил. Тетрадь содержала около 100 листов, в ней было, значит, не меньше 200 перлюстрированных писем.

В этом же архиве оказалась связка донесений некоего генерала Алексеева. В истории войны 1807—1812 годов этот генерал совершенно не упоминается, но, оказывается, в подготовке к войне он принимал деятельное участие. Среди этих донесений были обнаружены два наказа Александра I генералу Алексееву. В первом говорится, что он, генерал Алексейев, посылается в Польшу для обследования дорог на случай прохождения войска, если будет война с Наполеоном, и ему рекомендуется изыскать такие дороги, чтобы тяготы прохождения войска не так были обременительны населению. В другом наказе говорится:

«Генерал Алексейев, из того, что я вам пишу, вы видите, как я вам доверяю. Помимо рескрипта, данного мною вам об устройстве и выборе дорог, вы, главным образом, смотрите, какое имеют настроение поляки по отношению нас и французов, и дайте им понять, что мы все усилия приложим для их благоустройства, а также дайте понять, что чья возьмет — бог волен.

Но если они будут придерживаться французской ориентации, то разорены будут наверное.

В ваше распоряжение даются все военные и гражданские власти. Александр».

В архиве оказалось около 500 донесений генерала Алексеева на имя императора и на имя министра двора князя Волконского, ярко рисующие политическую атмосферу той эпохи.

В архиве братьев Булгаковых было очень много подлинных писем Аракчеева, Волконского и других. И этот ценнейший архив чуть не погиб.

В Петербурге жила 96-летняя старушка фрейлина Булгакова. Она принялась за уничтожение ненужных ей писем и стала их выбрасывать. Тряпичники случайно подобрали этот архив и сложили на своей бирже, в огромном сарае на Петроградской

стороне. В этом сарае можно было купить разнообразнейшие товары, начиная от костей и тряпок до драгоценнейших инкунабул и рукописей.

Архив Булгаковых попал в этот сарай, а мои поставщики, которых я в свое время проинструктировал, принесли мне однажды около двух пудов исписанной бумаги. Не без волнения я спросил, во сколько они расценивают принесенное. Они попросили полтора рубля и предложили купить еще старинный станок красного дерева для отжимания белья. От бельевого станка я отказался и послал их к антиквару и реставратору Сосновскому. Тот купил станок, оказавшийся печатным голландским станком, вывезенным Петром I из Голландии. У Сосновского этот станок купил граф Ферзен. Весь же архив Булгаковых в конечном итоге оказался в наших хранилищах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Букинист Шибанов. Библиотека Нащокина. Картавое. Малышев. Книгопродавец Мелин. Книжник и литератор Картыков. Ясинский. Архив Сидорова. Розыски по деревням. Архив Разумовских. Архив Менишкова

С Павлом Петровичем Шибановым я познакомился еще в 1904 году, когда только начинал самостоятельно вести книжную торговлю, и знакомство наше не прерывалось до конца жизни. В последние годы мы оба служили в «Международной книге»: он — в Москве, я — в Ленинграде. Шибанов считался одним из лучших антикваров-букинистов в России. После смерти отца и брата он завел торговлю гражданской книгой и стал издавать каталоги. В этом деле ему помог очень опытный книжник А. М. Старицын. Первые три каталога вышли в восьмую долю листа, а остальные—в шестнадцатую, с иллюстрированной обложкой. оборот каталога он украсил маркой — нога, пронзенная костью, что должно было изображать ногу Василия Шибанова, якобы предка Шибановых. Из истории известно, что Иоанн Грозный в момент гнева пронзил ногу Шибанова острием костью. Каталоги Шибанова издавались периодически (их вышло более двухсот). Издавались они весьма тщательно и изящно, соревнуясь с каталогами европейских фирм.

Благодаря этим каталогам Шибанов приобрел широкую известность. В них перечислялись лучшие книги, иногда уже проданные. Делалось это исключительно для рекламы. Некоторые каталоги были тематические: книги по расколу, по русской истории, иногда каталоги, целиком посвященные тем или иным приобретенным библиотекам. В 1912 году был издан каталог, посвященный 1812 году, в котором сообщалось, что книги из этого каталога продаются только всем собранием. Это было тоже характерно для Шибанова, понимавшего, как трудно составить полное собрание по тому или другому вопросу. Наиболее интересные книги Шибанов оставлял себе и таким образом собрал прекрасную библиотеку.

Несмотря на свой букинистический опыт, Шибанов, случалось, и ошибался в оценке книг. Был такой случай.

Когда ленинградскому отделению «Международной книги» была предложена для покупки библиотека, принадлежавшая прежде великому князю Константину Павловичу, пригласили Шибанова для оценки и сказали, что за библиотеку просят 30 тысяч. Шибанов посмотрел и заявил:

— Не стоит. Самое большое—заплатите 6 тысяч.

Однако библиотека была продана владелицей за 100 тысяч. Остатки этой библиотеки попали к букинисту Александровского рынка Ф. П. Наумову. Я купил у него «Описание Ярославской губернии», сочиненное в управлении губернатора и им подписанное, с двумя картами, сделанными от руки, с великолепными картушами, изображающими город Ярославль. Книга была переплетена в красный марокен и поднесена губернатором императору Павлу I.

Для магазина «Антиквариат», в котором я тогда работал, мною было куплено из этой библиотеки много превосходных изданий, например 38 листов архитектурных чертежей Царского Села, «Катальные горы в Царском Селе» и ряд уникальных книг.

В 1927 году Шибанов сделал в Москве доклад: «Дезидерата русского библиофила». Этот доклад имел колоссальный успех, прения заняли два вечера. Но, когда он прочел этот доклад в Ленинградском обществе библиофилов, я выступил с резким возражением.

— Мы, молодежь, во всяком случае, младшее поколение книжников,— сказал я,— не согласны с вами. То, что вы хотите купить, вы расцениваете баснословно дешево, а то, что хотите продать из залежавшегося у вас, оцениваете втридорога. Где вы купите за 5 рублей книгу 1730 года «Езда в Остров любви», когда даже второе издание стоит в пять раз дороже? Где вы купите «Путешествие» Радищева за 250 рублей, когда оно золотом стоило 500—600 рублей? Какому библиофилу вдруг потребовалась библия Скорины? Книги XVI и XVII веков у вас обозначены как дезидерата, но это не более чем ход, чтобы найти покупателей.

Следует, однако, сказать, что расценки были произведены Шибановым в интересах антикварного магазина «Международная книга», в котором он тогда работал. Брошюра, содержащая расценки, была выпущена в 1927 году «Международной книгой», и, справедливости ради, надо отметить, что в предисловии к ней Шибанов сам пишет, что список составлен для знатоков-библиографов в надежде получить от них поправки и дополнения. Впрочем, ведь и само понятие «редкая книга» весьма относительно; время вносит свои поправки в оценки, и то, что высоко ценилось вчера, сегодня может ничего не стоить; но случается, что и недооцененная в свое время книга находит позднее признание и обретает истинную свою цену как действительная редкость. В 1934 году собирались праздновать юбилей П. П. Шибанова.

«7/1—1934 г.

Дорогой Федор Григорьевич, сегодня мне принесли на дом Ваше письмо; я заболел 8 декабря, все еще не выхожу из дому, завтра — месяц,— писал он мне.— Здоровье восстанавливаю медленно, главное, не проходит одышка. А между тем работы у меня уйма, хотя меня и дома не оставляют без работы, присылая сюда то корректуру, то карточки, то еще что, а теперь, когда должно увеличиться число выпускаемых каталогов до четырех, я прямо не вижу просвета. И, главное, ко всему этому мое нездоровье.

Касательно чествования дело обстоит так: задумала это дело Цекубу* по своей личной инициативе и потребовала автобиографию. Это было очень кстати, потому что все равно я намеревался хлопотать о персональной пенсии. Автобиографию я дал и больше ничего не знаю. Говорят, пишут мое житие на разных языках, с другой стороны, говорят— чествование будет в очень тесном кругу...

Чествование они собирались устроить в январе и ждут только моего выздоровления. К какой дате оно приурочено, я не знаю, говорят: «Вы у нас единственный!..»

* Центральная комиссия по улучшению быта ученых.

Следует сказать, что Шибанов работал не за страх, а за совесть. Он прожил всю жизнь для книги и был первым книжником-антикваром в России. В советское время он много поработал в антиквариате «Международная книга», где им был выпущен ряд отличных каталогов. В 1925 году Государственное издательство выпустило его книжку «Антикварная книжная торговля в России».

Мне удалось случайно приобрести весьма ценную библиотеку друга Пушкина — П. В. Нащокина. Эта библиотека продавалась несколько лет (вероятно, просили дорого, а библиотека была изрядно потрепана). Я, еще молодой антиквар, об этой библиотеке ранее ничего не слышал и сразу купил ее. Привезя в Петербург, я сообщил о своей покупке Л. И. Жевержееву, который был в то время усердным собирателем.

Жевержеев был сын купца, получивший большое наследство и не знавший, что с ним делать. Вначале он увлекался футуризмом—он поддерживал поэтов-футуристов,

издавая их произведения, а потом увлекся театром: стал собирать костюмы, эскизы декораций. Собрал почти музей, а затем заинтересовался книгами. Известен выпущенный им каталог под названием «Опись моего собрания», том первый. Впоследствии, когда дела у Же-вержеева пошатнулись, он начал распродавать свое собрание. Я купил у него много рисунков, гравюр и книг, но особо хороших книг было мало.

Библиотека Нащокина привлекла внимание Жевержеева, и он забрал ее у меня. Но на другой день он прислал все книги обратно. Его библиотекарь сообщил мне, что все издания у Жевержеева уже имеются. Я спорить не стал, но причина возврата меня удивила. Книги были прекрасные, большинство из них вышущено в XVIII столетии— преимущественно из библиотеки деда Нащокина.

Вскоре все разъяснилось: оказалось, Жевержеев услышал от Ключкова, что библиотека Нащокина продается много лет и оценена очень дорого. Он побоялся на этой покупке потерять, не понимая действительной ценности собрания.

Книжно-букинистическое дело до революции было у нас поставлено кустарно, люди культурные занимались этим делом редко; обычно книжники выходили из среды мальчиков — учеников книжных лавок, без всякого образования, можно сказать, полуграмотных. Образованных книжников было очень мало: П. П. Шибанов, Л. Ф. Мелин, Н. В. Соловьев, В. И. Ключков и П. А. Картавов.

Картавов имел пристрастие к собирательству с юных лет. Его отец был человек состоятельный, содержал увеселительные сады «Ливадия», «Аркадия» и другие, но Картавов после смерти отца ликвидировал дело и жил на капитал и доходы от прав на пьесы и оперетты, которые его отец покупал в собственность.

Собирательство Картавова было весьма разнообразным. Сначала он стал собирать все издания Вольтера и все, что напечатано о Вольтере в России, задумав издать книгу «Вольтер в России».

Кроме того, он собирал библиографию, и подбор справочников у него был великолепным.

Затем он решил издавать журнал «Весельчак». На этом он порядочно потерял и на некоторое время излечился от издательской мании. Картавов начал собирать почтовые марки и собрал их очень много, собирал экслибрисы и книжные ярлыки.

Однажды Картавов купил у макулатурщиков архив Соляной конторы, дела со времен Петра Великого до начала XIX столетия. Этот архив он разбирал в течение многих лет. В нем оказались замечательные материалы, и главным образом автографы. Это определило новую линию в собирательстве Картавова.

Половина прибылей от соли шла на расходы царского двора, поэтому документы о многих церемониях двора попали в архив Соляной конторы. Например, документы о расходах на похороны Петра I, расписки царевича Алексея Петровича, архитектора Растрелли, Разумовского и много других.

Между прочим, были обнаружены два письма М. В. Ломоносова, писавшего в соляные варницы, чтобы ему прислали сведения о количестве залегаемой в глубину и ширину соли. На первый запрос ему долго не отвечали, и Ломоносов в следующем письме повторил свою просьбу, сопроводив ее крепким ругательством.

Помимо ценных автографов Картавов собрал несколько комплектов бумажных водяных знаков, систематизировал их, и таким образом это явилось продолжением труда Н. П. Лихачева «Бумажные водяные знаки» (1899—1900). О бумажных знаках он выпустил небольшую книжку «Исторические сведения о гербовой бумаге в России», напечатанную только в 100 экземплярах.

Картавов когда-то приобрел архив Лисенкова, в котором были оригиналы первых литературных произведений Некрасова, Шевченко и ряда других писателей. Кое-что он попробовал издать, например два выпуска библиографических записок «Литературный архив» и три номера «Библиографических известий о редких книгах». Он издал также «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, но все издание было сожжено, попало

в продажу лишь несколько экземпляров, так что, по существу, издание Картавова чуть ли не более редкое, чем первое издание.

В погоне за автографами Картавов не знал меры.

В начале революции на собрании, на котором выступал В. И. Ленин, в тот момент, когда Владимир Ильич закончил свою речь возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!», Картавов вбежал на сцену с открытым альбомом и попросил Владимира Ильича:

— Будьте добры, напишите мне последние слова Вашей речи.

И Ленин написал.

Под конец жизни Картавов поступил в Книжный фонд только для того, чтобы иметь возможность рыться каждый день в огромном количестве макулатуры. Там же он собрал единственную в СССР коллекцию обложек и громадное количество книжных ярлыков и экслибрисов. Собрание «Вольтер в России» он, когда уже стал слаб и часто прихварывал, продал при моем посредничестве в одно из хранилищ в Москве.

Одним из крупнейших собирателей книг и гравюр в начале XX века был директор Волжско-Камского банка Федор Степанович Малышев.

Малышев происходил из крестьян, в юные годы начал работать сельским писарем и познал воочию все нужды и беды крестьян. Он видел, как пьянство и кабаки губят крестьянство, и в своей волости собрал крестьян для того, чтобы они общим сходом вынесли решение закрыть кабаки.

В волости удельное ведомство ежегодно продавало с торгов известную часть казенных лесов.

Торги были фикцией, так как леса в удельном ведомстве скупали кулаки-лесопромышленники, а крестьяне работали у них за гроши. Малышев договорился с Нижегородским удельным ведомством, чтобы оно продавало лес волости, а там бы уже делили и раздавали участки крестьянам. Малышев настаивал также на уничтожении кабаков. Материальное положение крестьян в волости несколько улучшилось, но властям это не понравилось. Малышеву сообщили, что его хотят убрать и перевести в Сибирь.

Предупрежденный об этом друзьями, Малышев оставил волость и уехал в столицу. Там он поступил по рекомендации одного земляка в Волжско-Камский банк на должность уборщика: подавал чай, разносил по отделам бумаги, подметал пол, а в свободное время слушал лекции в Технологическом институте (позднее сделался вольнослушателем). Впоследствии Малышев был избран членом правления банка.

— Я хочу построить у себя на родине,— сказал он мне как-то,— большой дом, который пропитаю несгораемым составом и в котором помещу все мои гравюры и книги, чтобы местное население ими пользовалось.

Конечно, его собрание вряд ли было нужно тогда крестьянам, но говорил он об этом с юношеским пылом, хотя в то время ему было не менее 60 лет.

Кроме гравюр, Малышев собирал русские и зарубежные издания по истории революционного движения в России. Эта часть библиотеки была у него подобрана прекрасно.

После Октябрьской революции Малышев работал в Главбуме, и его проекты выделки бумаги были приняты во внимание. Несмотря на преклонный возраст, он старался быть полезным делу строительства новой жизни, но стало сдавать зрение, и он почти ослеп.

Когда здоровье Малышева совсем пошатнулось, он решил распродать книги и вещи. Большая часть собрания была продана им при моем содействии книжному магазину «Антиквариат», в котором я тогда работал.

Собрание же гравюр Малышев продал через «Международную книгу» в один из музеев Харькова. Я помню трогательную картину: когда вывозили его папки с гравюрами, Федор Степанович, уже слепой, с горечью расставался со своими мечтами библиофила.

В молодые годы Малышев был связан с вятскими революционными деятелями, которые издали в 1877 году альманах «Вятская незабудка» и выпускали другие книги. Позднее в своем имении Малышев устроил тайную типографию для печатания прокламаций и листовок. Личность, как мы видим, незаурядная, с интересной судьбой.

Следует упомянуть и о другой весьма любопытной фигуре.

Я не знаю происхождения книгопродавца Льва Федоровича Мелина, но человек он был образованный. Став чиновником, он понял, что карьеры не сделает, так как для этого нужны деньги, связи и родовитость. Он стал приглядываться к торговому делу.

Больше всего ему понравилось книжное дело, которое для начала не требовало больших средств. Когда я двенадцатилетним мальчиком приехал в Петербург, Мелин открыл книжную лавку в доме Шереметьева по Литейному, 51. Начал торговать Мелин очень скромно, для посылок и черных работ взял мальчика, К. Н. Николаева, ставшего впоследствии очень крупным букинистом в Москве.

Мелин сразу же выделился из среды других букинистов, стал подбирать хорошие и содержательные книги. Он обходил мелких книжников и выуживал у них все, что попадалось лучшего. Мелкие книжники хоть и ругали его за это «саранчой», но охотно продавали ему. Знание языков, а он говорил по-немецки, по-английски и по-французски, даже с блеском, тоже выделяло его среди других книжников.

Мелин завел у себя отдел новых иностранных книг. Побывав за границей, он стал выписывать оттуда в большом количестве дешевую беллетристику, которая часто продавалась по пониженной цене, причем он конкурировал даже с М. О. Вольфом и Мелье.

Мелин специализировался на литературе о театре и балете, особенно усердно подбирал книги о цирке и уличных представлениях. В этой области он не имел конкурентов, чем привлек к себе многих артистов и поклонников театра. Затем Мелин занялся подбором книг по оккультизму, издал несколько очень грамотных каталогов. Он разбогател, расширил дело и выжил букиниста Семенова из пристройки к шереметьевскому дому. Теперь на этом месте стоит огромное здание, занимаемое Ленкниготоргом.

Семенова он, разумеется, выжил, чтобы не иметь рядом конкурента, но и его вскоре постигла та же участь. Н. В. Соловьев занял соседнее помещение, отделал роскошный магазин, и Мелину пришлось переехать на Литейный, 60.

Здесь Мелин стал торговать больше для любителей, чем для широкой публики, и все же дела у него шли неплохо. Но на него надвигалось несчастье—он стал слепнуть.

К началу революции он почти совсем потерял зрение, но все же заходил к книжникам, предлагая образовать книжный кооператив, книжную коммуну и пр. На Литейном и Невском часто можно было встретить фигуру высокого согбенного старика, в очень засаленной шубе и громадных ботах,— Мелина на этих улицах многие знали. После смерти одной дочери и ухода от него другой внешне он очень опустился, завел дома с десяток кошек, редко кого принимал. Все же не один клиент сохранил о нем добрую память и кое-чем его поддерживал. Когда Лев Федорович умер, то оказалось, что у него сохранились прекрасные книги, все тщательно завернутые в бумагу. Сохранился даже полный комплект «Исторического описания одежды и вооружения российских войск с древних времен». Книги купил магазин Ленкогиза, где работал И. С. Наумов, и перепродал их потом московской Книжной лавке писателей.

Другой книжник, Михаил Николаевич Картыков, был сыном вологодской кружевницы. Мать его, несмотря на вдовство, сумела дать образование двум своим сыновьям. Михаил Николаевич пристрастился к книгам и собрал изрядную библиотеку.

Я ежегодно ездил на родину через Вологду. В Вологде была обязательная пересадка, поезда приходилось ждать по десять часов, а случалось, почти сутки, и я пользовался случаем, чтобы побывать у местных антикваров и книжников; Каждый раз я много покупал у вологодского букиниста Мякишева: он-то и направил меня к Картыкову.

Домик Картыкова находился в районе Вознесенья, где сосредоточивался весь кружевной торг. Вся площадь, все переулки два или три раза в неделю наполнялись кружевницами, продающими кружева. Вологодские кружева славились на весь мир, это был один из главных промыслов крестьян губернии. Мать Михаила Николаевича слыла большим знатоком кружев.

Картыков оказался человеком очень искусственным в книгособирательстве. У него был отличный подбор книг по библиографии, каталоги всех столичных букинистов, прекрасно подобранный отдел этнографии. Он усердно занимался собиранием песен и других этнографических материалов.

В то время, когда я познакомился с Картыковым, он составлял англо-русский словарь, но эта его работа, как и многие другие начинания, не увидела света.

Картыков пробовал сам писать (он показывал мне целый ряд своих работ), но в Вологде печататься было негде — она была в то время большой деревней, — и я посоветовал Картыкову ехать в столицу, где легче всего испробовать свои литературные силы.

Вскоре Михаил Николаевич действительно перебрался в Петербург, но литературных успехов так и не добился. Надо, однако, отметить, что на основе собранных им этнографических материалов Картыков издал под псевдонимом «Багрин» небольшую книжку «Скоморошья и бабьи песни».

Эта книжка произвела тогда большое впечатление и вызвала многочисленные отклики. И. А. Шляпкин напечатал о ней в «Новом времени» прекрасный отзыв. Никто только не догадывался, что эти «скоморошья и бабьи песни» были сочинены самим Картыковым.

С литературой дело все же не получилось, и Картыкову пришлось поступить чиновником в Государственное коннозаводство, где управляющим был в то время Карнаухов, совмещавший эту работу с управлением имениями известного богача князя Голицына, внука Суворова.

Голицын решил издать историю великого фельдмаршала и обратился к полковнику Козлову, женатому на внучке Суворова. Козлов взялся за эту работу.

Первый том «Истории Суворова» был напечатан весьма роскошно, но второй том написан не был, потому что Козлов, внешне несколько похожий на петербургского градоначальника Трепова, в 1905 году был случайно убит.

Карнаухов, узнав, что у него в канцелярии работает чиновником литератор, предложил Картыкову написать второй том «Истории Суворова». Картыков купил целую библиотеку о великом полководце и написал второй том («Суворов», 1911), который был издан так же роскошно, как и первый.

Но военным историком Картыков не сделался. Оставив службу в коннозаводстве, он поступил к П. А. Картавову для ведения его книжных аукционов.

В начале Октябрьской революции Картыков опять появился в Вологде и выпустил солидную для того времени книгу «Русские песни», с предисловием профессора Н. К. Пиксанова.

Позднее М. Н. Картыков перебрался в Москву, где одно время заведовал книжным магазином Госиздата.

С Иеронимом Иеронимовичем Ясинским я был знаком много лет не только как с писателем, но и как с коллекционером редких книг, гравюр и особенно рисунков. У него было много вещей Шишкина, Федора Васильева и других. Когда он редактировал «Биржевые ведомости», то в день полочки его поджидали десятки ходячих антикваров: кто за долгом, кто с товаром. У меня в лавке он также покупал всегда много книг. После полочки уплатит долг, а книг наберет на еще большую сумму.

Его домик с отдельным павильоном для гостей на Черной речке всегда был полон, там было оживленно и весело. Кроме того, и семья у Ясинского была большая.

Перед революцией я был на военной службе и долго не видел Ясинского; когда же в 1919 году мы повстречались с ним на Литейном, он жил уже без семьи в Доме Армии и Флота. Он повел меня к себе, и мы долго беседовали, вспоминая молодые годы. Комната у него была неуютная, нетопленая. Ясинский рассказал, что продал свой домик какому-то гражданину, который должен за это до самой смерти кормить его обедом раз в неделю. Я усомнился в практичности такой сделки, но Ясинский уверял, что это очень для него выгодно и удобно.

— И люди хорошие. Когда я приезжаю на неделе, так тоже кормят обедом...

У Ясинского был довольно большой литературный архив как личной переписки, так и приобретенных писем. Часть архива он подарил собирателю Э. П. Юргенсону, а часть купил я. Среди купленных мною писем было много интересных, литературных. Издавая свои журналы «Живописец», «Ежемесячные сочинения», «Беседа», «Провинция» и будучи ранее редактором и фельетонистом «Биржевых ведомостей» (писал под псевдонимом «Независимый»), Ясинский часто помогал молодым писателям; многие письма к нему были проникнуты благодарностью за его отзывчивость и помощь. Были в архиве и письма классиков: Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др.

Хорошо помню письмо Л. Н. Толстого времен Севастопольской обороны в редакцию журнала «Современник». В этом письме Толстой писал, что, перечитывая свои последние рассказы, почувствовал в них невольное подражание рассказам И. С. Тургенева и что он хочет просить у Тургенева разрешения посвятить ему один из рассказов. Как известно, в «Современнике» был помещен рассказ Толстого «Рубка леса (Рассказ юнкера)» с посвящением Тургеневу.

Значительный интерес представляли письма А. М. Горького. В частности, было письмо Горького к И. Ясинскому по поводу известного инцидента, когда Горький потребовал у издателя одного из журналов, чтобы вычеркнули его имя из списка сотрудников. Дело в том, что журнал этот объявил конкурс на лучший роман и жюри присудило премию И. Ясинскому, представившему роман под псевдонимом. Когда был объявлен результат конкурса и издатель уведомил читателей, что премия присуждена Ясинскому и его роман будет печататься в журнале, Горький заявил издателю, что печататься с Ясинским он не может. Это было связано с напечатанным в свое время романом Ясинского «Первое марта», вызвавшим возмущение демократических кругов.

Ясинский был писатель не без способностей, но недостаточно принципиален, твердой линии поведения у него не было, и Горький с прямотой заявил ему в письме, что не считает для себя удобным печататься в одном издании с ним.

В 1905 году Ясинский очень меня уговаривал издавать газету. Я категорически отказался. Он начал меня убеждать, доказывая, что расходы на издание самые пустяшные, сотрудников не нужно ни одного — он заменит всех сотрудников. Газета будет вечерняя, под названием «Революция». На первой странице будет помещаться роман — он уже написан, а на трех следующих страницах — выдержки из утренних газет, которые он же обязуется вырезать. Он ручался, что газета будет интересная и себя оправдывает. Каково же будет направление газеты и какую она займет политическую линию, его нисколько не волновало.

Позднее я убедился, что Ясинский во всех своих коммерческих расчетах был наивен и всегда ошибался. Все его журнальные начинания были также непрактичны.

В начале революции мне сообщили, что по соседству с дачей Ясинского продаются рисунки и картины. Продавал совершенно не известный мне человек. По многим приметам я узнал, что это вещи из коллекции Ясинского, в которой находился, между прочим, весьма любопытный портрет Петра I на дереве. Портрет этот был написан очень неплохо, я полагаю, что прижизненный.

Я ничего не купил, чуя недоброе. Позднее оказалось, что новому владельцу дачи Ясинского надоело кормить его по воскресеньям, он затеял с Иеронимом Иеронимовичем

ссору и не только не стал кормить его обедами, но выгнал из мезонина и выбросил все его вещи.

Последний раз я посетил Ясинского, когда он жил на Невском в Доме книги. Здесь он писал свою последнюю книгу «Роман моей жизни», автобиографическую повесть. Он был уже очень стар.

Когда я уходил, Ясинский сказал, что коллекционер от коллекционера не должен уходить с пустыми руками, но он сейчас так беден, что ему нечего дарить, а поэтому просил взять на память хоть фотографии. Он дал мне пять своих фотографий, которые я храню до сих пор. У меня была еще одна его фотография с такой надписью: «Легко меня порвать, но трудно со мной порвать». Ее я передал дочери Ясинского Татьяне Иеронимовне.

В связи с воспоминаниями о Ясинском всплыло кое-что из далекого прошлого.

В благовещенье 1905 года у меня собралось несколько друзей. Мы благодушно распивали чай, когда пришел Карп Парамонович, ходячий книжник, и сказал мне:

— Иди по адресу. Продаются гравюры и рисунки.

— Что ты, Парамонович,— воскликнул я, имея в виду праздничный день,— ведь сегодня «птица гнезда не вьет».

— Иди, ты купишь,— настаивал пришедший.

Товарищи посоветовали пойти. Карп Парамонович добавил, что владелица торговцам не продает и надо отрекомендоваться художником или любителем, потому что она обожглась на каком-то торговце Крислипе.

Я знал этого старика Крислипа. Его считали мошенником, но все тузы-собиратели и аристократы принимали его, потому что он умел доставать замечательные вещи. Попав к этой даме, к которой меня сейчас направляли, Крислип, очевидно, обманул и ее.

Дама оказалась дочерью знаменитого в 30—60-х годах натурщика Тараса Михайлова, с которого писали Брюллов, Бруни, Басин и все выдающиеся художники — его современники; сам же Михайлов подбирал и хранил всякие этюды и пробные отпечатки гравюр. Кроме того, многие известные художники дарили ему гравюры с надписями, и у него собралось таких гравюр и этюдов целые сундуки.

Первый вопрос старушки был:

— Вы художник?

— Нет, я не художник, а любитель и немного рисую.

Я купил очень много этюдов и гравюр. Эта покупка, можно сказать, обогатила меня. Но и до сих пор я раскаиваюсь, что из этой коллекции продал больше торговцам, чем любителям.

Много гравюр попало к А. Пальчикову, собиравшему рисунки и гравюры. Он, между прочим, издал «Альбом русских народных песен», им собранных и переложенных на музыку. Издал он также альбом «Перечень печатных листов И. И. Шишкина», причем офорт и многие фототипии были напечатаны на шелку.

В 1905—1906 годах выходило множество юмористических журналов. Выйдет два-три номера — и журнал запрещают. Архивы этих недолговечных журналов, остававшиеся большей частью в типографиях, периодически вместе с макулатурой продавали на бумажные фабрики, а там мои агенты выбирали писаное и приносили мне. Я покупал у них и худое и хорошее, а потом разбирал.

Так мною был приобретен архив журнала «Живописное обозрение». Тут было множество оригиналов рукописей как напечатанных, так и не принятых, но оставшихся в редакции, громадное количество рисунков, между которыми попадалось немало рисунков известных художников, в частности Айвазовского.

Этот архив я целиком продал А. Е. Бурцеву. Как-то совершенно случайно я приобрел две чрезвычайно редкие фотооткрытки. На одной из них был изображен А. М. Горький с М. Ф. Андреевой, на второй — Л. Н. Андреев со своей первой женой. По всему было видно, что фотооткрытки эти были изготовлены каким-то досужим коммерсантом из

обычных снимков и пущены в продажу без согласия снявшихся. Даже подписи на них искажали фактическое положение вещей. Одна из открыток имела подпись «Горький с женой Андреева», хотя М. Ф. Андреева всего лишь однофамилица писателя. Подпись на другой открытке также тенденциозна: «Андреев с женой Горького». Снимки сделаны были одновременно, о чем говорит и окружающая обстановка и даже позы сфотографировавшихся. Как известно, А. М. Горький и Л. Н. Андреев в свое время были весьма дружны, и коммерсант рассчитывал, что у части публики подобного рода фотооткрытки вызовут особый интерес.

Однажды министерство внутренних дел опубликовало извещение о продаже с торгов старых архивных дел.

Начались торги. Купил один «картузник», кажется, по 3 рубля за пуд. Я и С. Н. Котов тут же сговорились с этим «картузником», что купим у него не менее 60 пудов по 100 рублей за пуд. Бумажник свез всю макулатуру, около 330 пудов, к себе в сарай, где мы с Котовым пересмотрели и выбрали 60 пудов. Мы обнаружили немало любопытных материалов, которые разобрали по содержанию, потом разделили на две равные части и по жребию, кому какая достанется, поделили.

Мне досталась между прочим, кипа весом около 10 фунтов по сектанству эпохи Александра I. Эти очень интересные документы у меня купил один из чиновников того же министерства, но при этом заявил министерство, что на рынке продаются ценные материалы архива.

Ко мне пришел начальник архива, какой-то штатский генерал, и начал мне угрожать тем, что отберет у меня архив, что я не имею права торговать архивными делами и пр.

Через несколько дней меня вызвали в сыскное отделение. Начальник сыского отделения спросил меня:

— Как попали к вам архивные дела? Я подробно рассказал ему о продаже министерством с торгов старых архивных дел и о том, что из 300 пудов старых дел мы выбрали те, которые имели историческое значение.

Тогда начальник изменил тон и стал ругать чиновников, которые по невежеству продали ценные документы.

После посещения начальника сыского отделения ко мне опять пришел начальник архива и уже униженно просил продать ему некоторые дела.

Среди купленных бумаг было около пяти пудов дел о Сибири, около пуда — дел по Санкт-петербургскому ополчению в войну 1812 года, дела о польском восстании и другие. Вот какие ценности списывали в макулатуру невежды из министерства внутренних дел!

В 1907 году мною был куплен архив А. С. Сидорова, известного общественного деятеля на Севере. Сидоров был сын архангельского торговца. Получив среднее образование, а затем личное дворянство и прослужив некоторое время у золотопромышленника Базилевского, он подал заявки на золотоносные прииски, сделался сам золотопромышленником и разбогател.

Сидоров открыл на свои средства много школ и подал правительству проект об образовании в Сибири университета. Он предлагал губернатору Восточной Сибири Муравьеву 25 приисков и крупную сумму денег на осуществление своего проекта, но Муравьев отклонил его предложение.

Тогда Сидоров обратился к губернатору Западной Сибири Дюгамелю с таким же предложением. Дюгамель запросил министерство народного просвещения, которое отказалось от предложения из-за того, что Сидоров «подлого» происхождения.

Много раз Сидоров подавал докладные записки о том, что кораблям надо отправляться в океан через Белое море.

Он давал средства Географическому обществу на организацию экспедиции на Север для поисков путей в океан через сибирские реки и для устройства тоннеля сквозь Уральские горы.

Все материалы и проекты оказались в этом архиве. Внуки Сидорова выбросили архив из сарая на даче в Озерках, а дворник продал его тряпичникам, от которых он и попал ко мне. Я разобрал архив и предложил его Публичной библиотеке.

Бывший в то время директором Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко изъявил желание приобрести архив, но с оговоркой, что платить дорого за такие архивы он не может.

Мы порешили на 500 рублей. Но тут неожиданно появился известный в свою пору экономист и публицист П. Б. Струве, ставший впоследствии белоэмигрантом. Увидев бумаги архива, он поинтересовался, как они попали ко мне. На мое разъяснение он ответил:

— Сидоровы мои родственники. Это люди состоятельные, и я удивляюсь, что они так относятся к архиву их энергичного и знаменитого в Сибири предка.

Через несколько дней ко мне зашла одна дама, которая объяснила, что архив продан дворником по недоразумению, что они сожалеют об этом и готовы его купить, так как среди бумаг могут оказаться компрометирующие семью документы, которые они желали бы уничтожить.

Я отказался продать даме архив, считая, что среди бумаг много полезных и в будущем очень нужных документов, материалов и проектов.

Тогда она дала мне слово, что просмотрит все бумаги, изымет чисто семейные материалы, а остальное обязуется сдать в государственное учреждение по моему указанию.

Примерно через год зашел ко мне некто Шидловский и спросил, не знаю ли я, где находится архив Сидорова.

— Не только знаю, но и имею право архивом распоряжаться,— ответил я.

Я направил его к владелице архива с письмом, в котором просил передать архив в Академию наук. Сразу же после Октябрьской революции Шидловский приступил к работе по описи и исследованию этого архива.

В эти же годы мною был куплен архив главной конторы графа Строганова. Архив этот приобрел П. Б. Струве и по его материалам написал двухтомную работу «Хозяйство и цена» (1913— 1916). В архиве Строганова были представлены подробные сведения о ведении хозяйства в больших поместьях в 30—50-х годах XIX столетия.

Из книгопродавцев, пожалуй, я один серьезно занимался рукописями и автографами. В 1915 году я даже выпустил (под № 27) каталог автографов, писем, документов и рукописей, собственно, единственный в России.

Дела мои шли удачно, и я позволял себе каждое лето ездить месяца на два в деревню, куда уже с весны отправлял жену с детьми. До моего приезда жена обычно жила у своих родителей в Данилове, а когда я приезжал, мы отправлялись в деревню Мишутино, где у нас было небольшое крестьянское хозяйство, довольно приличный дом в пять небольших комнат, снаружи обитый тесом, внутри оштукатуренный и оклеенный обоями. Около дома с трех сторон садик, насаженный еще в детстве мной и моим братом. Я с головой окунался в интересы стариков и деревенской жизни: косил, молотил.

Когда я ехал за женой в Данилов, то проездом на день останавливался в Ярославле и непременно покупал что-нибудь у местных букинистов и антикваров.

Однажды я купил на базаре связку рукописей. Это оказались произведения одного крепостного поэта, принадлежавшего помещику Власьеву. Все стихи и поэмы были подписаны: «Натуральный поэт Иван Розов в славной и знатной усадьбе Василево».

Усадьба эта, в прошлом действительно обширная и богатая, в мое время была уже разрушена. Главное здание, построенное по образцу Михайловского дворца, было обнесено с одной стороны высокой стеной, с другой—широким рвом.

Власьев был небогатым помещиком, но в екатерининское время один из Власьевых оказал двору какую-то услугу, за что и был награжден поместьями и деньгами.

Усадьба Василево выделялась среди других власьевских имений. В последние годы она принадлежала неким Шевичам, которые, как рассказывали наши крестьяне, до того обеднели, что занимали хлеб у крестьян. Наконец они уехали в Петербург, где у них были какие-то родственники, оставив усадьбу на попечение небогатого помещика Матвеева. Тот стал приводить имение в порядок и обнаружил необычайное количество разных ценных вещей.

Если бы Шевичи внимательно относились к своему имуществу, они могли бы прожить безбедно: в подвалах оказались бочки старинных вин, запасы всевозможного дерева для дорогой мебели, старинный фарфор, картины и пр.

Часть вещей Матвеев продал, часть вывез, усадьба осталась заброшенной. Оставшиеся вещи понемногу растаскивали арендовавшие землю крестьяне. Через много лет и я купил в этой деревне ценные вещи.

Так, я приобрел у матери нашего священника картину Пимена Орлова «Мальчик с обручем». Старуха покрывала этой картиной крышки с молоком, а теперь эта картина занимает почетное место в Русском музее. Пимен Орлов, один из лучших учеников Брюллова, умер очень молодым, и его вещи чрезвычайно редки.

В нашей деревне я купил у крестьянина полдюжины золоченых бокалов и очень редкую фарфоровую фигурку «Казанская татарка». О ценности этой фигурки я узнал, когда приехал в Петербург. Как-то ко мне зашел А. М. Долгорукий, крупный придворный.

— Ну, что привез, Шилов, из деревни? — спросил он меня.

— Ничего особенного, вот только фигурку императорского завода, да и то битую.

— Битых не покупаю.

— «Казанская татарка».

Долгорукий заинтересовался фигуркой и рассказал мне ее историю.

Она была сделана по заказу Екатерины II и должна была изображать ее портрет в костюме гагарки с Андреевской звездой (Екатерина II по случаю поимки Пугачева записалась в казанские дворяне).

Вот какие редкие и интересные вещи удавалось иногда найти там, где их никак не ожидаешь!

Совершенно случайно я купил у тряпичников архив Потехина, не писателя, а его брата—юриста Павла Антиповича, который в 70-х годах вел ряд политических дел, в том числе дела нечаевцев.

В материалах архива обнаружилось много любопытного. Например, песни, которые распевали нечаевцы. Одну из них я частично запомнил:

Все устарелое уничтожим,

Города мы их сождем

И жизнь новую начнем...

Потехин был юрисконсультom княгини Голицыной, владелицы небезызвестного имения Карабиха, впоследствии приобретенного поэтом Н. А. Некрасовым. В архиве Потехина я обнаружил копии переписки о приобретении братьями Некрасовыми этого имения. Среди бумаг имения было курьезное письмо одного крестьянина княгине.

«Ваше сиятельство, я, крестьянин вашего села Карабихи, жил в Петербурге много лет, нажил некоторое состояние и на склоне лет по зову моих родственников решил вернуться на родину, где построил хороший дом и, не привыкнув жить без дела, решил открыть постоялый двор, но управляющий вашего сиятельства господин Строганов запретил мне торговать крепкими напитками, а на другом конце села г. Некрасов торгует».

Некрасов Федор Алексеевич—брат поэта Николая Алексеевича—был владельцем водочного завода.

Сын Ф. А. Некрасова, Константин Федорович, был впоследствии известным издателем. Он издал много описаний ярославских церквей, завел в Ярославле отличную типографию, издавал журнал «София». В его же издательстве под редакцией Александра

Блока вышло собрание стихотворений Аполлона Григорьева и два тома стихотворений Каролины Павловой под редакцией Валерия Брюсова.

Однажды мой приятель М. М. Сизов предложил мне поехать с ним в Боровичский уезд Новгородской губернии, уверяя, что продается библиотека Суворова.

Приехав в Боровичи, мы взяли тройку и поехали в усадьбу, но не в Кончанское, место ссылки Суворова, а к какому-то помещику Титову. Там действительно оказалась библиотека Суворова, только не генералиссимуса, а петербургского губернатора, внука знаменитого Суворова.

Сизов предложил поехать заодно еще в несколько мест, где у него были знакомые. Мы поехали в усадьбу графов Кушелевых. Священник кушелевской церкви показал нам барельеф, вделанный в заднюю стену церкви около могилы Александра Павловича Кушелева, крестника Екатерины II. Барельеф работы Шубина, подписной, великолепно исполненный, изображал Екатерину II. Я попросил священника продать барельеф.

Священник согласился продать, тем более что для ремонта церкви ему были очень нужны деньги, но без разрешения архиерея идти на эту сделку не решался.

— Свезу,—говорил он,— ему старинные царские врата. Надеюсь, он согласится, тем более что врезано не церковное, а портрет царицы.

Почти безрезультатно разъезжали мы на тройке еще дня три и уже собрались домой, но Сизов решил заехать еще к одному священнику.

Священник не очень охотно, но все же велел поставить самовар. Разговорились, рассказали, что мы собираем старинные вещи.

Священник сообщил нам, что в его церкви ничего нет, а в другом приходе есть древняя церковь. Сизов все же попросил батюшку показать его церковь. Тот согласился, и, пока самовар закипал, мы направились туда. Как только вошли в церковь, Сизов пошел в алтарь, где была ризница, и начал рыться в ризах. Ожидая его, я поинтересовался книгами на клиросе, многие из них оказались дониконовские; среди книг были и возгласения. Я отложил запрещенные возгласения Иоанна Антоновича и Константина Павловича (первый, числящийся царем только номинально, был убит при Елизавете, а второй отрекся от престола). Сизов вышел из алтаря, захватив три ризы, и спросил: сколько за них заплатить?

— Не знаю,— сказал священник.

— Я могу вам дать 15 рублей,— предложил Сизов.

Священник согласился.

Тогда спросил и я, не продаст ли он мне книги.

— Да возьмите.

Я заплатил 25 рублей, и священник был очень доволен.

После чаепития мы поехали в старую церковь соседнего прихода. Там Сизов опять, пошел в алтарь, а я забрался на колокольню. Церковь была старинная, деревянная, на колокольне висело несколько колоколов, на одном значилось: «Anno Domine. 1601». Когда я спустился, Сизов клал уже что-то в мешок.

После того, как мы отъехали на некоторое расстояние, Сизов вынул из мешка водосвятную чашу и две лампы. Чаша была великолепна. По борту ее шла надпись славянской вязью: «Сию водоосвященную чашу я, Мина Хомутов, положил в дом священномученика Димитрия Солунского бежецкой пятины, Белозерской половины, Устьрецкий погост. Одна половина моя, другая казенных, лета 1670».

Чашу я продал музею Штиглица, а в настоящее время она занимает почетное место в Эрмитаже, в отделе русских древностей.

С Сизовым я познакомился в свое время в Данилове, где он занимался скупкой старинных вещей в церквях и усадьбах. У нас богатых усадеб не было, а были разорившиеся помещики, готовые продать что угодно. Но церкви были старинные, и в них часто попадались чудесные старые люстры, жалованные прежде помещиками. Вот на эти люстры Сизов и обратил внимание. Он выписывал от Оловянишникова новые паникадила

рублей по 60 за штуку и предлагал их попам, добавляя еще 50 рублей деньгами, и попы охотно расставались с изумительными люстрами.

Таким образом из Ярославской, Вологодской и смежных губерний Сизов вывез сотни люстр, а они ценились от 200 до 1000 рублей, смотря по роскоши и сохранности.

Однажды Сизов купил за 100 рублей икону. Она оказалась в золотом окладе, и он ее продал за 30 тысяч рублей. Купил он раз в одной из церквей царские врата и несколько икон, которые оказались очень старинными. Царские врата он продал через кого-то Николаю II для Федоровского собора в Царском Селе, заработав на них и иконах очень крупно.

Я упоминаю об этих случаях для характеристики нравов приобретателей и для характеристики невежества тех, кто являлся хранителем сокровищ.

По моему совету Сизов ездил на Украину в имение графов Разумовских. Оттуда он привез из Батурицкого дворца и церкви, построенных Разумовским, золоченую мебель, необычайных размеров диваны, подзеркальники и другие вещи, а для меня привез архив графов Разумовских, переписку и другие бумаги.

Разумовские, как известно, обладали огромными имениями и всевозможными богатствами. В начале прошлого столетия последний из Разумовских поселился в Вене, женился на дочери банкира или какого-то очень богатого коммерсанта, который выдал дочь за него из-за титула.

Княгиня Васильчикова, секретарь Разумовского, заверила меня, что Разумовский уплатит мне за архив большие деньги, но Г. К. Лукомский, которому я дал опубликовать из этого архива некоторые письма (напечатаны в «Старых годах»), не порекомендовал мне везти архив за границу, и я продал его в Публичную библиотеку.

Я глубоко удовлетворен тем, что интересный архив остался в России.

Из поездок в провинцию мне вспоминается поездка в Калязинский уезд Тверской губернии. Есть недалеко от Кашина г. Калязин, совсем захудалый в ту пору, а вблизи от него находилась небольшая запущенная усадьба Ушаковых.

Барский дом, построенный в начале XIX века, стоял на берегу Волги, в этом плесе не очень широкой. У одного из владельцев усадьбы, Н. В. Ушакова, было две дочери, которым Пушкин посвятил стихотворения, а за одной серьезно ухаживал.

Библиотека сохранилась с пушкинских времен, но книги были мало примечательны. Я купил лишь несколько первых изданий Пушкина и подорожную цесаревича Константина Павловича.

В Бежецке по предложению одного из провинциальных антикваров я приобрел библиотеку довольно интересную не столько по содержанию, сколько по записям, которые были на книгах, особенно старинных.

Надписи начинались с петровского времени и продолжались до 60-х годов XIX столетия.

Например: «Сию книгу купил в Ростове на ярмарке. Бежецкий мещанин Иван Ревякин, а заплатил 20 алтын в 1717 году».

Дальше идет: «Купеческий сын Михайло Ревякин купил сию книгу в г. Кинешма и дал за нее одну полтину в 1740 г.»

Эти записи продолжались до тех пор, пока один из Ревякиных стал городским головой г. Бежецка, и, наконец, один из Ревякиных пишет на книге: «Принадлежит дворянину Матвею Ревякину».

Надписи кончались примерно на 1875 году.

Дворяне Ревякины книг не покупали!

Когда по приглашению разъездного антиквара я пришел в дом дворян Ревякиных, то книги лежали в сарае на полу. Я их купил и привез в Петербург. Этим собранием я привел в умиление историка Н. П. Лихачева, который, веря в наследственную любовь к книгам, приобрел почти всю библиотеку Ревякиных.

Лихачев — о нем я уже упоминал раньше — даже генеалогию своего рода связывал с историей библиотеки Лихачевых. На эту тему он написал книгу «Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки». В ней Лихачев, приводя записи на книгах, доказывает, что из поколения в поколение Лихачевы покупали, собирали и дарили книги в монастыри и церкви.

Усадьба одного из Лихачевых была в Пошехонском уезде. Мне говорили, что там блестящая библиотека, и я решил ее осмотреть. Библиотека занимала две обширные комнаты и была в отличном состоянии. Ею ведала интеллигентная старушка, которая следила за порядком и сохранностью библиотеки.

Книги в большинстве были издания 30—40-х годов XIX столетия. В библиотеке были собран почти все первые издания Пушкина, Языкова, Жуковского и много других книг. Мне показали зал, который был сплошь обит металлическими гербами рода Лихачевых; в собрании гравюр было много английских в красках.

Сам владелец усадьбы жил в Воронеже. Позднее я завел с ним переписку, и он выписывал у меня книги по каталогу.

В начале революции библиотека Лихачевых поступила в одно из ярославских хранилищ, не потерпев урона.

Одной из лучших и капитальных моих, покупок было приобретение библиотеки полковника Богуславского в Риге.

Антиквар Габихт предложил мне поехать с ним в Ригу, поставив при этом условие, чтобы я не мешал ему покупать вещи, а он не будет вмешиваться в мои книжные покупки.

И вот мы приехали в Ригу к полковнику Богуславскому.

Началось с того, что после общего обзора продающихся вещей Габихт спросил о цене миниатюр.

Богуславский ответил, что оценивает их по 25 рублей.

— Это дешево, я вам заплачу по 40, даже по 50 рублей,— сказал Габихт.

Богуславский был приятно удивлен, и Габихт сразу же расположил его к себе. Потом за гравюры полковник запросил по 40 рублей, а Габихт дал по 60. Так расценивал хитрый антиквар все мелочи. Но когда перешли к крупным вещам, то за два екатерининских кресла, которые Богуславский ценил по 250 рублей за каждое, Габихт предложил по 150. Так, незаметно для себя, полковник скинул на крупных вещах две-три тысячи

рублей, не подозревая, что Габихт купил все очень дешево.

Потом дошла очередь до меня, и мы с Богуславским приступили к оценке книг. Книги были превосходные, почти всё — издания XVI века на французском языке. Богуславский сам их собрал и знал им цену. По правде сказать, подобные собрания были действительно редки. Какие-то обстоятельства заставляли Богуславского спешно покинуть Ригу, и только потому он и расставался с книгами. Он даже не успел наклеить на них гербовый, в красках с золотом, экслибрис.

За книги я предложил 4500 рублей. Он, правда, уступил их за эту цену, но, видимо, остался недоволен. Это было можно понять по тому, что Габихта позвали к обеду, а меня нет, видимо, считая меня торгашом, хотя я оценил книги очень честно.

Когда я привез библиотеку в Петербург, то первым делом наклеил на все книги экслибрисы (Богуславский мне их отдал), и сейчас время от времени книги с экслибрисами Богуславского встречаются в букинистических лавках.

Кстати, о Габихте и его проделках. В юности он служил лакеем, а затем поваром у князя Долгорукого. Долгорукий был холост, много путешествовал и брал с собой Габихта. Будучи прекрасным поваром, Габихт приобрел в аристократическом кругу связи и знакомства, которые потом ему оченьгодились.

С разрешения князя он сделался «антикваром», то есть доставлял знатным лицам те или иные старинные вещи, а потом открыл магазин на Каменноостровском проспекте.

Как-то, будучи в Москве, он купил у букиниста Зверева довольно большой архив А. С. Меншикова—командующего войсками в Крыму до февраля 1855 года. В этом архиве оказались бумаги и более старинные, чуть ли не самого Александра Даниловича Меншикова.

Габихт купил весь архив за 500 рублей—в те времена архивные бумаги не ценились, частных любителей было мало. Но Габихт сумел продать архив не то за 20, не то за 30 тысяч рублей. У него был приятель, управляющий графа Орлова-Давыдова. Габихт привез архив к нему, декоративно разложил бумаги и, пользуясь знакомствами, попросил одного из друзей Долгорукого предложить Николаю II при случае взглянуть на архив.

Такой случай подоспел. Николай II был на каком-то полковом празднике. Знакомый Габихта доложил Николаю II об архиве, и тот наложил резолюцию купить его для Морского архива. Была назначена комиссия, которая после сытного, тонкого обеда, устроенного Габихтом, покупку одобрила.

Однажды мне привезли из провинции небольшой архив. В нем оказались письма презираемого Пушкиным Фаддея Булгарина к своему приятелю, некоему Ушакову.

«Дорогой друг,—писал в одном письме Булгарин,—я приехал благополучно. Вчера был на балу, познакомился с А. С. Пушкиным. Москва его избаловала, он много со мной говорил, я произвел на него прекрасное впечатление, он, кажется, меня полюбил...».

Как известно, Пушкин не очень-то полюбил Булгарина!

С провинцией вообще связано для меня немало памятных случаев. Например, в 1909 году я поехал в Вильно. Заходил в несколько книжных лавочек, где торговали преимущественно учебниками. На мой вопрос, нет ли чего старинного, предлагали или какой-нибудь учебник 70-х годов, или затрепанный роман.

В одном магазине продавец, желая все же что-нибудь продать, принес из кладовой четыре тома «Угро-русских песен» Головацкого. Я книги купил. В другом магазине повторилась та же история: после предложенного всяческого хлама мне принесли Головацкого. Так в разных местах я купил 5 экземпляров.

Наконец, я добрался до одного крупного букиниста, которого встречал в Петербурге. Я с изумлением рассказал ему, что у всех букинистов оказались почему-то книги Головацкого, и он признался, что торговцы брали эти книги у него; кроме того, у него осталось еще около 50 экземпляров. Я их все забрал, потому что в Петербурге они были большой редкостью и за невысокую цену я мог осчастливить моих покупателей.

Вспоминая свои покупки в провинции, я не могу не упомянуть о поездке в усадьбу Фирлей-Канарской, к которой меня направил вологодский книжник Мякишев. Это была помещица-старушка, во многом напоминая гоголевскую Коробочку. Да и весь разговор с ней очень напоминал беседу Чичикова с Коробочкой.

— Так вы покупатель?—спросила она.— Что же вы покупаете? Есть у меня мед и маринады своего изготовления. Могу немного уступить.

Когда я сказал ей о цели своего приезда, она сначала усомнилась, кому может быть нужен такой товар, но потом охотно показала мне все, что у нее было.

Я купил у нее рукописное описание Грязовецкого уезда, очень подробное и обстоятельное—с чертежами, планами и пр.,—и весь семейный архив.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Книголюбы. Рейтерн. Библиотека Обольянинова. Магазин Достоевского. Братья Успенские. Библиотека Лихачева. Библиотека Щеголева. Автографы Пушкина. Архив Военского. Борьба книготорговцев с букинистами. Типы собирателей

Возвращаясь к библиофилам и книголюбам, я прежде всего должен рассказать о В. И. Яковлеве.

Это был тихий, скромный человек, служивший в Купеческой управе. Его большая квартира на Невском была вся завалена книгами, рисунками, гравюрами и всевозможными редкостями.

В 80-х годах Яковлев был владельцем издательства и занимался книжной торговлей. Им было выпущено в серии «Русская книжная торговля» много книг, среди которых была и «Сказка о бочке» Свифта. Книга эта по решению цензурного комитета подлежала уничтожению, и у Яковлева сохранился лишь единственный ее экземпляр. В его библиотеке был отдел запрещенных и сожженных книг, который позднее поступил в Библиотеку Академии наук. Основная часть библиотеки Яковлева состояла из книг XVIII — начала XIX века и была в отличном состоянии. Я не помню всех редкостей, но не могу забыть альбом карикатур на Наполеона, собранный в начале XIX века нашим послом в Лондоне графом Воронцовым и купленный Яковлевым у В. И. Клочкова из воронцовской библиотеки. Карикатуры были наклеены на бумагу и переплетены в зеленый марокен.

Частым посетителем моей лавки был В. А. Верещагин; собиравший русские иллюстрированные издания. С букинистами он держался высокомерно, считал себя большим знатоком. На основе своего собрания и случайно полученных сведений он составил книгу о русских иллюстрированных изданиях. Несмотря на множество ошибок и пробелов, книга была встречена критикой одобрительно.

В эту пору начал собирать иллюстрированные издания и Н. К. Синягин. Верещагин продал ему всю свою библиотеку за 7 тысяч рублей. Цена была по тому времени небывалая, но, по существу, Синягин поступил правильно — он сразу заложил фундамент для своей, в будущем замечательной библиотеки.

Верещагин хоть и держался важно (он имел звание камергера), но всегда был без денег, так как жалованья ему не хватало. В Кружке любителей русских изящных изданий он считался специалистом по русским иллюстрированным изданиям, а когда Верещагин приобрел известность своими книгами: «Русская карикатура», «Веер и Грация», «Старый Львов» и другие, то был приглашен редактировать журнал «Старые годы».

Следует вспомнить еще об одном вначале скромном собирателе К. А. Иванове. Он был учителем, зарабатывал мало, и оторвать от семьи на приобретение книги даже 5 рублей ему было трудно. Но есть поговорка: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», — а у Иванова были друзья, такие знатоки книги, как профессор И. А. Шляпкин, историки С. Ф. Платонов и Н. Д. Чечулин, В. Г. Дружинин. Они посоветовали Иванову заняться составлением учебников по истории, обещая помочь получить одобрение для пользования ими в школах: Шляпкин и Платонов состояли в комиссии по просмотру и одобрению учебников истории; естественно, они делали это лишь потому, что считали Иванова способным создать хороший учебник.

Первый же учебник Иванова «Средняя история» был одобрен министерством народного просвещения, после чего Иванов начал подбирать исторические материалы и всерьез занялся составлением других учебников. Так, он составил учебники по древней, средней, новой, потом по русской истории и ряд книг историко-бытового характера. Довольно большие доходы от создания учебников дали Иванову возможность широко покупать книги, но покупал он главным образом то, что относилось к истории. Собрав все, что его могло интересовать в этой области, Иванов стал собирать и книги по искусству.

Книгу Иванов любил сердечно. В 1880 году, еще школьником, он перевел элегию Стефана Яворского, написанную им перед смертью и обращенную к книгам своей библиотеки:

О, как вы часто в руках моих, книги, бывали,
Свет, утешенье мое!
Вас покидаю; питайте других, изливайте
Ценное миро свое...
Вы мне богатством и славой великою были,

Раем, предметом любви—
Дали мне свет и любовь мне доставили знатных,
Почести дали мои...

Другой собиратель, художник-гравёр Михаил Викторович Рундальцев, хоть и имел звание академика, но специального образования не получил. Он кончил училище Штиглица, потом самоучкой стал неплохим гравёром. Особенно хорошо у него выходили портреты. Он всегда немного льстил тем, портреты которых рисовал, но зато пользовался большим успехом у заказчиков. Рундальцев оставил много портретов писателей, композиторов и артистов.

Я забирал у него все пробные отпечатки и всегда брал несколько экземпляров с ремарками. Экземпляров 25—30 делалось с неосталенной доски. Потом ремарка счищалась и доска покрывалась гальваническим способом сталью. Осталенная доска выдерживала тысячи экземпляров, но с неосталенной доски отпечатки получались мягче и сочнее.

Рундальцев рекомендовал мне различных клиентов, он же познакомил меня с Вакселем, обладателем огромной коллекции автографов; но особенно я был доволен, когда он познакомил меня с Е. Е. Рейтерном, сыном живописца, работы которого есть в Третьяковской галерее и в Русском музее.

В молодые годы Рейтерн собирал всевозможные гравюры и рисунки, но позднее остановился только на русских гравюрах и литографиях, признавал лишь художников-гравёров, и его коллекция была единственной в России и, безусловно, в мире.

Рейтерн вначале завещал всю свою коллекцию Русскому музею, но потом обстоятельства его жизни изменились, ему не на что было жить. Через друзей он начал переговоры с Русским музеем о том, чтобы музей выплачивал ему за его собрание хотя бы небольшие суммы равными частями, дабы он мог просуществовать; жить ему оставалось недолго. Наши музеи в начале революции были еще не устроены в денежном отношении и могли предложить Рейтерну только 25 тысяч, притом в рассрочку, а в 1918 году, когда стоимость денег катастрофически падала, это, конечно, не могло его устроить.

Но, когда Рейтерну предложили найти покупателя, который заплатил бы ему немедленно 200 тысяч, он сказал:

Я и за миллион не продам частному лицу. Я завещал Русскому музею, и это должно быть в музее, а денег, которые предлагает музей, мне, может быть, хватит на жизнь.

Я приходил к нему каждую субботу. Он меня ждал, приготовив папки с гравюрами, которые считал возможным продать, показывал мне каждый лист и назначал цену, всегда недорогую, но речь неизменно шла лишь о каждом листе отдельно.

После посещения Рейтерна я преисполнялся к нему все большим уважением. Это был действительно коллекционер, который прощался со своими гравюрами, как с друзьями, и, прощаясь, заново переживал все то, что было связано с увлечением минувших лет.

Я купил у него около пятидесяти листов Рембрандта, папку «клейнмейстеров», целый ряд листов Дюрера, нидерландского гравёра и живописца Луки Лкобса (Лейденского) и много другого. Однажды между гравюрами попались четыре рисунка.

Это хорошие рисунки, Шилов, возьмите их рублей за 50,—сказал Рейтерн.

Я сам видел, что рисунки хорошие, но ни подписей, ни содержания хорошенько не разглядел, полагаясь на Рейтерна. Когда я принес рисунки домой и рассмотрел их, они мне очень понравились.

Я показал рисунки известному искусствоведу С. П. Яремичу. Тот пришел от рисунков в восторг и просил продать ему один из них за 500 рублей, а на остальные рисунки обещал прислать покупателя, который за три рисунка заплатит 3 тысячи рублей. Яремич объяснил мне, что два рисунка принадлежат кисти голландского художника Ван Блранберга, а два — Моро-младшего.

Сам я подписей не разобрал, но была надпись «апробасьон Кошен», то есть «одобрил Кошен», которая ввела меня в заблуждение. Шарль-Николя Кошен был гравёр, и я подумал, что рисунок сделан учеником Кошена, который и одобрил его. Оказалось же, что речь шла о Кошене—министре финансов при Людовике XV.

Я сообщил Рейтерну, сколько выручил за рисунки.

— Это ваше счастье,—ответил он.—Я за них, наверное, недорого дал, потому что не увлекался рисунками.

В конце концов Русский музей предложил Рейтерну 50 тысяч рублей за русские гравюры, предложил и квартиру в музее. На новой квартире Рейтерн прожил очень недолго. Через несколько месяцев он умер. Но желание его сбылось—коллекция поступила в Русский музей.

Зимой 1908 года я познакомился с Н. А. Оболяниновым. Он собирал книги с картинками, кроме тех, что были описаны у Верещагина, и фарфор, но тоже не с теми марками, которые значатся в справочниках Селиванова и Петрова,—иначе говоря, он хотел описать то, что еще никем не описано.

Оболянинов происходил из старинной дворянской фамилии, его предкам были жалованы имения в Новгородской губернии еще Иоанном Грозным. Образование он получил в Варшавской гимназии, а затем окончил Военно-медицинскую академию, уехал в родовое имение, сделался земским начальником.

Интересна такая подробность биографии Оболянинова. Когда петербургское дворянство подносило царю по какому-то случаю всеподданнейший адрес, Оболянинов телеграммой на имя предводителя дворянства сообщил, что хотя он и столбовой дворянин, но адреса не подпишет. В ответ на эту телеграмму Оболянинову сообщили, что от должности земского начальника он отстранен.

В одном из соседних имений продавалось разное имущество: мебель, фарфор и библиотека. Оболянинов все это купил и начал приводить библиотеку в порядок: выписал переплетчиков, переплетные инструменты, материалы. Зимами он стал ездить в Петербург собирать иллюстрированные книги. Неудивительно, что ему без большого труда удавалось находить много книг, не описанных Верещагиным, потому что библиографические работы последнего всегда были поверхностны.

В этом Оболянинов убедился, познакомившись с иллюстрированными книгами в Публичной библиотеке. Мало того, Верещагин описывал книги не слишком точно. Вот почему Оболянинов и решил пересмотреть все русские иллюстрированные книги и описать с натуры все иллюстрации, применяя точный метод их описания. Не зная хорошо книг, он вначале часто делал ошибки, но постепенно приобрел навык.

Оболянинов пересмотрел огромное количество книг Публичной библиотеки, Академии наук, целый ряд частных собраний — А. Е. Бурцева, Н. К. Синягина и других. Таким образом, он описал почти все собрания иллюстрированных книг в Петербурге.

Общаясь со многими любителями и библиографами, Оболянинов научился критически относиться к некоторым изданиям, сравнивая дублетные экземпляры разных собраний и внося поправки в свое описание.

Затем Оболянинов стал кое-что печатать в журналах «Русский библиофил» и «Старые годы», выпустил дополнение к «Словарю русских гравёров» Ровинского и вместе с В. Я. Адарюковым составил «Словарь русских литографированных портретов», рассчитанный на три тома (вышел только том I).

Пересмотрев книжные собрания Петербурга, Оболянинов по той же системе работал в Румянцевском музее и в крупных московских библиотеках.

Вскоре он познакомился с одной женщиной, страстно влюбился и забросил все свои работы.

Как-то зимой я встретил его в Петербурге. Он приехал, чтобы продать свою библиотеку Соловьеву.

— Почему же продать и почему Соловьеву,— удивился я,— а не мне?

Он ответил, что мне продаст еще охотнее, но ведь для этого надо ехать к нему в усадьбу. Мы тут же условились о дне, когда я приеду.

Приехал я в Моклочное вечером и сразу же занялся библиотекой. Мы просматривали книги одну за другой, и Н. А. как бы прощался с каждой книгой. Это была не продажа, а грустное расставание с близкими друзьями. Библиотека Оболянинова была несомненно интересна, особенно для собирателей иллюстрированных книг. Впоследствии, в 1916 году, я издал его книжку «Игры детские. Заметки о русских иллюстрированных изданиях». Книга эта была отпечатана в количестве 200 экземпляров с наклеенными иллюстрациями.

Некоторое время спустя после покупки мною библиотеки Оболянинов телеграфировал мне, чтобы я опять приехал в Моклочное и забрал его фарфор. Еще через некоторое время он мне написал, чтобы я нашел антиквара для покупки мебели, а через год он продал и свое имение.

Работа по описанию иллюстрированных книг была Оболяниновым почти закончена, но заброшена. Почитатель Оболянинова, некто Апфельбаум, взялся подобрать и систематизировать карточки. Оболянинов писал мне из Москвы, предлагая издать его труд, но, зная незаконченность каталога, я отказался, дав, однако, ему некоторую сумму на издание. Работа получилась отличная. Это было действительно полнейшее описание почти всех иллюстрированных книг и альбомов. Оболянинов назвал его «Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 годов». Он вышел в Москве в 1914 году в двух томах.

Книга получила много лестных, но, к сожалению, поверхностных отзывов. Попутно Оболянинов продолжал работать над «Словарем русских гравюров» Ровинского.

Когда началась первая мировая война, Оболянинов стал работать в лазарете врачом. В 1916 году он простудился и умер. Его работы до сих пор являются неоценимым пособием для всех, кто любит и изучает книгу.

Я очень хорошо помню жену Ф. М. Достоевского, Анну Григорьевну. Она собирала все, касающееся жизни и творчества мужа. Позднее все собранное ею перешло в Музей Достоевского. При жизни Федора Михайловича они жили небогато, приходилось самим и издавать, самим и заботиться о распространении своих изданий. В 1880 году в «Российской библиографии» было напечатано объявление, что книжный магазин Ф. М. Достоевского высылает все имеющиеся в продаже книги как учреждениям, так и частным лицам, что заказы выполняются быстро и аккуратно.

Собственно, магазина как такового не было, а при квартире Достоевских в Кузнечном переулке (ныне улица Достоевского) был склад его изданий. Достоевским помогал подросток, который заделывал бандероли и посылки и относил их на почту. Этот подросток был некто П. Г. Кузнецов, умерший в 1943 году. Он был хорошо знаком со мною и много рассказывал о работе книжного магазина Ф. М. Достоевского. Разумеется, магазином руководила Анна Григорьевна.

О том, как нуждались Достоевские, я знаю из писем Федора Михайловича к Любимову — секретарю «Московских ведомостей». У меня было много этих писем, в которых Достоевский просил денег, иногда даже очень мелкие суммы.

Случайно мною было приобретено около тридцати записок Достоевского к ментранпажу типографии А. Траншеля, где печатался редактировавшийся Достоевским «Гражданин» с «Дневником писателя» в 1873—1874 годы. По этим запискам видно, что выпускающим и редактором был сам автор. Кузнецов написал краткие воспоминания о своей работе у Ф. М. Достоевского, которые в 1940 году отдал мне, а я передал их Ор. Цехновицеру. Впоследствии они попали к литературоведу профессору Л. П. Гроссману, а от него — в Государственный архив литературы и искусства.

Весьма любопытными фигурами были три брата Успенские. Один из них, Александр Иванович Успенский, был директором Археологического института и является автором двухтомной работы «Императорские дворцы», каждый том толщиной в 6

вершков, с многочисленными снимками, исполненными фотогравюрой. Он же составил «Словарь художников в XVIII веке, писавших в императорских дворцах» и словарь «Царские иконописцы и живописцы XVII века».

В ту пору, когда работа Успенского «Императорские дворцы» была еще в рукописи, возник вопрос о ее издании. Средств у Археологического института для издания такого обширного, объемистого труда не было. Что было делать?

Помог случай, который мог иметь место только в царской России. Петербургскому часовщику Линдену повезло в коммерческих делах. Он разбогател, захотел стать знатным и получить орден, который давал бы всяческие привилегии. Успенский выхлопотал для него орден, а Линден «пожертвовал» на издание книг 40 тысяч рублей. Брат же Успенского, Василий Иванович, написал и опубликовал мифическую генеалогию Линдена.

В. И. Успенский издал очень много памятников древней русской литературы, большую часть — в содружестве с археологом С. Писаревым. Кроме того, они издали знаменитый Коран, экземпляр которого хранился в Публичной библиотеке,—ныне Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этот Коран весит пуда полтора и представляет собой точную копию оригинала. У меня было два или три экземпляра этого Корана.

Во время войны 1914 года Успенский написал летопись в лицах «О тевтонской брани на Словени». Я издал эту шуточную летопись, написанную в стиле XVI века.

Кроме того, я издал альбом «Народные картинки» в подражание лубочным картинкам XVIII века. Текст в альбоме принадлежит Успенскому, а перерисовки — художнику Шаховскому. Мною были выпущены также два альбома «Наши недруги в карикатуре», составленные им же.

В. И. Успенский занимался и собирательством, интересуясь книгами по древнерусскому искусству и по истории, а также всевозможными древностями, главным образом церковными.

Самым ученым и интересным из братьев Успенских был Михаил Иванович, служивший до революции инспектором учебных заведений. Он основательно знал древнееврейский и халдейский языки. У него была огромная библиотека, состоявшая главным образом из книг по искусству. Михаил Иванович имел большое собрание рукописей и множество икон; почти все иконы он принес в дар Эрмитажу. Из рукописей после Успенского осталось пять певческих книг, неопубликованные ноты на народные песни XVII века, представлявшие большой интерес, и сборник неизданных стихотворений Огарева, который Михаил Иванович купил на рынке в Воронеже. Мне этот сборник показался сомнительным, но специалисты признали его подлинным.

Одним из крупнейших собирателей книг был историк Николай Петрович Лихачев, о котором я уже говорил. Но мне хочется сказать о нем подробнее. Мое знакомство с Лихачевым началось с первых дней моего приезда в Петербург, то есть с 1891 года, когда Лихачев был еще студентом.

В 1891 году антиквар М. П. Мельников купил библиотеку профессора В. Г. Васильевского, историка-византиста. Среди книг был ряд рукописей. Несколько рукописей купил Лихачев, но одну из них Мельников оценил (очевидно, из-за толщины) в 100 рублей. Лихачев был не в состоянии тогда заплатить такую крупную сумму и попросил эту рукопись отложить, но не являлся около недели.

За это время рукопись смотрели многие ученые— П. Н. Тиханов, филолог И. В. Помяловский, об ошибке которого в отношении этой рукописи я уже упоминал вначале, и другие. Мельников у всех просил 100 рублей. Как-то во время отсутствия хозяина в магазин зашел московский антиквар Большаков, и я, двенадцатилетний мальчик, среди другого товара показал ему и эту рукопись, запросив 150 рублей. Большаков купил, и я был страшно доволен, что мне удалось выгодно продать. Мельников был тоже, по-видимому, доволен. Но явился Н. П. Лихачев и, узнав, что рукопись продана

неизвестному лицу, страшно рассердился и пожаловался Л. Н. Майкову, вице-президенту Академии наук.

В дело вмешалась полиция и по распоряжению обер-прокурора синода К. П. Победоносцева разыскала рукопись у московского антиквара Силина. За рукопись пришлось заплатить 700 рублей, чтобы она не попала в частные руки. К сожалению, по молодости лет я не поинтересовался, что это была за редчайшая рукопись*.

Книжное собрание Лихачева росло и росло: оба этажа в его доме были заняты шкафами. Лихачев собирал не только в России, но и за границей, и не только книги и рукописи, но и надписи на глине, камнях, папирусы и пр.

Собирательство книг и всяких печатных изданий превратилось у Лихачева в библиоманство. В 1926 году, будучи заведующим магазином «Антиквариат» П. В. Губара, я купил на Александровском рынке архив Балашева, первого министра полиции после войны 1807 года. Когда Балашева хоронили, над его могилой была произнесена речь, которая потом была напечатана. В архиве оказалось 4 экземпляра этой брошюры с речью. Я расценил их по 10 рублей за экземпляр, и Лихачев решил взять все четыре, а на мой вопрос, зачем ему столько, он ответил, что хочет быть их единственным владельцем. Вскоре после революции Лихачев передал всю свою библиотеку Академии наук. Академия наук назначила Лихачева пожизненным директором его музея, и он с большим энтузиазмом выполнял свои обязанности, на свое жалованье и некоторые сбережения продолжая пополнять библиотеку всякими редкостями.

Архив Балашева я предложил Археографической комиссии. Балашев ведал политическим сыском, и в его архиве были тысячи документов, изобличавших различных приверженцев французов. Упоминались представители очень знатных фамилий, все они были под наблюдением Балашева. Особенно любопытен был его дневник, который велся очень усердно. Дневник и записки занимали 24 книги большого формата.

Кажется, этими записками пользовался Л. Н. Толстой, когда писал «Войну и мир», а вообще как будто этот архив никем не разработан, между тем в нем имеется очень интересный исторический материал.

До сих пор еще можно встретить много отличных книг с большим, голубого цвета, изображением стрекозы — экслибрисом Е. Н. Тевяшова.

Евгений Николаевич Тевяшов, член Кружка любителей русских изящных изданий, собирал русские иллюстрированные издания. Он собрал громадную коллекцию русских иллюстраций, гравированных и литографированных, уничтожил и испортил бесконечное количество книг, вырезая нужный материал, но коллекция его гравюр и виньеток была первоклассной.

Тевяшов и сам был отличным офортисмом, он гравировал сухой иглой и сделал много копий с Рембрандта. Помимо книги «Описание нескольких гравюр и литографий», он составил один из выпусков «Материалов для описания русских иллюстрированных изданий».

Вдова Тевяшова после его смерти продала отдельные листы из собрания антиквару Фельтену. Уже во время блокады Ленинграда в Великую Отечественную войну лучшие книги из библиотеки Тевяшова при моем участии попали в Книжную лавку писателей и в Публичную библиотеку.

Особо я должен сказать о писателе-историке П. Е. Щеголеве. С Павлом Елисеевичем Щеголевым я был знаком с самого начала моей самостоятельной торговли. Он был моим постоянным покупателем. Павел Елисеевич готовился сначала стать востоковедом, но сделался историком литературы и пушкинистом.

Щеголев издавал журнал «Былое» и завел свой книжный магазин под фирмой того же названия. Заведующим у него был энергичный человек — А. С. Молчанов, но дело все же не развилось, потому что Щеголев все лучшие книги забирал себе, так что магазин, собственно, служил источником пополнения его большой и чрезвычайно интересной библиотеки.

Щеголев был скуповат и всегда торговался, но однажды он, не торгуясь, купил два листка рукописи, чему я крайне удивился и даже попросил его объяснить этот поступок. Павел Елисеевич снисходительно пояснил мне, что листки эти исписаны рукой Пушкина.

Конечно, мне надо было самому додуматься до этого, так как я знал происхождение автографа. Как-то зашел ко мне художник Ю. П. Анненков и попросил посетить его: приехал двоюродный брат Анненкова и привез из провинции целый архив. Я замешкался на несколько дней, а когда зашел, то архив был уже продан Пушкинскому дому.

— Тут есть еще семейные бумаги,— утешил меня владелец архива.

— На что же мне семейные бумаги? — ответил я.

Все же, проглядев их, я обнаружил пачку писем философа и публициста П. Л. Лаврова к П. В. Анненкову, другу Тургенева, и несколько писем Тургенева к нему же. Я письма взял.

Через несколько дней Анненков принес мне записки Катенина о Пушкине, в них и были вложены два листка — выписки из Оренбургского архива, на которые я не обратил внимания. Те, кому я их показывал, не догадались, что это автограф Пушкина, только Щеголев сразу определил подлинник.

После смерти П. Е. Щеголева эти два листка купил Пушкинский дом, и их история описана Ю. Г. Оксманом в томе «Литературного наследства», посвященном Пушкину.

Говоря о пушкинских автографах, я не могу не вспомнить собирателя И. В. Столярова.

И. В. Столяров собирал все, что касается истории России, и вообще «россику». Он купил у меня атлас бассейна Дона, путешествие Корба и целый ряд записок путешественников по России. Ему удалось приобрести обширную библиотеку гр. Клейнмихеля, бывшего при Николае I министром путей сообщения. В этой библиотеке был великолепный экземпляр книги Висковатова «Историческое описание одежды и вооружений российских войск с древних времен», в зеленом марокене, и 7 автографов Пушкина: 6 писем к А. П. Керн и отрывок стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты».

Собирательство Столярова было кратковременным. Он уехал в Москву и продал мне всю библиотеку, в том числе автографы Пушкина. Экземпляр книги Висковатова купил у меня артист и режиссер В. Р. Гардин, а автографы Пушкина приобрел Пушкинский дом; у меня до сих пор хранится расписка Б. Л. Модзалевского, хранителя Пушкинского дома, напоминающая мне о том, какое национальное сокровище было в моих руках.

Как-то я купил у тряпичников архив самарского губернатора Свербеева, сына известного славянофила. В этом архиве было много писем Аксаковых, Хомякова, А. К. Толстого и ряда других.

Я пригласил П. Е. Щеголева. Он просмотрел все и сказал, что сам купить не может, так как у него нет в данное время свободных денег, да и опубликовать этот материал сейчас негде. Он попросил меня уступить ему лишь один конвертик с письмами самарского помещика графа Толстого к министру внутренних дел Плеве.

Я подарил Щеголеву этот конвертик с письмами.

После смерти Павла Елисеевича много его книг поступило в Книжную лавку писателей и, к счастью, разошлось главным образом по писательским библиотекам.

Коллекцию альманахов купил П. В. Губар, один альманах с автографом Пушкина приобрел литературовед И. С. Зильберштейн. Он же в 1937 году купил у меня очень интересный альбом рисунков, главным образом портретов современников Лермонтова. Между ними были два рисунка самого Лермонтова: один очень забавный — на бивуаке, где среди друзей изображен в полулежащем положении Лермонтов, обросший бородкой, со стаканом вина в руке.

Альбом этот принадлежал одному из товарищей Лермонтова по Кавказу. Всего в альбоме было около полутора десятков рисунков. Этот альбом я хранил около двадцати лет.

Примерно в 1910 году я приобрел библиотеку Любимова, директора Азиатского департамента. Она лежала на Кокоревских складах в течение двадцати-тридцати лет. Библиотеку пришлось покупать по описи, ибо книги лежали в ящиках и для осмотра были недоступны.

В библиотеке оказался большой отдел по Китаю, по истории, географии; все книги были в отличном виде и было много общепризнанных редкостей вроде «Исторического описания Российской коммерции» М. Чулкова (двадцать один том полностью). Любопытно, что, когда Любимов под видом русского купца путешествовал по Монголии и Тибету для изучения неведомых тогда стран, он брал с собой книги Чулкова, что было видно из надписей на книгах.

О путешествиях Любимова мало известно, очевидно, его труды не были напечатаны.

Без лишней скромности могу сказать, что покупка этой библиотеки много прибавила к моему авторитету букиниста.

Не могу не вспомнить и еще одну небезынтесную личность—К. А. Военского.

С Константином Адамовичем Военским у меня было очень давнее знакомство. Он служил в Цензурном комитете, и вот исподволь стали появляться книги, считавшиеся сожженными, вроде «Истории Екатерины II» Бильбасова. Книги эти пускал в обращение, конечно, сам Военский. Когда в начале революции раскрылись склады Цензурного комитета, в них оказался весь тираж книги Бильбасова и масса других книг, считавшихся сожженными или, по крайней мере, запрещенными.

Сам Военский много писал о войне 1812 года, и эти материалы были им выпущены в трех больших томах. Кроме того, он составил библиографию литературы о войне 1812 года.

Военский был педантичен и свой архив держал в полном порядке. В его домашнем архиве было много интересного.

Среди писем оказались письма Л. Н. Толстого, документы из архива министерства народного просвещения и, между прочим, один очень интересный документ — отношение Николая I о необходимости принять все меры к недопущению из средней школы в высшую малоимущих людей, чтобы не дать им возможности получать личное дворянство.

В революционные годы меня разыскала вдова Военского и просила купить библиотеку и архив мужа. Библиотеку я купил, а архив предложил Публичной библиотеке, которая была чрезвычайно довольна приобретением.

В архиве Военского оказалось очень много интересных документов. Было у него и небольшое собрание предметов, относящихся к войне 1812 года: трубка якобы Наполеона, ростопчинские афиши, карикатуры Терещенева.

Вернемся, однако, к годам, предшествовавшим Октябрьской революции. 1910 и 1911 годы были бурными в книжной торговле, особенно букинистической.

Крупные книготорговцы, как Карбасников, Луковников и ряд других, объединенные в Общество книгопродавцев, затеяли борьбу с мелкими книжниками и букинистами. Они постановили не делать скидки на новые книги тем, кто не является членом Общества, а между тем мелкие книжники немного торговали и новыми книгами, особенно учебниками. Я хотя и не нуждался в новой книге, но из солидарности к товарищам примкнул к обиженным.

Крупные книжники обвиняли букинистов в том, что они торгуют краденными книгами, и если не делать скидки, то они не будут покупать новых книг. Тогда станет ясно, что каждая появившаяся в продаже у букиниста новая книга — краденая.

Букинисты посовещались друг с другом и начали записываться в члены Общества книгопродавцев. Количество членов Общества стало огромным.

Литературовед М. К. Лемке, автор книги «250 дней в царской ставке» и редактор первого Полного собрания сочинений А.И. Герцена, стал на сторону букинистов. Букинисты ему верили — он был их постоянным покупателем и, кроме того, управлял издательством М. Стасюлевича и хорошо знал книгопродавческое дело. Лемке собрал букинистов, членов Общества, и посоветовал им получить в свою пользу голоса от провинциальных книжников.

Букинисты составили воззвание к своим, провинциальным коллегам, предложив, чтобы они слали свои голоса на имя М. К. Лемке, и предупредив, чтобы доверенности были безымянные, для того чтобы Лемке мог передать голос кому угодно, так как каждый присутствующий член имел право иметь три голоса. Дело это не обошлось без недоразумений, но в конце концов партия Карбасникова осталась в меньшинстве, и все принятые ею меры против букинистов остались безрезультатными.

Тогда крупные книжники вышли из Общества книгопродавцев и образовали Общество книжного дела, причем в «Петербургской газете» появились интервью, в которых заправили противостоящей букинистам группы — Карбасников, Луковников, Ясный и прочие — объяснили, почему они организовали другое общество. (Такие фирмы, как Суворин, Думнов, Вольф и Глазунов и другие, не вступали в борьбу с букинистами.)

В качестве ответной меры букинисты решили открыть кооперативный книжный склад «Книго-продавческая складчина». Главными организаторами были И. И. Базлов, И. Е. Козлов, Митюрников. Я тоже был членом правления и принимал в организации склада деятельное участие.

Мы стали принимать целые тиражи учебников, издателями которых были сами авторы, и все другие хорошие книги авторских изданий. В первый же год «Складчина» дала блестящие результаты: целый ряд очень нужных книг можно было получить только там. Поэтому Карбасников и другие члены Общества книжного дела вынуждены были для приобретения ряда книг обращаться в «Складчину» и, вступая в дальнейшие отношения с ней, продавать книги по себестоимости. «Складчина» просуществовала около трех лет и закрылась, когда борьба крупных книжных заправил с букинистами закончилась.

Карбасников подозревал букинистов в покупке краденых книг. В какой-то мере он был прав. Действительно, многие книжники не слишком интересовались происхождением книг. К таким относились, в частности, А. К. Гомулин в Петербурге и Кирилл Николаев в Москве. Кстати, Николаев, скупая целые издания, сразу делал их редкими. В начале революции, когда книжная торговля была национализирована, на складе Николаева нашли, например, сотни экземпляров второго тома Сочинений Е. Баратынского, выпущенных Академией наук. Покупатели, приобретшие первый том, месяцами искали второй, но Николаев пускал его в продажу по одному экземпляру как редкость.

Иногда по воскресеньям я ездил в Москву, почти исключительно на Сухаревку. Там были сотни ходячих книжников. Целую неделю они повсюду скупали товар, а в воскресенье вывозили на Сухаревку. Однажды я купил у них более 50 книжных росписей XVIII и начала XIX века.

Книжные росписи всегда были редки, а впоследствии и совсем пропали, и приобрести такую партию было очень заманчиво.

Когда я прямо с поезда приезжал на Сухаревку, Николаев был уже там. Он быстро обегал все палатки и, пока я возился около двух-трех палаток, он отбирал самое ценное, а потом уже, не торопясь, делал второй обход.

В Москве, как и в Петербурге, было много книжников, и некоторые пользовались большой популярностью. Особенно прославился А. А. Астапов. Я застал его уже в почтенном возрасте, когда свою лавку со всем товаром, а книг у него было огромное количество, он продал своему приказчику И. М. Фадееву, выговорив право сидеть в магазине, когда ему вздумается.

И действительно, Астапов постоянно сидел в магазине в особом глубоком кресле, иногда подавая реплики и принося Фадееву часто большую пользу своими знаниями и своим авторитетом.

К юбилею Астапова в 1912 году Л. Э. Бухгейм издал посвященную ему книжку, в которой были помещены воспоминания Астапова о своей пятидесятилетней работе.

Все московские библиофилы очень уважали Астапова. А. П. Бахрушин в своей книге «Кто что собирает» тоже упоминает о нем очень тепло.

Любимым выражением Астапова было: «Для меня книжечка отрада, для меня больше ничего не надо».

Это своего рода изречение часто потом перепечатывалось на пригласительных билетах книжных базаров, устраиваемых в Москве.

С разного рода особенностями и навыками собирателей пришлось мне встретиться в моей жизни. Расскажу о некоторых из этих собирателей, может быть, и не очень примечательных, но характерных для своего времени.

Федору Антоновичу Калинину, когда я с ним близко познакомился, было уже около 75 лет. Но он был еще энергичен, подвижен и молодежав. Его глаза светились и были очень выразительны. Работал он в Эрмитаже и частично в Русском музее, главным образом по реставрации икон и старинных картин: в этом деле он был большой искусник и знаток. Знания свои он получил, разумеется, не сразу. Он долгое время работал у Н. П. Лихачева, и, когда Лихачев увлекался собиранием икон, Каликин жил у Лихачева на его коште и определенной зарплате.

Когда же Лихачев продал свое собрание икон Русскому музею, Каликин стал прирабатывать в Русском музее и, позднее, в Эрмитаже, поступив в его штат. Опыт у Каликина был большой, так как еще до революции он по поручению Лихачева часто ездил на Север и в Прибалтийский край, добывая для него всевозможные рукописи, главным образом поморские. Так как он сам был старообрядцем, то хорошо знал, как нужно обходиться с людьми этого толка, где купить рукописи, а где иконы или литье.

Собрание В. Г. Дружинина, у которого Каликин в свое время работал, поступило, как я уже говорил, в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук. Но Каликин и впоследствии на протяжении нескольких лет продавал много дружининских рукописей: он говорил, что большинство их было куплено им для Дружинина, но по ряду обстоятельств, от Каликина не зависевших, не удалось сдать их собирателю. Библиотека Академии наук, где я работал в ту пору, охотно их покупала. Немало еще было приобретено превосходных вещей, вроде пандектов XV века, как уверял Каликин (мне казалось, что они более поздние, но все же я не был таким знатоком, чтобы судить об этом более определенно).

Однажды Каликин сообщил мне, что собирается поехать в экспедицию и купил фотоаппарат для съемок бытовых интересных вещей. Летом же он собирался съездить к себе на родину в Вологодскую область, а попутно побродить и по Ярославской области. Лет ему в ту пору было уже 79, но энергия у него была, как у молодого. Впрочем, многие антиквары были такими же: Федор Ермолаевич Антонов, Тихон Большаков, В. В. Алексеев — все они дожили до глубокой старости. Вероятно, их энергию поддерживали разъезды по России, интересные находки и деревенский воздух.

Понаслышке имя собирателя книг и различных вещей П. М. Исаева я знал еще до революции. Знал и он обо мне, но встречаться нам не приходилось. Только в 30-х годах я случайно познакомился с ним. Оказалось, что у нас масса общих знакомых. Исаев предложил мне книгу, напечатанную в Тобольске: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Это был первый журнал, издававшийся Панкратием Сумароковым в Тобольске в 1789—1791 годах, во время губернаторства Селифонтова. Селифонтов, весьма просвещенный человек, был сенатором при Екатерине II, имел обширную библиотеку и был не только обладателем книг, но и усердным читателем. Родом Селифонтов был из села Сывороткино, Борисоглебского уезда, Ярославской губернии,

отстоявшего от моей деревни на 30 верст. В 1910 году я купил у потомков Селифонтова библиотеку, в которой оказался и «Иртыш» и все другие тобольские издания XVII — XVIII веков. Библиотека была большая и интересная, и между любителями было немало разговоров об этом моем приобретении.

Исаев собирал книги, гравюры и древние русские вещи. У него было большое собрание литья, библия Пискатора и периодика XVIII века, которой он гордился и не продавал из своей коллекции никому.

Однажды, когда я работал у П. В. Губара в лучшем в то время антикварном магазине, он принес мне для начала упомянутый «Иртыш», как бы желая проверить, полный ли у него экземпляр. Он слышал, что библиотека Селифонтова была в свое время куплена мною и что я должен хорошо разбираться в книгах такого рода.

Экземпляр Исаева был отличный. Купленный мною в библиотеке Селифонтова был хуже. После длинных переговоров я уговорил Исаева продать мне книгу и с этого времени ближе с ним познакомился.

В эти годы коллекция Исаева стала понемногу таять, особенно собрание журналов XVIII века. Он почему-то начал их продавать, и это угнетало его; стало таять и его здоровье. Я счел нужным рассказать о нем, как об усердном и чрезвычайно преданном книге собирателе.

С Владимиром Яковлевичем Курбатовым, автором прекрасных книг «Павловск», «Петербург» и книги по истории и теории садового искусства «Сады и парки», я познакомился в 1904 году. Он собирал венецианские издания, рисунки и гравюры архитектурного характера. Из коллекции Рукавишникова Курбатов купил у меня оригинальные рисунки Тома де Томона и Кваренги: все это, несомненно, было ему нужно для его трудов.

В начале революции В. Я. Курбатов работал в Музее города консультантом. Сильно нуждаясь, я решил продать свою коллекцию рисунков и акварелей Садовникова и предложил ее Курбатову, но тот за неимением денег отказался. Покупателей сразу не нашлось, а потом мои обстоятельства переменились и я отказался от мысли продавать коллекцию. Вдруг является Курбатов с предложением от Музея города продать ему эту коллекцию. Хотя я и отказывался, но Курбатов все же уговорил меня. Коллекция поступила в Музей города, где заняла особый садовниковский зал. Садовников был искренний певец Петербурга, в его красках город оживал, и сейчас меня радует, что эта коллекция нашла свое настоящее место и доступна всем, кто любит наш великий город Ленина и его историю.

В 1937 году магазин «Главсевморпути» приобрел любопытную рукопись — дневник капитана Вакселя, написанный на полуголландском, полунемецком языке. Капитан Ваксель принимал участие в экспедиции Беринга и вел этот дневник. Магазин хотел продать рукопись Арктическому музею, но я предложил продать ее в Публичную библиотеку. Я попросил А. И. Андреева, который в то время работал в Институте Севера, посмотреть рукопись. Он нашел ее весьма интересной и посоветовал Публичной библиотеке ее купить. Рукопись была издана под редакцией того же Андреева. Книга имела успех, она внесла определенный вклад в науку по изучению Севера. В 1925 году в Ленинграде был отпразднован юбилей Ивана Павловича Перевозникова, старого, уважаемого книжника. В адресе, который ему поднесли, было сказано:

«Глубокоуважаемый Иван Павлович! На заре возрождения нашей Родины исполнилось 75 лет Вашей жизни и 60 лет плодотворной и неутомимой работы по книжному делу. Мы, младшие товарищи Ваши, с радостью вспоминаем о годах совместной работы с Вами.

Вы смотрели на книгу не как на товар, а как на нечто более высокое и с полным правом могли сказать о книгах словами Стефана Яворского: «Вы мне богатством и славой великою были, раем, предметом любви,—дали мне свет и любовь мне доставили знатных, почести дали мои».

Вы теперь самый старший представитель старой школы книжников». Перевозников в ту пору был действительно не только старейшим представителем книжников старой школы, но и наиболее уважаемым. Книгу Перевозников любил страстно и самоотверженно.

Мне хочется сказать несколько слов о библиотеках, принадлежавших частным лицам, и в первую очередь о библиотеке И. Д. Смолянова. В ней было около 3000 книг историко-революционного и историко-литературного содержания, много редчайших книг вроде первого издания «Капитала» К. Маркса на русском языке, вышедшего в 1872 году, много книг и брошюр В. И. Ленина в первых изданиях, большое собрание зарубежных и подпольных изданий, в том числе Герцена, Чернышевского, Плеханова и других.

Очень хорошо была представлена периодика XVIII столетия (все лучшие журналы эпохи).

В отделе библиографии находились очень редкие издания: «Библиографическое описание книг» Сопикова со страницей о Радищеве, которая была вырезана цензурой, «Книжные редкости» Геннади, переплетенные с целым рядом других очень редких брошюр того же автора, «Описание редких российских книг и рукописей» А. Бурцева в пяти томах — издание, напечатанное в количестве 100 нумерованных экземпляров не для продажи, и другие.

Были в библиотеке Смолянова и комплект «Колокола» А. И. Герцена в отличном виде, все выпуски «Полярной звезды», книги Чернышевского и Салтыкова-Щедрина с автографами. Самый же главный отдел библиотеки И. Д. Смолянова — это радищевский, то есть все, что написано о Радищеве, — книги, брошюры, оттиски, журналы, где помещены статьи или упоминания о Радищеве, и почти все издания сочинений Радищева: два современных списка «Путешествия», Собрание сочинений Радищева в шести частях, выпущенное его сыновьями, лондонское издание Герцена, издание Шигина 1868 года, издание Ефремова 1872 года, издание Суворина на японской бумаге, напечатанное в количестве 100 экземпляров, несколько позднейших изданий, выпущенных «Историческим журналом», и, конечно, почти все советские издания. По словам В. А. Десницкого, в библиотеке было и редчайшее издание «Путешествия», выпущенное П. А. Картавовым, которого не имел даже сам издатель, но я, осматривая библиотеку Смолянова, этого издания не обнаружил.

В начале революции появился серьезный собиратель книг, И. Б. Штейн. Собирал он недолго, потому что стал компаньоном по книжному магазину некоего литератора Бернштейна. Магазин этот под фирмой «Картонный домик» помещался на Литейном проспекте, в бывшем помещении В. И. Ключкова. По старой памяти сюда приносили много редких, ценных книг. Штейн приобретал их для себя, и у него собралась великолепная библиотека. В ней было, между прочим, около 600 французских книг по истории Французской революции XVIII века, многие очень редкие, среди них огромный план Парижа эпохи этой революции. Довольно много в библиотеке Штейна было художественных произведений XVIII века с гравюрами, главное же — большое собрание книг по искусству, таких, как «Древности Российского государства» Ф. Солнцева в шести томах и с шестью альбомами в лист, великолепный альбом «Виды Санкт-Петербурга» Махаева, «36 видов Санкт-Петербурга» в издании Плюшара, «Невский проспект» Садовникова — раскрашенный свиток, представляющий обе стороны Невского проспекта в 30-х годах прошлого столетия.

Я думаю, что о такой отличной по подбору книг частной библиотеке стоило упомянуть, ибо собирание книг диктуется не только любовью к книге, но и рвением, а зачастую и благородным самоотречением.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пополнение библиотек. Издательство «Всемирная литература» и М. Горький. Частные издательства. Редкие находки. Юбилей. «Дешевая книга». Книжная лавка

писателей. Писатели и ученые — собиратели книг. Демьян Бедный. Пушкинист Лернер. Переписка Л. Н. Толстого

После Великой Октябрьской социалистической революции при библиотечном отделе Наркомпроса был образован Центральный комитет государственных библиотек. В его функции входила покупка, национализация и охрана библиотек. Заведующим покупочной комиссией был Михаил Леонидович Лозинский, известный поэт и переводчик. Я был консультантом. При комитете образовали книжный фонд. Для начала купили большое собрание гравюр и рисунков, относящихся главным образом к Петербургу и другим городам, и целый ряд библиотек.

Меня в первые же дни командировали в село Городец для покупки собрания рукописей Овчинникова. Собрание было огромное, в нем находилось много редкостей, например лицевое евангелие XII века и рукописи XVI века. Но, когда я приехал в Городец, выяснилось, что собрание уже поступило в Библиотеку имени В. И. Ленина.

Вскоре я перешел на службу в экспертную комиссию при Наркомвнешторге. Комиссию возглавлял А. М. Горький, который и пригласил меня на эту работу.

Комиссия была организована для разборки складов Елисеева, Кокорева, Преловского, Успенского и других, где было сложено огромное количество всякого имущества, брошенного в большинстве случаев бежавшей за границу буржуазией, придворными и высокопоставленными лицами.

Вещи музейного значения отправлялись с этих складов на выставку, белье, платье, обувь — в отдел социального обеспечения для раздачи населению, мебель и посуда — в магазины для продажи.

Книги же рабочие относили в какую-нибудь кладовую и там сваливали в общую гряду.

Когда об этом узнал А. М. Горький, он добился, чтобы книги были разобраны специалистами. Этой работой занялись А. С. Молчанов и я.

Рукописи, семейные альбомы и фотографии мы отбирали для Центрального архива, книги музейного значения — на выставку, книги обычного порядка — в Государственный книжный фонд.

Рапорты о работе над книгами принимал сам Горький, причем во всякое время дня, и сам же определял, куда назначить целые библиотеки, как это было, например, с библиотекой великой княгини Ксении Александровны. Эта обширная библиотека была сложена на складах Преловского в длинных ящиках из-под яиц; насчитывалось до 80 таких ящиков. В первых же ящиках, которые мы вскрыли, оказались большие фолианты в красных марокенах с гербами французских королей. По указанию Алексея Максимовича все книги были перевезены в Публичную библиотеку.

Библиотека адмирала Чихачева, упакованная в металлические запаянные ящики, с каталогом, напечатанным в Париже, по указанию Горького была передана Географическому обществу.

Библиотеки князей Кантакузен, Голицына и Вяземского, а также бывшего министра юстиции Щегловитова были переданы в Государственный книжный фонд, куда попало огромное количество мелких книжных собраний и библиотек.

Издательство «Всемирная литература», которое возглавлял А. М. Горький, не имело своей библиотеки. По совету Молчанова и моему А. М. Горький решил создать из бесхозных библиотек одну основательную библиотеку для издательства.

Он порекомендовал занять дворец бывшего великого князя Владимира Александровича, где до этого помещался театральный отдел. Горький предложил мне стать комендантом дворца. Я отказался, объясняя тем, что отвечать за такой дворец трудно, потому что там, вероятно, многих вещей уже нет.

Горький сказал:

— Вы возьмитесь хоть временно, у меня есть человек, который не побоялся бы ответственности, но он сейчас болен. Это К. П. Пятницкий.

— Назначьте комиссию, — ответил я, — в которую войду и я.

Назначили комиссию из пушкиниста Н. О. Лернера, библиотекаря издательства «Всемирная литература» Н. Н. Бахтина и меня, и мы начали работать по описи имущества дворца.

Во дворце было три библиотеки: библиотека Александра II — между Белым и Верещагинским залами, библиотека Владимира Александровича — в первом этаже, рядом с его кабинетом, и библиотека его жены — в третьем этаже.

Работать было трудно, книг мы не описывали. Залы промерзли, мы зябли, а греться ходили в столовую Наркомпроса.

Правда, столовая тоже не отапливалась, потому что обеды выдавались там на дом, но зато нам разрешили греться на кухне и давали обед.

Наша комиссия решила, что для библиотеки хватит парадных комнат, и Горький передал вторую половину дворца Дому ученых.

Заведующим хозяйством Дома ученых Горький назначил Родэ, человека весьма распорядительного, и тот стал энергично действовать.

Для собраний потребовались стулья. Родэ попросил их у меня. Я дал, но стульев все же не хватило, так как собрания в Доме ученых были многолюдными. Вскоре Родэ снова попросил стульев, но я отказал. Тогда Родэ пожаловался Горькому, и я получил от него такое письмо:

«Г. Шилов, мои распоряжения, как директора издательства «Всемирная литература», должны быть для вас обязательными. Нельзя относиться к ученым неблагожелательно, как это допускаете вы. Дайте ученым столько стульев, сколько найдете нужным.

М. Горький».

Сознаюсь, что это письмо несколько обидело меня, так как я был только членом комиссии, но не признать справедливости требований А. М. Горького, заботившегося об ученых, было нельзя.

Вскоре мне пришлось ехать в деревню. Проездом через Москву я решил повидаться с Горьким, который жил тогда в Москве. Алексей Максимович встретил меня очень радушно, а когда я попросил подписать мне командировку в Ярославль, он сказал:

— Я вам подпишу что угодно, только не ссорьте меня с учеными.

После этого инцидента Родэ стал просить Горького передать весь дворец Дому ученых. Горький на это согласился. Пришлось нам искать новое помещение, и после некоторых поисков мы остановились на помещении, где находилось издательство «Всемирная литература» — на Моховой, 36, и заняли в верхнем этаже семь больших залов.

К этому времени на складах остались лишь книги и ноты. Для реализации этих книг решили пригласить все заинтересованные учреждения. Но не было работников, а главное, транспорта. Мне поручили обследовать все склады и выяснить хоть приблизительно, сколько там находится книг. Я подсчитал, что их было примерно около 3 миллионов томов. Ленкогиз, музыкальный отдел, Государственный книжный фонд и издательство «Всемирная литература» должны были вывезти их своими силами.

Но вдруг последовало запрещение разбирать книги на складах; было приказано возить книги в помещение банка Юнкера на Невский, 12. Все заинтересованные учреждения прислали своих работников для отбора книг. От нашего издательства работало там десять-двенадцать опытных и специально проинструктированных работников. Нам не нужны были какие-нибудь необычайные редкости. Поэтому работа наша была чрезвычайно проста: подбирать книги на всех языках — по одному экземпляру, но во всех характерных изданиях. Так, например, если Воль тер — пусть хотя бы в десяти разных изданиях, но по одному комплекту каждого. Кроме того, отбирали все словари в любом количестве, книги по истории литературы на всех языках,

библиографические справочники, а также всю переводную беллетристику на русском языке.

Привезенные в мешках книги разбирались, систематизировались, записывались в инвентарь и переписывались на карточки. Дублиеты, попавшие случайно, отправлялись в Книжный фонд.

Кроме того, два-три наших человека постоянно работали в Книжном фонде, который передавал им все, что могло быть полезным для библиотеки «Всемирной литературы». Через Книжный фонд мы получили прекрасные библиотеки, например библиотеку прокурора Хрущева — более 10 тысяч томов художественной литературы на иностранных языках; библиотеку И. А. Всеволожского, бывшего директора императорских театров, полученную нами прямо из его имения. Её мы принимали от поэта Дм. Цензора, работавшего по охране памятников искусства.

Я и С. Котов погрузили книги в вагон и сами сопровождали его. Библиотека была великолепная, но половину мы отдали в Книжный фонд, чтобы не нарушать своего плана комплектования. Кроме того, мы приобрели библиотеку графа Орлова-Давыдова и библиотеку филолога и историка литературы Ф. Д. Батюшкова с книгами по истории западной литературы.

Наша библиотека росла не по дням, а по часам. За три года работы мы собрали около 100 тысяч наиболее ценных книг, и все по одному экземпляру каждого издания. Вот почему из всех составленных в то время библиотек наша оказалась наиболее долговечной.

Мы устроили читальный зал, по стенам расставили шкафы красного дерева, в которых разместили справочный отдел. Литераторы, работавшие в издательстве — А. А. Блок, К. И. Чуковский,—деятельно помогали нам. Библиотека пережила издательство, и ее приняла под свое покровительство Публичная библиотека.

Вскоре было объявлено о национализации всех книжных запасов. Закрыт был и мой магазин, но я продолжал работать в библиотеке.

Признавая, что еще некоторое время следовало бы сохранить частную инициативу в антикварной книжной торговле, Горький обратился в Петросовет с просьбой об открытии некоторых букинистических книжных магазинов.

К. А. Федин показывал мне выписку из постановления Петросовета:

«Слушали: заявление М. Горького об открытии книжных магазинов Бурцева, Молчанова и Шилова.

Постановили: открыть означенные магазины на правах национализированных, а бывших владельцев привлечь в качестве заведующих».

Торговали мы около года, и очень удачно, но в силу разных обстоятельств магазины все же было решено закрыть.

Я перешел работать в магазин Цектрана, которым заведовал Д. С. Левин. Это был очень культурный человек, хотя и не книжник. Я стал его заместителем и заведующим складом. Как предприятие железнодорожников, мы имели большие преимущества перед другими магазинами.

В эти годы образовалось очень много частных издательств: «Радуга» Клячко, «Петроград» Гессена, «Мысль» Вольфсона, «Сеятель» Высоцкого и др. Госиздат и рабочее издательство «Прибой» неохотно принимали счета частных издательств, а наши счета принимали безвозбранно. С другой стороны, мы покупали книги у частных издательств, и нам получать от них счета также не возбранялось. Мы закупили огромное количество их книг, в некоторых случаях даже целые тиражи. Большую часть мы отсылали в Москву, где был наш главный склад, а остальное продавали оптом Когизу и «Прибою».

Главное же наше преимущество было в том, что мы снабжали все железнодорожные школы округа и даже две школы в Москве. Особенно удобным для нас было то, что накладные с нашей печатью принимались на всякое расстояние и наши книги шли бесплатно по всем железным дорогам.

Несмотря на благоприятные условия работы, меня все же тянула к себе старая книга — таковы были уже привычка и склонность, выработанные десятилетиями. Я купил для нашего розничного магазина прекрасную библиотеку Максимова, большого библиофила. В ней был блестяще подобран отдел библиографии. Через некоторое время я купил библиотеку Р. М. Кантора с изумительно подобранными книгами по истории революционного движения. Там были почти все жандармские списки, полнейший подбор брошюр 1905 года, очень много заграничных изданий брошюр, первых изданий Ленина, Плеханова, а также много подпольных брошюр и листовок. Эту библиотеку мы продали целиком Коммунистическому университету.

Вспоминая о приобретениях, я должен сделать некоторое отступление, ибо многие прошлые находки стали ныне достоянием всего народа, оказавшись в государственных хранилищах.

Во время моей работы в Пушкинском доме мною было приобретено очень много рукописей и автографов. Как-то пришли ко мне два молодых человека и просили помочь им устроить архив Кутузова. Это были два брата Тучковы, какие-то отдаленные потомки фельдмаршала.

Я был поражен богатством материала и сказал им, что, по существу, это стоит больших денег, но средства наших государственных хранилищ ограничены. Я пообещал устроить архив за невысокую цену в Москве или Ленинграде, в Публичной библиотеке и Пушкинском доме. Братья ответили, что им не так важны деньги, как сохранение архива.

Я немедленно отправился к ученому секретарю Пушкинского дома Г. А. Чуковскому. Тот горячо отозвался на мое предложение, и на другой же день весь архив был приобретен за 6 тысяч рублей.

В этом архиве было огромное количество черновиков приказов и распоряжений Кутузова, все грамоты и патенты за подписями Екатерины II, Павла I и Александра I, письма знаменитых русских и иностранных лиц.

Впоследствии через мои руки прошел архив К. Кавелина и его отца, современника и друга Карамзина. В архиве было более 300 писем художников к художнику-пейзажисту Павлу Александровичу Брюллову и между ними — несколько писем Марии Башкирцевой. Она писала Брюллову как члену правления Товарищества передвижных художественных выставок, прося его поместить некоторые ее картины в Русский музей и напоминая, что ее произведения охотно покупают музеи Европы; но ей хотелось бы, пусть бесплатно, поместить картины в музей своей родины.

В дореволюционные годы у меня бывал и кое-что продавал Павлищев — племянник А. С. Пушкина; он всегда приходил с казачком. Этот казачок стал впоследствии оперным певцом. Павлищев предложил мне около 100 писем О. С. Павлищевой, сестры Пушкина, и много писем семьи Павлищевых. Я их отправил, естественно, в Пушкинский дом. Туда же через мое посредство поступил и мраморный бюст Тютчева работы скульптора Ухтомского.

В марте 1927 года Общество библиофилов, членом которого состоял и я, решило устроить мой и А. С. Молчанова юбилей.

Юбилейное заседание происходило в помещении Общества. Вступительное слово сказал директор библиотеки Эрмитажа О. Э. Вольценбург, затем основатель Общества библиофилов. В.К. Охочинский прочел доклад «35 лет на службе книге». Коллекционер гравюр А. И. Доливо-Добровольский сделал доклад «Горизонты и задачи антиквариата». От ассоциации книжных работников говорил А. И. Аникеев, от букинистов — Соломин.

Мне поднесли адрес, затем были прочитаны приветствия от Археографической комиссии Академии наук и многих учреждений и частных лиц.

С.В. Чехонин поднес мне свою монографию с надписью скорописью в стиле XVII века — «Ярославскому мудрецу книги в день его юбилея от изографа Сергея Чехонина».

Была выпущена книжечка-памятка с портретами Молчанова и моим работы художника Бриммера.

Мне хочется вспомнить еще один случай, связанный с А. М. Горьким.

Незадолго до закрытия моего магазина я предложил «Красной газете», которой принадлежал магазин «Дешевая книга», передать мне все ценные книги, а я по взаимному расчету передам в их магазин дешевую и массовую книгу.

Заведующему издательством «Красная газета» Классу моя мысль понравилась, но он просил меня повременить с этим. Я вздумал написать А. М. Горькому и попросить его рекомендацию Классу. Через несколько дней я получил от Алексея Максимовича ответ:

«Посылаю Вам записочку для Класса. Желаю успеха.

А. Пешков».

Классу Горький написал большое письмо, в котором говорил, что хорошо меня знает, что я люблю и знаю книгу и что было бы хорошо, если бы «Красная газета» купила «Антиквариат» Шилова, а его самого взяла на работу. Дорогие книги можно было бы передать в «Антиквариат», с тем чтобы в «Дешевой книге» были действительно дешевые книги.

С этим письмом я пошел к Классу и спросил, пришел ли он к какому-нибудь решению. Тот ответил, что ждет еще мнения сотрудников.

—А я принес рекомендацию,— сказал я и вынул письмо.

Класс вскипел:

—Мне не надо никаких рекомендаций, я враг рекомендаций!

Я обиделся и сунул письмо обратно в карман.

Вернувшись к себе в магазин, я застал там П. Е. Щеголева и рассказал ему об инциденте с Классом. Щеголев сказал:

—Рекомендация рекомендации рознь. Напрасно вы не сказали, чья рекомендация. От рекомендации Горького он бы не отказался. Ну что ж теперь делать? Пошлите ему вашу рекомендацию почтой.

Я сгоряча и послал, а теперь жалею, что не сохранил автографа Горького. Продавать свой магазин «Красной газете» я передумал и объявил в газетах о распродаже книг по случаю прекращения торговли.

После закрытия магазина, в конце 1929 года, я поступил в магазин Техиздата агентом по продаже книг. Работал также в Технологическом институте, в палате мер и весов и в Новой технической библиотеке. Но мне была нужна настоящая работа, к которой я привык и по которой скучал, поэтому я поступил в книжный и художественный магазин «ОХР»*, работая одновременно в Книжном фонде по отбору литературы для «Международной книги», а затем в Укркниготорге, для которого закупал старые книги.

В 1933 году меня перевели в «Международную книгу», в экспертный отдел. Работа заключалась в продвижении русской книги за границу. Для этого составлялись индивидуальные списки, а также каталоги, которые рассылались во все страны (в течение года я выпустил более 30 каталогов по различным вопросам).

Больше всего через «Международную книгу» расходилось книг по изучению недр России, в частности по геологии; это было естественно, так как другие страны интересовала экономическая жизнь России.

Через год я вернулся в Укркниготорг. Старую книгу здесь уже не покупали, но при магазине решили открыть антикварный отдел, где я и начал работать.

Но меня тянуло к писателям и ученым, ведь я всю свою жизнь имел с ними дело. Поэтому я перешел в Книжную лавку писателей. Годы работы в ней считаю для себя очень плодотворными. При моем содействии лавка приобрела немало библиотек и собраний рукописей и автографов, в том числе библиотеку ближайшего сотрудника А. М. Горького по издательству «Знание» К. П. Пятницкого, библиотеку и собрание автографов литературоведа П. Н. Медведева. В библиотеке Медведева были прекрасно подобраны все первые издания как самого Пушкина, так и его поэтического окружения. В собрании автографов были главным образом автографы поэтов конца XIX—начала XX века: Н. Гумилева, А. Блока, В. Брюсова, Андрея Белого, В. Маяковского и многих других. Мы

купили также ряд писем А. М. Горького, в том числе, например, его письмо к Шаляпину от 1913 года.

В этом письме Горький писал:

«...Помни, кто ты в России. Ты больше аристократ, чем любой Рюрикович... Ты в русском искусстве музыки первый... и так хотелось бы, чтобы ты понял твою роль, твое значение в русской жизни!»

Особенно важные документы мы купили у одной неизвестной женщины. Это были материалы по организации Управления по делам искусств. Среди них были в подлинниках протоколы тридцати заседаний, на которых присутствовали работники искусств и общественные деятели, собранные Горьким,— А. Бенуа, сам А. М. Горький, А. Н. Тихонов (Серебров) и много художников. На этих заседаниях решено было образовать самостоятельное Управление по делам искусств и Управление по охране памятников старины.

Книжная лавка писателей устроила несколько базаров и выставок. Особенно хорошо были организованы базары и выставки в Доме писателей. Выставлены были книги из собрания В. А. Десницкого: редкие издания Крылова, ряд первых изданий Ленина, Плеханова, Чернышевского и других, коллекция переплетов от XV до XX веков, очень много марокенов с суперэкслибрисами пап, кардиналов, королей и разных именитых людей. Десницкий выставлял также превосходно оформленные книги французских романтиков.

Профессор Н. К. Пиксанов устроил выставку своего собрания всех изданий и более чем ста списков комедии Грибоедова «Горе от ума».

Г. А. Гуковский выставлял книги XVIII столетия. Особенно замечательным было собрание французских иллюстрированных изданий, подобранное хронологически, с последней четверти XVIII века по первую четверть XIX века.

Из собрания В. П. Исакова, о котором скажу дальше, были представлены все лучшие издания XVIII века вроде четырех томов Лафонтена, четырех томов Мольера, Руссо, Вольтера с гравюрами Буше и пр.

Я хочу особо сказать о своих встречах с писателями, об их библиотеках. В библиотеке каждого писателя отражались не только вкусы и характер владельца, но и творческое лицо его. Я же, работая, в частности, в Книжной лавке писателей, имел возможность узнать многих советских писателей, литературоведов, ученых, и общение с ними было не только приятным, но и глубоко поучительным.

Особенно часто мне приходилось встречаться с писателями во время моей работы в издательстве «Всемирная литература», и в первую очередь мне хочется вспомнить об А. А. Блоке.

Александр Александрович Блок интересовался театром и собирал все, что касалось театра.

В первые годы революции он очень мало заботился о своей внешности, ходил обычно в потертой шинели. Блок в магазинах усердно разыскивал интересующие его пьесы, стоя либо на корточках, либо на коленях (пьесы и брошюры о театре размещали, как правило, на нижних полках).

У меня в лавке Блок познакомился с молодым человеком по фамилии Лабутин, который попросил у него билеты в театр. Блок тут же написал пропуск в Суворинский театр. Лабутин, который был очень культурным человеком, близко сошелся с Блоком и впоследствии даже помогал Бекетовой в литературных работах о Блоке.

Лабутин оказался неудачником. После смерти Блока, не имея работы, он распродал все письма Блока к нему, портреты и письма разных знаменитых артистов, которым его отец всячески в свое время помогал. Тут были письма и портреты В. Н. Давыдова, В. В.

Стрельской, Липковской и целого ряда других лиц, поднесенные Карпу Лабутину и имеющие дарственные надписи.

После смерти Блока его жена Любовь Дмитриевна получила все наследство и права на издания Блока, приобретя возможность усиленно собирать книги по любимому ею балету. Собрание у нее было довольно большое, о чем свидетельствует такой факт. Когда я купил собрание Худекова, автора трехтомной «Истории танцев», то Любовь Дмитриевна смогла из него выбрать только какой-нибудь десяток листов. У Худекова же было около 100 разных литографий Тальмы, около 80 — Фанни Эльслер. Потом Любовь Дмитриевна купила у меня архив балерины Трефиловой, задумав написать книгу по балету, но развивавшаяся болезнь помешала этому. После смерти все ее собрание поступило в Театральный музей, а то, что сохранилось от библиотеки А. А. Блока, перешло в Пушкинский дом.

Поэт Михаил Алексеевич Кузмин был большим любителем книг, но собирал немного. М. А. Кузмин знал несколько языков и покупал главным образом изящные издания с несколько фривольным уклоном. Он был чрезвычайно образованным человеком, любил музыку, прекрасно играл на рояле и сам писал ноты. Я был знаком с М. А. Кузминым много лет. Он бывал у меня на родине, в г. Данилове Ярославской области, и с удовольствием вспоминал этот город, сказав мне как-то, что написал даже рассказ из даниловского быта.

М. А. Кузмин умер в Мариинской больнице (теперь больница имени Куйбышева) в 1936 году. Во время выноса тела покойного шел густой снег, но, несмотря на плохую погоду, М. А. Кузмина провожало в последний путь много людей—пожалуй, все жившие в Ленинграде писатели. Среди них выделялась крупная, засыпанная снегом фигура Алексея Толстого...

Василия Петровича Исакова я помню еще юношей-комсомольцем, покупающим в магазине «Международная книга» первые издания книг французских романтиков. Позже, на протяжении по крайней мере двадцати лет, я его знал как покупателя преимущественно французских книг XVII—XIX веков. Вначале Исаков покупал по неопытности средние и плохие экземпляры книг, но потом стал менять их на лучшие. Таким образом у него образовалось прекрасное собрание.

Я убедился, что Василий Петрович очень искренне любит книгу. Можно указать на один факт. В 1929 году Общество библиофилов издавало «Альманах библиофила». Перед этим Василий Петрович нередко посещал заседания Общества, и ему пришлось иметь дело с «Альманахом». Резко возражал он против публикации переведенной с французского языка статьи «Является ли женщина библиофилом?», в которой доказывалось, что женщина любит книгу только как предмет роскоши.

Более детально я познакомился с библиотекой Исакова, выбирая в 1940 году книги для выставки в Доме писателя. Осматривая библиотеку, я поражался большому и систематичному собранию книг. Для того чтобы так подобрать библиотеку, как сделал это Исаков, надо было прежде всего иметь страстную любовь к книге и невероятное упорство.

Весной 1942 года я проходил по улице Связи мимо квартиры Исакова. Смотрю — крыша разворочена. Значит, попала бомба или снаряд. Я повернул во двор, поднялся в его квартиру над подвальным помещением. Квартира была не закрыта, и я вошел в комнату: по стенам стояли книги, но кругом были мусор и камни...

Я стал искать управдома. Это была женщина, мирно копавшая в тот момент грядку посреди двора. Я спросил ее:

— Почему у вас в таком состоянии квартира Исакова? Не заперта...

— Квартира заперта.

— Нет, не заперта. Это возмутительно — такое отношение к чужому имуществу.

Она пошла со мною в квартиру Исакова и дорогой сказала:

— Да у него в квартире ничего и нет.

— А книги?

— А кому нужны теперь книги? Вот разве осенью, когда холодно будет, так на топливо разберут.

Естественно, моему возмущению не было границ.

Мы позвали дворника, достали железа, гвоздей и заколотили двери. Наутро я занес записку в Союз писателей и в Литфонд с просьбой принять меры для охраны библиотеки. После войны мне опять пришлось проходить по улице Связи. Дом, где жил В. П. Исаков, восстанавливался, но квартиры все были пусты и только отделялись. Сердце у меня упало. Как же библиотека Василия Петровича, неужели погибла? Управдом был уже другой. Я просил его рассказать о судьбе библиотеки Исакова, но узнал, что Василий Петрович приезжал с фронта и перенес библиотеку в другую квартиру. Все же того горького чувства, какое испытал при виде брошенной, беспризорной библиотеки, я никогда не забуду.

Одним из самых серьезных библиофилов советского времени надо считать Василия Алексеевича Десницкого.

Он начал собирать книги с юных лет, еще в семинарии, и собрал их изрядно, но его собрание было расхищено. С начала революции он снова начал собирать, делая это с большим знанием и вниманием.

В настоящее время библиотека Десницкого является одним из лучших частных собраний, где имеются вещи действительно уникальные, напечатанные иногда лишь в единственном экземпляре. Есть там, например, книги на пергаменте с великолепными миниатюрами XV века, целый ряд отличных инкунабул. Будь у Десницкого каталог собрания с комментариями и указаниями особенностей каждого экземпляра книги, он был бы незаменимым библиографическим справочником. Ныне после смерти В. А. Десницкого его собрание целиком перешло в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина.

Соратником В. А. Десницкого по собиранию книг был его большой друг Александр Евгеньевич Кудрявцев, который подбирал все по своей специальности — истории Англии и Италии—и приобрел действительно исключительные вещи.

Во время Великой Отечественной войны Кудрявцев эвакуировался из Ленинграда, но в дороге скончался. Его жена, возвратясь из эвакуации, предложила мне купить часть книг из библиотеки Кудрявцева. Я запротестовал против частичной продажи библиотеки: продавать нужно или все сразу, или беречь библиотеку, разбивать же прекрасно подобранные книги—преступление. Но вдова с сожалением говорила, что расстаться с книгами заставляет ее крайняя необходимость. Тогда я посоветовал ей продать библиотеку, принадлежавшую ее дочери и состоявшую из рядовых книг. Жена Кудрявцева так и поступила. Исключительно ценная библиотека Александра Евгеньевича Кудрявцева сохранилась.

Большим любителем книги является поэт Всеволод Александрович Рождественский. В его библиотеке очень хорошо подобраны иностранные книги, особенно французские. В. А. Рождественский перевел стихи Фертио, посвященные книге. Одно время Общество библиофилов хотело устроить концерт, на котором должны были исполняться стихи и песни, посвященные книге. Мы решили обратиться к Рождественскому, чтобы он написал стихи, с тем чтобы положить их на музыку, и тот охотно согласился (к сожалению, это не осуществилось). Лучшие стихотворения Рождественского, помещенные в томе избранных его стихотворений, находятся в разделе «На полях книг». Рождественским написаны и другие стихотворения о книге.

Прекрасно подобрана библиотека профессора Н. К. Пиксанова, в ней главным образом книги о Грибоедове и его эпохе, в частности литература того времени. У него в собрании имеется более 150 списков комедии «Горе от ума» и все печатные издания этого произведения, начиная с 1833 года.

Я знал Пиксанова, когда он был еще студентом. Он уже в то время собирал книги о Грибоедове.

Превосходную библиотеку книг XVIII столетия собрал Григорий Александрович Гуковский. В его библиотеке представлены почти все журналы XVIII столетия, а также отдельные виды изданий, начиная от Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова. Особенно хорошо представлены всевозможные оды и брошюры, которые особенно редки. Можно с уверенностью сказать, что журналы XVIII столетия подобраны Гуковским исчерпывающе.

Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) часто заходил ко мне и много накупал книг. В каждый приезд он проводил у меня немало времени. Приходил с утра и целый день просматривал все имеющиеся книги, одну за другой. Лишь по закрытии лавки он возвращался к себе в вагон, в котором жил те несколько дней, что находился в Ленинграде. Туда я и отвозил его многочисленные покупки.

Помню, однажды мне случайно попала часть архива одного адмирала. В бумагах, помимо семейной переписки, были документы, относящиеся к воспитанию и образованию великого князя Константина Романова, поэта.

Я предложил архив Ефиму Алексеевичу. Он просмотрел и говорит:

— Очень интересно.

— Так покупайте.

— Не знаю, стоит ли—мне это как будто ни к чему.

Так он архива и не купил.

Демьян Бедный собрал действительно необычайную библиотеку, хотя и говорил, что собирает только книги, нужные ему для работы. Например, он купил книжонку «43 способа завязывания галстука», прочитав которую написал целую сатирическую поэму о старом быте. Он приобретал много книг и в Москве — у всех книжников, но больше всего у Шибанова. В декабре 1928 года он мне писал:

«Уважаемый Федор Григорьевич!

Помнится, что Вы предлагали мне книжечку изд. 1789 г., перевод с французского Ф. Каржавина "Описание вши". Занятый другими покупками, я позабыл об этой книге и забыл также, сколько Вы с меня спрашивали за нее. Не помню точно, Вы мне ее предлагали или кто другой, и в Питере или в Москве? Если книгу предложили Вы, и если она у Вас еще имеется, то вышлите мне ее. Есть ли новинки?

Сердечный привет Александру Игнатьевичу. Я очень и очень благодарен ему за оказанное мне дружеское внимание. Вчера приобрел за три рубля «Позорище странных и смешных обрядов», очень хороший экземпляр. Для моей библиотеки взял я потому, что на нем оказалась собственноручная отметка владельца книги. Кого бы Вы думали? — Кондрата Рылеева! Декабриста! Вот что он читал. Старик Шибанов предложил мне немедленно, по его мнению, сногшибательную цену— 30 руб., чем очень меня насмешил. Такие экземпляры не перепродаются. Им цены нет. Поглядывайте, Федор Григорьевич, на надписи; попадетсЯ еще Рылеев — возьму. Но это очень редкий случай.

Как ваши дела? Желаю Вам—и тем самым нам—успеха! Привет.

Демьян Бедный».

Однажды у меня в магазине Демьян Бедный встретился с Александром Игнатьевичем Андреевым, о котором и упоминает в письме. Тот был тогда ученым секретарем Археографической комиссии. Андреев обещал Демьяну Бедному передать некоторые издания Археографической комиссии и, очевидно, сделал это. Здесь же, у меня в магазине, они вспоминали свои студенческие годы, когда оба учились в семинаре профессора С. Ф. Платонова. До университета Демьян Бедный учился в военно-фельдшерской школе. Он говорил:

Помню, когда я поступил в университет, вы меня все приняли не очень радушно, как красноподкладочника, и вы не ошиблись, подкладка-то действительно оказалась красной.

Ныне исключительно богатая библиотека Демьяна Бедного является филиалом

библиотеки Литературного музея в Москве.

Я многие годы был знаком с пушкинистом Н. О. Лернером, автором книги «Труды и дни Пушкина», получившей академическую премию Петра Великого.

Библиотека Н. О. Лернера была обширной, но с подбором книг преимущественно о Пушкине. В каждой книге было большое количество вкладных листов и листочков, испещренных его малоразборчивым почерком. Николай Осипович был необычайно трудолюбив и усидчив. У него было немало начатых работ, между прочим, и о книжниках-букинистах. Книгу «Труды и дни Пушкина» он дополнил вдвое. Все дополнения сделаны были на полях и на вкладных листах. Библиотеку Н. О. Лернера купила впоследствии Публичная библиотека.

Н. О. Лернер был необычайно остроумный человек, но со странностями. Был такой случай. П. В. Губар в Обществе библиофилов устроил выставку «Альманахи пушкинской эпохи». Лернер предложил сделать на выставке доклад. Губар охотно согласился. Вечер был назначен, публики собралось много. Все ждут Лернера, а его нет и нет. Кто-то сказал, что он приходил, побыл в зале и быстро ушел. Я и Молчанов решили поехать к нему на квартиру. Когда мы приехали к нему, то нашли Лернера в постели. Он категорически, ссылаясь на свою стеснительность, отказался делать доклад на таком обширном собрании. Тогда нам на помощь пришла его жена. Она посоветовала сказать Лернеру, будто вся публика уже разошлась и что доклад надо будет сделать в узком кругу библиофилов. Мы с Молчановым так и поступили. Тогда Лернер согласился, и мы все трое поехали.

Лернер, увидев, что публики много, опять смутился. Но на этот раз мы его не отпустили и уговорили выступить. Доклад Лернер сделал замечательный, а после собрания даже благодарил меня и Молчанова за то, что мы его подбодрили.

У меня, как я уже говорил, имелся альбом рисунков современников и друзей М. Ю. Лермонтова, который я приобрел у семьи Столыпина. В этом альбоме были и два рисунка Лермонтова. Лернер так заинтересовался ими, что прислал ко мне на квартиру фотографа заснять эти рисунки. Николай Осипович сообщил мне, что пишет книгу о Лермонтове и Мартынове, которая в ближайшее время выйдет в свет. Прошло некоторое время, я слышал, что книга Лернера была уже набрана, но в свет она так и не вышла.

Большим любителем книг является Л. И. Раковский. Это единственный из всех писателей, который не говорил, что собирает книги только для работы. Раковский любит книгу как таковую. Ядром библиотеки Раковского является литература конца XVIII-начала XIX века.

Московских писателей я мало знаю; кроме библиотеки Демьяна Бедного, видел собрание книг В. Г. Лидина. Его сравнительно небольшая библиотека меня поразила. В собрании Владимира Германовича Лидина имеется, между прочим, ряд книг из библиотеки Г. Р. Державина. Что касается других книг - главным образом изданий XIX века, - то все они в изумительном состоянии. Особенно запомнилось мне «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» А. Мартынова. Этот экземпляр в желтом марокене фолио, с текстом на русском и французском языках и тройной сюитой акварелей, сделанных Мартыновым, принадлежал ранее, по всей вероятности, самому художнику. Кроме того, у Лидина довольно большое собрание автографов писателей-классиков.

В декабре 1941 года исполнилось 50 лет моей работы с книгой. Художник Верейский сделал мне к этой дате подарок — мой литографированный портрет.

А в январе 1942 года, во время блокады Ленинграда, сгорел дом, в котором я жил. Пожар был настолько ужасен (и не только для меня), что был даже описан в рассказе Всеволода Воеводина «Книжная лавка», напечатанном в № 4 журнала «Звезда» за 1945 год.

Я жил на пятом этаже. При всем старании пожарные ничего не могли сделать с огнем. Напор воды был недостаточен, вода из шлангов не поднималась выше второго этажа. Я пробовал выкидывать книги, но пачки разбивались, книги рассыпались,

примерзали к снегу и льду (было свыше 35 градусов мороза). Мы сидели на остатках своих пожитков, не зная, куда деваться.

После пожара я заболел и пролежал месяца два в больнице. Принявшись после этого за приведение в порядок своей библиотеки, я выяснил, что половина книг погибла, очень много книг совершенно испорчено.

Остатки отдела библиографии я продал Публичной библиотеке, а остальное, уцелевшее,— Книжной лавке писателей.

Во время блокады я вынужден был расстаться с самыми ценными для меня вещами — книгами, которые я мечтал сохранить до конца жизни. Пришлось расстаться со всеми раритетами, в том числе с небольшим, но приятным собранием автографов. Одно утешение, что все мое собрание поступило в Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Между прочим, у меня были некоторые курьезные автографы: например, договор, подписанный Л. Н. Толстым, Чертковым, Софьей Андреевной Толстой и другими, не пить крепких напитков и не угощать ими никого.

Была очень красивая инкунабула — библия 1472 года, напечатанная Кобергером в Нюрнберге, и целый ряд первых изданий, многие из них с автографами. После пожара сохранились картины Сверчкова, Кившенко и небольшое собрание гравюр.

Работая еще в Укркниготорге и часто заходя во все книжные магазины, я купил однажды в «Академкниге» рукописную книгу форматом писчей бумаги, очень толстую. Это оказался том документов Комиссии о строениях за 1729 — 1730 годы, в котором оказались очень любопытные материалы по истории Петербурга. Здесь было много документов за подписями архитектора Земцова и заведующего городскими садами Шредера; очень много материалов о ремонте и устройстве 1, 2 и 3-го петербургских садов. 3-й сад являлся одновременно и зоологическим, потому что были документы, касающиеся ремонта клеток и птичников. В 1729 году от князя Меншикова поступали требования на людей для работы в его садах, а в 1730 году, когда Меншиков был выслан, последовали приказы послать в Москву тысячи разных деревьев из бывших меншиковских садов.

Мне, разумеется, хотелось пристроить эту книгу в надлежащее место. Я предложил ее Ботаническому саду — там отказались, Музею города, Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажу — все по разным причинам отказались; наконец ее купила Академия архитектуры в Москве. А рукописи этой все же надлежало быть в Ленинграде. Кстати, туда же пришлось продать подлинные проекты архитектора Старова и его современников.

У меня имелась любопытная переписка Л. Н. Толстого с редактором «Правительственного вестника» К. Случевским. Когда Толстой написал статью о голоде, цензура ее не пропустила. Толстой послал статью в Лондон, и Чертков напечатал ее на английском языке. В наших газетах появились выдержки из английских газет. Эти выдержки не понравились правящим кругам, и Софья Андреевна Толстая написала Случевскому, прося напечатать ее заявление. Случевский запросил об этом начальника Главного управления по делам печати Феокистова, который ответил Случевскому, что печатать заявление не следует.

Тогда сам Лев Николаевич отправил два письма— одно почтой, другое с оказией,—где пишет: «...в газетах появились перепечатки из английских газет моей статьи о голоде, но от перевода на английский и с английского на русский получились неточности и приписываемые мне мысли не только чужды мне, но и противны всем моим убеждениям.

Примите, милостивый государь, уверения в моем почтении. *12 февраля 1892 г.*
Лев Толстой».

Случевский снова обратился к Феокистову. Тот ему ответил:

«Дорогой Константин Константинович. Разве вы не видите, что эта пара супругов втирает вам очки. Если бы они хотели напечатать опровержение, они могли бы напечатать

в любой газете, а они хотят напечатать в «Правительственном вестнике», как в официальном органе. Не печатайте ни в коем случае.

Феоктистов».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Библиотеке Академии наук СССР. Вавилов. Крачковский. Художник Верейский. Итоги жизни. К молодому поколению

Некоторое время спустя, слегка оправившись после болезни, я зашел в Библиотеку Академии наук СССР, чтобы поблагодарить директора библиотеки Иннокентия Ивановича Яковкина за любезность, заключающуюся в следующем. Я хлопотал об установлении стажа для получения пенсии по старости и обратился к М. Л. Лозинскому с просьбой удостоверить, что мы с ним с 1917 по 1919 год работали в Центральном комитете государственных библиотек, где он был председателем закупочной комиссии, а я — постоянным консультантом. Через несколько дней я получил два удостоверения: одно от М. Л. Лозинского, а другое от И. И. Яковкина, к которому Лозинский обратился по телефону с просьбой уточнить даты моего поступления в комитет и ухода. Яковкин, также работавший в комитете, без моей на то просьбы написал на бланке библиотеки удостоверение, аналогичное справке Лозинского. Меня это растрогало, и я использовал первую же возможность лично поблагодарить Яковкина. Иннокентий Иванович принял меня очень любезно и между прочим спросил, что я делаю. Я сказал, что из Книжной лавки писателей ушел и пока ничем не занят. Он ответил:

- Вы библиотеке очень нужны, но вот нет штатной должности, не сможем дать вам продовольственной карточки.

Я заявил, что имею карточку пенсионера, а поступить на работу на целый день не решаюсь, потому что еще очень слаб.

- Ну что ж, давайте договоримся иначе, - решил он и предложил, чтобы я работал по два часа в день. Так мы и договорились.

Библиотека Академии наук не столь популярна, как Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина или Библиотека им. В. И. Ленина, но в качестве библиотеки-музея имеет огромное значение. Это первая библиотека в России, основанная Петром I.

За десять лет мне посчастливилось познакомиться со всеми сокровищами Библиотеки Академии наук. В ней сохранилось, в частности, немало книг с пометками Петра I из собственной его библиотеки. Есть книги из библиотеки и сына Петра - царевича Алексея Петровича.

Первая моя работа была - просмотреть закупленную библиотеку знатока древнерусской живописи М. И. Успенского.

Эта закупка была неудачной, так как Успенский в течение двадцати лет распродавал по частям свои книги, а Библиотека Академии наук приобрела то, чего не покупали книготорговцы: главным образом книги религиозного содержания. Рукописный отдел библиотеки Успенского был, однако, неплохим, потому что рукописи он в розницу не продавал. Результатом моего просмотра было то, что половина книг была возвращена владельцам.

Следующей моей задачей было пересмотреть весь магазин № 1 запасного фонда, чтобы отметить для библиотеки наиболее редкие книги. С этой целью я на особо редких книгах делал условные пометки: единица означала, что книгу без разрешения дирекции нельзя выдавать никому; двойка - что книгу можно выдать, но лишь после проверки в каталоге; книги без пометок можно выдавать спокойно.

Кроме того, при входе в магазин № 1 была большая груда книг, которую Яковкину очень хотелось разобрать. Я постепенно, в свободное от более спешных работ время, разбирал эту груду. В ней были книги преимущественно большого формата. Между прочим, там оказалось несколько экземпляров сочинения Солнцева «Древности Рос-

сийского государства», в шести томах, книга А. Орешникова «Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам», вышедшая в 1884 году и в продажу не поступавшая, «Русские достопамятности» А. Мартынова и «Успенский собор в Москве» И. Снегирева, напечатанная в небольшом количестве экземпляров, а также очень много других ценнейших книг. Между ними оказалась и редчайшая книга «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где помещена статья К. Тулина (один из псевдонимов В. И. Ленина) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Книга в свое время (в 1896 году) была сожжена, и случайно сохранившиеся экземпляры очень высоко ценились.

Я работал два часа в день и, кроме того, по заданию президента Академии наук С. И. Вавилова два дня в неделю обходил всех книжников города в поисках особо редких книг. Сергей Иванович хотел, чтобы ничто на рынке не проходило мимо нашей библиотеки. С этой же целью он требовал от «Академкниги», чтобы каталоги антикварных книг в первую очередь присылались в библиотеку и направлялись частным лицам только после отбора нужных для нее изданий. Правда, это не всегда исполнялось.

Мне иногда удавалось находить вещи редчайшие. Так, я нашел переплетенный том, содержащий подлинные документы дела Евдокии Лопухиной, дела царевича Алексея Петровича и «листовки Полтавской баталии», в которых указывается, сколько взято пленных, пушек и прочих трофеев. Дело Алексея Петровича встречалось и раньше, а дело об измене Петру Великому жены его Евдокии Лопухиной было известно лишь в общих чертах, в частности его использовал в одном из своих исторических романов К. Валишевский. В нем, между прочим, были воспроизведены письма Евдокии Лопухиной к ее любовнику Глебову, в которых она писала: «Милый, ненаглядный, несмотря ни на что, приходи, я жду тебя» и т. д. Дело о Лопухиной и афиши о победах под Полтавой я видел в первый раз в своей жизни.

Оценка библиотек и отдельных книг, предлагаемых Библиотеке Академии наук, тоже лежала на моей обязанности, главным же образом мне было поручено оценивать фонды самой библиотеки. Яковкин находил, что для оценки фондов Библиотеки Академии наук жизни одного человека не хватит, для этого надо организовать целый институт. Устроили совещание. Я, между прочим, сказал, что математика на что уже точная наука и то имеет теорию вероятностей и приближенные вычисления. Следовательно, оценка библиотечных книг также может быть в какой-то мере приближительной. Тогда Яковкин сказал:

— Цените так, как если бы вам в лавку принесли их для продажи.

Сначала я оценивал справочный отдел. Выдающиеся издания я оценивал каждое отдельно, потом подбирал для каждой полки 5 книг по 100 рублей, 10 книг по 50 рублей, 25 книг по 10 рублей, остальные — по 5 рублей и подсчитывал стоимость каждой полки. С одной стороны, это весьма сокращало время, с другой — в итоге получалась почти точная оценка. Многие справочники приходилось оценивать особо, например десяти томный справочник Чемерзина «Оригинальные издания французских книг». Издание это в Ленинграде не было известно ни одному библиофилу; выпущено оно в 1925—1935 годах в Париже, имеет многочисленные снимки с титульных листов. Издание, правда, описывает только французские книги, но в этой области совершенно затмевает Брюне, Грессе и другие справочники.

После того я принялся оценивать подсобную библиотеку Рукописного отдела и влившуюся в нее библиотеку Н. К. Никольского, в которой было много редких и ценнейших книг вроде «Полного собрания русских летописей», «Патрологии» Жака-Поля Миня в 220 томах, в полном виде встречающейся чрезвычайно редко.

Затем я оценивал особый фонд, содержащий более чем 1500 инкунабул из Готской библиотеки, между которыми нашлись редчайшие. Самое древнее издание—это Псалтирь 1459 года на пергаменте. Самое интересное—географический атлас Птолемея, в котором все карты имели прекрасно сохранившуюся раскраску.

Было также шесть томов венецианского издания Аристотеля.

Из более поздних изданий тоже были уникальные вещи, например труды американского Ученого общества за подписью секретаря общества и Вашингтона, «Горе от ума» Грибоедова, без указания года и места напечатания: этого издания известны только два экземпляра. Но несомненно, что оно выпущено значительно раньше первого, известного, издания 1833 года. Книга эта напечатана была, видно, на примитивном печатном станке, бумага — простая, сложенная вчетверо.

Есть и такое издание, как воспроизведение номера газеты коммунаров с запекшейся кровью Марата. Репродукции были напечатаны в количестве 50 экземпляров Анатодем Франсом, в библиотеке которого находился оригинал газеты.

Я оценивал также русские книги XVIII века, представленные особенно хорошо. Следует сказать, что, помимо основных книг библиотеки, в ней есть и книги влившейся библиотеки Эрмитажа. В отделе книг XVIII века находятся изумительные по декоративному оформлению вещи, например три экземпляра издания «Коронация Елизаветы Петровны», выполненного на веленовой бумаге, имеющего красный, тисненый золотом переплет, с великолепно раскрашенными гравюрами. Такие экземпляры мне еще не приходилось видеть. Имеется любопытное собрание лубочных народных сказок из библиотеки П. А. Ефремова, причем многие сказки представлены в нескольких изданиях. Здесь же хранится зарубежная и подпольная литература, первые издания В. И. Ленина и Сочинения Радищева в ефремовском издании, как известно, уничтоженном.

Сохранившийся экземпляр подарен А. Н. Пыпиным.

Вскоре мне дали другую работу — разбирать книги в магазине № 19, настолько загруженном, что всевозможные издания были сплошь свалены во всех проходах между стеллажами, а некоторые проходы были заполнены до потолка. Между прочим, в одном из проходов под грудой книг я нашел два альбома времени Петра Великого и Елизаветы с чертежами постройки Петербурга и альбомом чертежей флота петровского времени, которые я тотчас передал в Рукописное отделение библиотеки. В проходах находились книги преимущественно из библиотеки Н. П. Лихачева. Обнаружил я здесь также иллюстрированное издание Данте XV века.

После смерти Иннокентия Ивановича Яковкина я вошел в штат библиотеки, работая там по четыре часа, а остальное время проводя на книжном рынке и оценивая предлагаемые библиотеки. На Тучковой набережной мною было разобрано около 60 тысяч разных книг из различных библиотек, принадлежавших ранее частным лицам. Тут я тоже нашел немало ценных книг вроде атласа Крузенштерна или «Жития святых» Ключевского.

Когда Институт востоковедения переехал в Михайловский дворец, освободив весь пятый этаж, туда были перевезены 600 ящиков с книгами из библиотек Виленской Иезуитской академии и Петербургской духовной академии. Хотя эти библиотеки были перевезены и не полностью, там оказалось много замечательных книг; среди них — первые издания Декарта и редчайшие издания Птолемея, география XVI века, около 30 инкунабул. Особенно же ценным было собрание (около 50 томов) из библиотеки Яна Казимира, польского короля, современника Иоанна Грозного; книги этой библиотеки имели великолепные датированные именные переплеты с кожаным тиснением.

Все книги этих библиотек были мною разобраны по содержанию, а наиболее ценные — более 25 тысяч томов — переданы особому фонду. После разборки из других хранилищ было перевезено 500 ящиков с так называемыми вторыми обязательными экземплярами. На самом же деле там было упаковано все, что библиотеки, сдававшие литературу, находили почему-то для себя лишним, хотя между действительно устаревшими оттисками и брошюрами оказалось очень много ценных, например около 20 брошюр В. И. Ленина в первых изданиях.

Много книг было отобрано по истории наук и произведений классиков науки в первых изданиях: книги Менделеева, Меншуткина, Мушкетова, Карпинского, Бутлерова, Циолковского и ряда других ученых. Более 10 тысяч книг и брошюр, иллюстрирующих жизнь Ленинграда, по всем отраслям, вплоть до каталогов коммерческих фирм, отчетов всяких обществ и прочее, мы передали Музею города. В том же плане было отобрано все относящееся к Москве (около 4 тысяч изданий), Киеву и Одессе. Н. П. Лихачев особенно увлекался казанскими изданиями. Я выделил из его библиотеки брошюры и оттиски казанских изданий по всевозможным вопросам; многие представляли чрезвычайную редкость.

Многу были оценены библиотеки ученых Ф. Н. Чернышева, А. П. Федченко, Домаскевича, Подкопаева, академика Берга с книгами по ихтиологии, собрание рукописей Ф. А. Каликина, преимущественно поморских, значительно пополнившее имевшееся собрание поморских рукописей В. Г. Дружинина.

В филиалах библиотеки Академии наук есть вообще много крайне интересных вещей. Мне приходилось видеть в Пушкинском доме «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева с автографом Пушкина и такие редчайшие книги, как «Пригожая повариха» М. Чулкова или трагедия Я. Княжнина «Вадим Новгородский», вырванная по распоряжению Екатерины II из 39-го тома «Российского феатра» и сожженная.

В Ботаническом институте есть подлинные работы Линнея и замечательные инкунабулы по ботанике: два тома таблиц с натуральными листьями и цветами, изданные в XVIII веке.

В библиотеке Института материальной культуры помимо замечательных увражей и карт хранятся подлинные акварели и рисунки Айвазовского.

Библиотека Пулковской обсерватории имеет 80 инкунабул, первые издания трудов Коперника и книгу знаменитого астронома Иоганна Кеплера с его автографом.

Список сокровищ наших библиотек не имеет конца. Я и не берусь их перечислять, а только упоминаю о том немногом, что мне довелось самому увидеть, а иногда и помочь нашим книгохранилищам достать или сохранить.

Еще работая в Книжной лавке писателей, я нередко встречался с С.И. Вавиловым, до того как он стал президентом Академии наук. Особенно же хорошо я узнал Вавилова, когда стал работать в библиотеке. Сергей Иванович очень любил книгу, особенно старинную, и при этом научного содержания.

В 1943 или 1944 году ко мне заходил милейший человек и образованнейший книголюб, Р. К. Карахан. Он заведовал в московском Доме ученых выпиской книг из-за границы. Карахан хотел повидаться со мной, а главное, передать поручение от Вавилова.

— Вавилов задумал открыть антикварный книжный магазин и приглашает вас для его организации,—сказал Карахан.— Сергей Иванович обещает выхлопотать льготные условия планирования оборота, так как предполагается, что магазин будет торговать главным образом антикварно-научными книгами, русскими и иностранными, и гравюрами.

Но директор Книжной лавки писателей Г. М. Рахлин не хотел и слушать о моем уходе. Вскоре, однако, я тяжело заболел и проболел целый год, совсем не работая. За это время я списался с Караханом, который известил меня, что Вавилов хочет при «Академкниге» расширить антикварный отдел и что на втором этаже уже открыта комната для ученых. По указанию Вавилова начали издавать каталог антикварных книг, имеющих в ленинградском и московском магазинах. Каталог был тощенький и настолько малограмотный, что в нем часто помещались одни и те же книги, но с указанием совершенно различных цен. Это вызывало недоумение покупателей. Например, книга в ленинградском отделении стоит 20 рублей, а через несколько страниц—в московском— 60 рублей. Вот Карахан и писал мне, чтобы я в Ленинграде начал руководить отделом книг для ученых и составлять каталоги. Он же будет составлять

каталоги книг московского отделения. Карахан хорошо знал старую книгу, он был учеником П. П. Шибанова в «Международной книге», библиотекарем и секретарем Демьяна Бедного, а также секретарем Вавилова в кружке по изучению старой книги при Доме ученых.

С. И. Вавилов, как говорят, нутром любил старинную книгу, чувствуя ее прелесть и сознавая ее пользу. Вавилов мечтал о полном и подробном описании всех русских книг, находящихся в Библиотеке Академии наук, и по его распоряжению библиотека начала эту работу. Он мечтал широко развить микрокнигу, чтобы пользование редкими, в особенности научными, книгами было возможно во всех уголках Союза. Миниатюрные фотокопии книг удобны для пересылки, их легко читать с увеличителем. Вавилов всегда был первым защитником и покровителем старой книги, ее хранения и распространения. Когда, например, была издана инструкция о покупке старых книг букинистическими организациями, в которой предписывалось не покупать периодических изданий, Вавилов горячо протестовал против этого пункта инструкции. Он просил разрешения покупать старую периодику хотя бы для государственных библиотек и учреждений, и как раз в день смерти Сергея Ивановича было получено извещение из Москвы, что по заявкам ученых в одном из магазинов Ленинграда разрешается покупка периодических изданий. Ныне периодика широко приобретает нашими букинистическими магазинами.

В издательстве «Всемирная литература» я часто встречался с Игнатием Юлиановичем Крачковским. В те годы он был членом редакционной коллегии, а я организовывал библиотеку. Он не знал, что я был издателем библиографической редкости «Похвала книге», в которую включены были редчайшие восточные стихи и изречения о книге, частично в его переводах. Одно из изречений, принадлежащее поэту IX века Ибн-Ясиру, я всегда вспоминаю, когда думаю о своей жизни книжника:

«Я стал одинок, но со мной говорят умершие, и книги рассказывают мне про их мудрость, скрытую от меня раньше... Не умер человек, оставивший нам знание, которым мы будем пользоваться и после его смерти».

В Академии наук председателем ученого совета библиотеки был Крачковский. Здесь мы с ним сблизились, и позднее он сделал доклад В Доме ученых именно о выпущенном мною совместно с И. А. Шляпкиным издании «Похвали книге». Доклад этот он приурочил, как он мне сказал, приблизительно к тридцатой годовщине со дня выхода этой книги. Крачковский начал с того, что вот два деятеля задумали выпустить эту книгу: один давно умер, профессор Илья Александрович Шляпкин, а другой здравствует и находится сейчас среди нас—это Федор Григорьевич Шилов. Далее Крачковский сказал, что «Похвала книге» в некоторой степени способствовала тому, что и он начал собирать материалы о книге, но исключительно арабские, что собрал он их довольно много и думал издать книгу как изречений, так и украшений арабских книг.

— Но один датский ученый,— вздохнул он тут с сожалением,— предвосхитил меня и издал такую книгу, и при этом великолепно,— Крачковский показал собравшимся книгу.— И вот я решил уже такую книгу не печатать, но прочту вам кое-какие изречения из собранных мною материалов.

И он с чувством прочел действительно замечательные арабские изречения о величии книги и значении ее для человека.

Впоследствии я с ним сошелся еще ближе, встречались мы уже как добрые знакомые. Крачковский был необычайно милым, обаятельным человеком. Я помню, как он председательствовал на заседании, когда обсуждали книгу И. М. Кауфмана «Библиография библиографических словарей и справочников». Выступающие— докладчик Д. В. Лебедев, исполнявший обязанности директора Библиотеки Академии наук, О. Э. Вольценбург, и особенно ученый секретарь Археографической комиссии А. И. Андреев — нашли множество недостатков в этой книге. Потом выступил И. Ю. Крачковский и сказал, что он, может быть, профан, но книгу эту прочитал от доски до доски, или, вернее, от обложки до обложки, получив величайшее удовольствие.

Возможно, надо было что-нибудь и прибавить к этой книге, но следует судить о том, что есть, а есть много хорошего. Автора можно только приветствовать и похвалить за то, что он проделал такую огромную работу.

Автор книги сидел тут же, взволнованный доброжелательством Крачковского, а выступающие после него уже хвалили работу. Даже докладчик признался в заключительном слове, что читал эту книгу в общем-то с интересом.

Крачковский должен был читать у нас в Библиотеке Академии наук доклад о своей новой работе. Но доклад не состоялся; вечером накануне Игнатий Юлианович засиделся за работой до полуночи — обычно же он всегда пил вечерний чай в 9 часов,— а после полуночи внезапно умер. Хоронили его очень торжественно. Траурный митинг открыл академик Д. В. Наливкин, говорили академик Струве и другие со скорбью и от чистого сердца: И. Ю. Крачковского все любили.

Библиотека Крачковского состояла из 40 тысяч томов, и я всегда удивлялся, как у него хватало времени на собирательство. Много позднее я прочитал книгу Игнатия Юлиановича о его работе над арабскими рукописями; эта изумительная книга написана как поэма в прозе.

На похоронах Крачковского я встретил художника Г. С. Верейского, который сказал мне, что рисовал его в гробу, и спросил, есть ли у меня литографированный портрет Крачковского его, Верейского, работы.

— Я вам обязательно подарю,— пообещал Верейский. И действительно, он подарил мне портрет позднее. Это одна из наиболее удачных работ Верейского, находится она в моем собрании вместе со многими другими работами Верейского, очень талантливого портретиста нашего времени.

Верейский прослужил около двадцати лет в Эрмитаже, где заведовал отделом гравюр. Любовь к гравюре дала ему возможность воспринять и понять все прелести графики и ее технику.

Особенно хорошо у него получались литографированные портреты, сделанные им в двух сериях,— писателей и художников. Верейский, сам большой любитель и коллекционер, сделал также ряд портретов библиофилов и коллекционеров, например В. А. Десницкого, А. С. Молчанова, сделал и с меня очень удачный литографированный портрет. Почти одновременно он сделал с меня два офорта. Зная, что я собираю все гравюры и литографии, которые чем-либо связаны с книгой, Верейский до сих пор дарит мне время от времени портреты лиц, близких к книге. Так, я имею портреты Б. Н. Окунева и академика Берга, сделанные Верейским на фоне книг.

Работая в Библиотеке Академии наук в течение десяти лет, я, старый книжник, пережил немало приятных минут, находя прекрасные редчайшие книги, некоторые из которых я видел впервые. И мне кажется теперь, что я встретил много добрых, хороших друзей, которых не знал прежде. Ведь книги по своему умению дружить очень похожи на человека.

Воспоминания мои подходят к концу. Я уже стар, мне изменило зрение. И вот, когда человек подводит итог своей жизни, он всегда хочет думать, что хоть в малой степени, но принес пользу своему народу. Хочу думать так и я. Без этой мысли вся жизнь и все, что сделано, показалось бы бесцельным.

Мне захотелось рассказать молодому поколению о многих встречах с интересными и известными людьми, о замечательных книгах, документах, находках, которые иногда по-новому освещают нам события прошлого, о собирании и сохранении нашего национального богатства.

Я отдал всю свою жизнь книге, и она мне отплатила сполна. Благодаря ей я познал всю глубину человеческого разума, общался с замечательными людьми, радовался величию дел великих мастеров.

От души желаю молодому поколению любить и ценить книгу, беречь ее для будущего, как наши предки сохранили книги для нас, оставив нам это бесценное наследство.